Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

TOM 5 HOMEP 2

2014

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 20 мая 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС 77-36311

Журнал издается с 2010 г., выходит 4 раза в год

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 42503

Журнал включен в **Перечень ВАК Министерства образования и науки РФ** рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Главный редактор

Белокрылова О. С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Заместители:

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор,

Гуцелюк Е. Ф., кандидат экономических наук, доцент.

Члены редакции:

Мамедов О. Ю. Заслуженный деятель науки РФ,

доктор экономических наук, профессор,

Дементьев В. В. (Украина), доктор экономических наук, профессор, **Сандоян Э. М.** (Армения), доктор экономических наук, профессор,

Жук А. А. доктор экономических наук, доцент, Игнатова Т. В. доктор экономических наук, профессор, Латов Ю. В. доктор социологических наук, профессор, Левин С. Н. доктор экономических наук, профессор, Вольчик В. В. доктор экономических наук, профессор, Цыганенко С. С. доктор юридических наук, профессор, Локота О. В. кандидат экономических наук, профессор, Скоробогатов А. С. кандидат экономических наук, профессор, Шадрина Е. В. кандидат экономических наук, доцент,

Аверкиева Е. С. кандидат экономических наук.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес редакции:

Учредитель:

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10. Наш сайт: www.hjournal.ru Тел. +7 (863) 269-88-13 e-mail: hp@donpac.ru; info@hjournal.ru

ООО «Гуманитарные перспективы»

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Date of registration: 20th May, 2009.

Registration certificate PI № FS 77-36311.

Founded: 2010 Quarterly Journal

Subscription Index in «Russian Press» 42503

Journal of Economic Regulation is included into «The list of the leading scientific journals and publications under review, where the basic scientific research results of the theses for academic Degrees of Doctor and Candidate should be published» of the Higher Attestation Commission (HAC), the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Editor in Chief

Belokrylova O. S., Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor.

Deputy Editors:

Korytsev M. A., Doctor of Economics, professor,

Gutselyuk E. F., Candidate of Economic Sciences, associate professor.

Editorial Staff:

Mamedov O. Yu. Honored Worker of Science of the Russian Federation,

Doctor of Economics, professor,

Dementyev V. V. (Ukraine) Doctor of Economics, professor, Sandoyan E. M. (Armenia) Doctor of Economics, professor, Zhuk A. A. Doctor of Economics, associate professor,

Ignatova T. V. Doctor of Economics, professor,
Latov Yu. V. Doctor of Social Sciences, professor,
Levine S. N. Doctor of Economics, professor,
Volchik V. V. Doctor of Economics, professor,
Tsyganenko S. S. Doctor of Laws, professor,

Lokota O. V.Candidate of Economic Sciences, professor, **Skorobogatov A. S.**Candidate of Economic Sciences, professor,

Shadrina E. V. Candidate of Economic Sciences, associate professor,

Averkieva E. S. Candidate of Economic Sciences.

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are available at http://hjournal.ru. Papers which do not follow the rules are rejected by the Editorial Staff. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Post-graduates' papers to be published are free of charge.

Editorial office:

Pushkinskaya St., 43, office 10, Rostov-on-Don, Russia, 344082. http://hjournal.ru Phone: +7 (863) 269-88-13 e-mail: hp@donpac.ru; info@hjournal.ru

Founder:

Ltd. «Humanities Perspectives»

	_	
•		_
	2	
	≂	7
	_	
	≺	
	=	•
	5	5
	4	Ė
	C	1
	ĭ	_
	_	_
	-	١
	_	ė
	4	1
	=	
	ر 0)
	п	
	⋍	`
	\mathbf{z}	
	=	
	_	_
	~	•
	u	J
	α	٦
	-	
	C	1
	7	ς
	_	2
	_	
	-	١
	<	1
	-	:
	_	•
	_	
	a	١
	٥	′
	$\overline{}$)
	-	•
	_	
	•	٦
	-	
	C	1
	7	ς
	C	J
	C	۹
	_	4
	г	-
	5	
	C	1
	~	ς
1	_	Ì
,	$\overline{}$	
	_	
	_	_
	\leq	
	\leq)
	\leq)
()
i		
	_ _	
	COLD BEST MCNOS	
	CONCINE REGISTER	
	T LONG MICHAEL ALION	

СЛОВО РЕДАКТОРА	
Белокрылова О. С. Институциональный механизм функционирования малого бизнеса:	
структура и направления совершенствования	6
OVOLIONALIJEOVAS TEORIJS	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	
Нуреев Р. М., Маркин Е. В., Гречкин М. А. XXII Олимпийские зимние игры 2014 г. в Сочи:	
первые итоги	14
Корытцев М. А., Белокрылов К. А. Проблемы трансплантации и модификации	
экономических институтов в сфере государственных закупок современной России	33
Гончарова О. Ю. Публичное управление развитием малого предпринимательства:	
теоретические основы	47
Медведева О. О. Инструментализм vs примордиализм vs конструктивизм: стратегии	
развития образовательных систем в глобальном мире	54
Яковлева Е. А. Поведенческая экономика как область научного знания в современной	
экономической науке	62
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Колесников Ю. С., Дармилова Ж. Д. Совмещение принципов эффективности и социально	ЭЙ
справедливости в региональной экономической политике как императив управления	
пространственным развитием России	70
Палагина А. Н. Уполномоченный по защите прав предпринимателей на федеральном	
и региональном уровне как элемент адаптивной инфраструктуры поддержки	
малого и среднего предпринимательства	82
Позднякова Т. М. Способы оценки эффективности перспективных направлений	
региональной политики	90
ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ	
Аршба М. В. Воспроизводственно-хозяйственные ориентиры страхования	
сельхозтоваропроизводителей на основе анализа зарубежных моделей	97
Овчинников В. Н., Кетова Н. П., Лысоченко А. А. Экологизация сельскохозяйственного	
природопользования - императив обеспечения продовольственной безопасности	105
Холоденко А. М., Степанок Н. Ю. Системная оптимизация инвестиций в развитие сферы	
производства материальных благ и транспортной отрасли	115
ФИНАНСЫ И КРЕДИТ	
Алимпиев Е. В. Методологические проблемы моделирования финансово-монетарной	
трансмиссии	124
Орлова Е. В., Исмагилова Л. А. Налоговая система и реальный сектор экономики:	 1
оптимизация интересов	133

5

EDITORIAL

Belokrylova O. S. Institutional mechanism of operation of small business: structure and ways
of improvement6
ECONOMIC THEORY
Nureev R. M., Markin E. V., Grechkin M. A. XXII Olympic Winter Games of 2014 in Sochi:
first results
Korytcev M. A., Belokrylov C. A. The problems of transplantation and modification of economic
procurement institutes in modern Russia
Goncharova O. Yu. Public management of small entrepreneurship development: theoretical
foundations
Medvedeva O. O. Instrumentalism vs Primordialism vs Constructivism: development strategies
in the global world
Yakovleva H. A. Behavioral economics as a field of scientific knowledge in modern
economics
SOCIAL-ECONOMIC RESEARCH
Kolesnikov Yu. S., Darmilova J. D. Combining the principles of efficiency and social justice
in the regional economic policy as the imperative to control the spatial development
of Russia
Palagina A. N. Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs at federal
and regional levels
Pozdnyakova T. M. Methods of evaluating the effectiveness of perspective directions
of regional policy90
INDUSTRIAL ECONOMICS
Arshba M. V. Reproduction and economic reference points of insurance of agricultural
producers on the basis of the foreign models analysis
Ovchinnikov V. N., Ketova N. P., Lysochenko A. A. Ecologization of agricultural nature
management as the food security imperative
Kholodenko A. M., Stepanok N. Yu. System optimization of investments into the sphere
of material goods production and the transport branch
FINANCES AND CREDIT
Alimpiev E. V. Methodological problems of modeling the financial and monetary
transmission
Orlova F. V., Ismagilova I., A. Tax system and real economic sector: interests ontimization 133

www.hjournal.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА: СТРУКТУРА И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

БЕЛОКРЫЛОВА ОЛЬГА СПИРИДОНОВНА,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: belokrylova@mail.ru

В статье анализируется институциональный механизм функционирования малого предпринимательства в контексте его регулятивной, когнитивной и нормативной составляющих. Обоснована необходимость его комплексного совершенствования; предложено в рамках совершенствования его регулятивного компонента ускорение процесса формирования электронного государства на всех уровнях — федеральном, региональном и муниципальном, в частности, повышение эффективности использования электронных технологий государственных и муниципальных закупок.

Ключевые слова: институты; малое и среднее предпринимательство; электронное государство.

INSTITUTIONAL MECHANISM OF OPERATION OF SMALL BUSINESS: STRUCTURE AND WAYS OF IMPROVEMENT

BELOKRYLOVA OLGA, S.,

Doctor of Economics (DSc), Professor of the Department of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: belokrylova@mail.ru

The author analyzes the institutional mechanism of functioning of small business in the context of its regulatory, cognitive and normative components. Necessity of its comprehensive improvement is justified; the acceleration of the formation of e-government at all levels - federal, regional and municipal, in particular, increase in effective use of electronic technology public procurement is proposed in the framework of improving its regulatory component.

Keywords: institutions; small and medium business; e-government.

JEL: B52.

Анализ проблем развития малого предпринимательства не является традиционным для тематики нашего журнала, но в данном номере представлены две статьи, посвященные проблематике функционирования этой наиболее динамичной формы предпринимательства - Гончарова О. Ю. Публичное управление развитием малого предпринимательства: теоретические основы и Палагина А. Н. Уполномоченный по защите прав предпринимателей на федеральном и региональном уровне как элемент адаптивной инфраструктуры Такая активизация поддержки малого и среднего предпринимательства. исследовательского интереса, на наш взгляд, обусловлена, с одной стороны, значимостью малого предпринимательство как единственного фактора диверсификации нашей экономики, сырьевой характер которой экономическое развитие, а с другой – декларативностью заявлений о расширении

поддержки малого предпринимательства (МП), противоречивостью практики государственного регулирования развития малого предпринимательства — вследствие повышения с 1 января 2013 г. страховых взносов с индивидуальных предпринимателей за 2013 г. самоликвидировалось 932 тыс. индивидуальных предпринимателей (ФНС: количество ИП). Это вновь возвращает нас к традиционно исследуемым авторами нашего журнала институциональным проблемам, в частности, структуры и направлений совершенствования институционального механизма функционирования МП.

Малый и средний бизнес (МСБ) – драйвер развития современной экономики развитых стран, поскольку он составляет основу среднего класса, абсорбирует безработных, число которых возрастает в условиях стагнации¹, повышая тем самым занятость, обеспечивает устойчивость экономической системы, расширяет ассортимент товаров и услуг на рынках, является наиболее адаптивной к инновациям формой бизнеса, обладает мощным антимонопольным потенциалом. Все эти конкурентные преимущества МСБ обеспечивают его высокую долю в структуре налоговых поступлений развитых стран (например, в США — почти 50% бюджетных доходов), абсорбирование около 50% занятого населения в США, Германии, Великобритании, более 70% — в Италии, Японии². Между тем в России малый бизнес производит лишь 13-15% ВВП (Радченко и Соколова, 2009. С. 23) и в настоящее время не просматривается перспектив увеличения численности его субъектов.

Согласно данным ВЦИОМ, число россиян, не планирующих лично заниматься бизнесом, выросло в условиях глобального кризиса 2008-2009 гг. с 44% до 55%3. Проведенный на экономическом факультете Южного федерального университета опрос студентов также показывает, что число студентов, склонных организовать свой бизнес, снижается по мере их перехода на старшие курсы и с течением времени. Так, в 2012 г. 68% опрошенных студентов 1-2 курсов планировали заниматься собственным бизнесом, на старших 4-5 курсах их доля сократилась до 24%. К тому же эта тенденция отсутствия даже прогнозов заниматься предпринимательской деятельностью нарастает: по опросу 2014 г. уже лишь 53 % студентов 1-2 курсов планировали организовать собственное дело, доля склонных к предпринимательской деятельности на 5-6 курсах осталась прежней – 24%. На наш взгляд, это связано с тем, что углубление знаний относительно реального состояния рынка, прозрачности рыночных процессов, процедур открытия и закрытия малого предприятия многие студенты меняют свои планы в сторону большей привлекательности наемного труда. Это требует разработки системы мер по снижению барьеров входа на рынок для малых предприятий, а также стимулирования молодых специалистов к открытию собственного дела на основе специальных инструментов финансовой поддержки молодежного предпринимательства и повышения степени открытости информации о федеральных, региональных и муниципальных программах поддержки МСБ.

Конечно, в научной литературе до сих пор не утихают споры о механизмах поддержки предпринимательства (Вольчик, 2012. С. 52-62). На наш взгляд, решение дискуссионной проблемы требует, прежде всего, структурирования институционального механизма функционирования и развития МСП. Базируясь на разработках, в частности, Р. Скотта, имеющихся его определившего институциональную среду как совокупность трех аспектов, которые отвечают за разные институциональные элементы и могут оказывать различное влияние на поведение индивидов и фирм: регулятивного (политика государства по отношению к бизнесу), когнитивного (знания и навыки, разделяемые в обществе) и нормативного (система ценностей в обществе) (Scott, 2001. P. 118), в структуре институционального механизма функционирования МСП, на наш взгляд, выделяются

¹ В первом квартале 2014 г. рост ВВП составил 100,9%, а в 1 квартале 2013 г. - 107% (ВВП (за I квартал 2014 г.) (Федеральная служба государственной статистики; Социально-экономическое положение, 2014. С. 8-9).

² См.: Small Business Administration. (http://www.sba.gov/ – Дата обращения: 06.03.2014).

³ См.: Кризис и предпринимательский дух россиян. (http://www.nepsite.ru/node/5755).

составляющие: регулятивная, определяющая политику государства по отношению к бизнесу; когнитивная — совокупность правил и норм, определяющих оборот знаний в обществе и формирование на их базе навыков предпринимательской деятельности, и нормативная — система ценностей и предпринимательской этики в обществе.

Первостепенное значение в структуре институционального механизма функционирования предпринимательства имеет регулятивная составляющая, включающая административные и экономические методы регулирования предпринимательской деятельности, государственную экономическую политику развития МСБ, т.е. те формальные, созданные государством институты, которые обеспечивают его устойчивое функционирование и развитие. Поэтому государство оказывает наибольшее влияние на первые две составляющие институционального механизма функционирования малого и среднего предпринимательства, поскольку непрерывно модернизирует законодательство, а начиная C 1991 разрабатываются программы развития МСБ. Между тем только в 2006 г. в Федеральном Законе «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» институционализированы в качестве субъектов малого бизнеса физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица⁴, ранее находившиеся вне правового поля. Тем самым был завершен процесс законодательной легитимации всех субъектов МБ.

Согласно отчету Всемирного банка «Ведение бизнеса в 2014 г.», в России по сравнению с 2013 г. произошло улучшение ряда показателей институциональной среды функционирования предпринимательства (см. табл. 1), но по некоторым — произошло понижение положения России в данном рейтинге — по условиям кредитования, защите инвесторов и разрешению неплатежеспособности, что, на наш взгляд, обусловлено жесткими мерами коллекторских компаний.

 $\begin{tabular}{ll} \it Tаблица~1 \\ \it Pейтинг России согласно отчету Всемирного банка Ведение бизнеса в 2014 г. \\ \end{tabular}$

ТЕМЫ	DB 2014 Рейтинг	DB 2013 Рейтинг	Изменение рейтинга
Регистрация предприятий	88	100	* 12
Получение разрешений на строительство	178	180	* 2
Подключение к системе электроснабжения	117	188	* 71
Регистрация собственности	17	46	* 2 9
Кредитование	109	105	* -4
Защита инвесторов	115	113	ŧ -2
Налогообложение	56	63	* 7
Международная торговля	157	162	* 5
Обеспечение исполнения контрактов	10	10	Нет изменений
Разрешение неплатежеспособности	55	53	ŧ -2

Источник: Легкость ведения бизнеса в Российской Федерации. (http://www.russian.doingbusiness.org – Дата обращения: 20.10.2013).

Хотя институциональный механизм функционирования предпринимательства находится в постоянном движении: правила появляются, получают свое развитие, дополняются новыми и исчезают, переходят из неформальных в формальные, дополняются новыми санкциями и неформальными нормами, но четко тестируется систематическое запаздывание

⁴ См.: Федеральный закон № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» в ред. от 02.02.2006 № 19-ФЗ. КонсультантПлюс. (http://www.consultant.ru – Дата обращения: 02.12.2013).

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Tom 5, №2. 2014

институционализации устойчивых цивилизованных стереотипов поведения предпринимателей, деловой морали, этики, без чего невозможно оформление этих институциональных форм в нормы действующего права (законодательства) (*Семин*, 2012. С. 171-172).

отЄ обусловливает объективную необходимость совершенствования институционального механизма функционирования МСП в контексте его регулятивной, когнитивной и нормативной составляющих. Так, по нашему мнению, в рамках модернизации его регулятивного компонента ускорение процесса формирования электронного государства на всех уровнях - федеральном, региональном и муниципальном, в частности, повышение эффективности использования электронных технологий государственных и муниципальных закупок обеспечит их транспарентность и тем самым доступность для МСП. Поэтому, на наш взгляд, важным направлением совершенствования регулятивного компонента институционального механизма его функционирования выступает стимулируемое государством развитие информационной сети, с одной стороны, в части представления всей информации на соответствующих сайтах федеральных, региональных и муниципальных органов, а с другой – через использование электронных технологий государственных и муниципальных закупок. Так, с 1 января 2010 г. федеральные ведомства обязаны размещать лоты госзакупок, превышающие 500 тыс. руб., исключительно на электронных аукционах, а с 1 января 2011 г. электронные торги стали обязательной формой размещения госзаказа для всех субъектов Федерации и муниципалитетов. Объем торгов, таким образом, одномоментно вырос в несколько раз. С 1 января 2012 г. порядок государственных закупок, в том числе и через электронные торги, регулируется федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁵, т.е. в единую информационную систему государственных и муниципальных закупок были включены и все регулируемые организации.

На мезоуровне совершенствование регулятивного компонента институционального механизма его функционирования целесообразно осуществлять через институт целевых программ. Так, в Ростовской области уже реализованы четыре областные целевые программы развития малого предпринимательства, а в настоящее время реализуется пятая программа.

Совершенствование когнитивной его составляющей, наряду традиционными мерами (пропаганда и популяризация предпринимательской деятельности в средствах массовой информации, подготовка методических, информационных и презентационных материалов, проведение рейтинговых конкурсов, конференций, форумов, семинаров, круглых столов, мастер-классов, тренингов по вопросам развития малого и среднего предпринимательства, способствующих повышению уровня знаний и навыков у потенциальных предпринимателей) включает, по нашему мнению, введение в школах, особенно сельских, дисциплин, обеспечивающих формирование предпринимательских компетенций, начиная с младших классов, с тем, чтобы после окончания школы через бизнес-инкубатор они были готовы к началу собственного дела. И именно их, на наш взгляд, необходимо поддерживать льготными кредитами. Развитию когнитивной составляющей институционального механизма функционирования МСП в Ростовской области способствует также реализация на экономическом факультете ЮФУ уже в течение 15 лет программы дополнительного образования "Менеджмент" для представителей предпринимательских структур, отбираемых для повышения квалификации Правительством Ростовской области и частично финансируемых им.

Совершенствование нормативной составляющей институционального механизма функционирования МСП включает систему мер и инструментов по

⁵ См.: Федеральный закон № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в ред. от 12.03.2014 № 26-ФЗ. КонсультантПлюс. (http://www.consultant.ru – Дата обращения: 20.03.2014).

формированию новой деловой этики, предотвращающей оппортунистическое поведение предпринимателей и ориентирующей их поведение на реализацию цивилизованных принципов функционирования предпринимательства, формирование в обществе высокой оценки роли предпринимательства.

Таким образом, институциональный механизм функционирования предпринимательства — это совокупность формальных и неформальных институтов, регулирующих предпринимательскую деятельность, в том числе его поддержку со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Кроме того, формирование предпринимательских компетенций в рамках образовательной поддержки проводится через повышение квалификации и профессиональной переподготовки руководителей и специалистов субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе в формате дистанционного обучения. В 2009 г. разработана региональная образовательная программа по основам предпринимательства, с 2010 г. данная программа внедрена в пилотных общеобразовательных учреждениях и профессиональных образовательных организациях.

В силу отсутствия знаний у населения о муниципальных программах поддержки МСБ необходимо проводить семинары в университетах, на которых подробно рассказывалось бы о действующих программах, условиях участия в них.

Таким образом, исследование неформальных и формальных институтов, опосредующих функционирование предпринимательства, позволяет сформулировать принципы построения институционального механизма эффективного функционирования И устойчивого развития малого предпринимательства:

- принцип информационного обеспечения, доступности информации, например, о мерах поддержки и государственных закупках;
- совершенствование системы формальных институтов (законов), опосредующих функционирование предпринимательства, прежде всего в направлении оптимизации налогового бремени. Это означает реализацию принципа общественного обсуждения принимаемых законодательных актов, с тем чтобы они не вели к негативному воздействию на бизнес и государственные доходы, как это произошло с повышением с 1 января 2013 г. страховых платежей на индивидуальных предпринимателей, когда вместо увеличения поступления страховых платежей они уменьшились на 13 млрд. руб.;
- снижения издержек по гражданским делам, связанным с функционированием предпринимательства;
- создание государством благоприятных условий для решения проблем самими субъектами МСП в рамках их ассоциированных общественных организаций;
- совершенствование статистической отчетности по функционированию предпринимательства, законодательная поддержка субъектов малого бизнеса, реализующих принцип информационной прозрачности своей деятельности;
- демонополизация экономики и создание равных условий для предпринимателей вне зависимости от того, как государство оценивает значимость конкретной сферы производства или вида деятельности.

Однако существует множество проблем, стоящих на пути развития малого и среднего бизнеса, конкретизация которых на микроуровне с целью сосвершенствования общего институционального механизма функционирования предпринимательства базируется на организационной диагностике, которую мы проведем на примере МП ООО «Давос – Трейдинг» как субъекте отраслевого рынка строительных материалов. Нами отобраны 6 экспертов - 3 представителя топменеджмента компании, 2 преподавателя экономического факультета ЮФУ, осуществлявших камеральное обследование компании, и, наконец, выпускница магистратуры по направлению "Экономика", программа "Экономическая теория", проходившая завершающую практику на данном предприятии.

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Tom 5, №2. 2014

На первом этапе эксперты выделили те функциональные области, которые оконтуривают поле деятельности ООО «Давос – Трейдинг»:

 F_1 – производственная деятельность;

 ${\bf F}_2$ – финансовая деятельность;

F₃ – снабжение материально-техническими ресурсами;

F₄ – управленческая деятельность;

F₅ – маркетинговая политика (политика сбыта);

F₆ – технологическая политика;

F₇ – управление персоналом;

F₈ – инновационная деятельность;

 ${\bf F}_9$ – рекламная деятельность;

 F_{10} – организационное поведение и имидж организации.

Эксперты осуществили оценку успешности деятельности диагностируемой организации ООО «Давос – Трейдинг» по 9-балльной шкале.

Развитие		Кризис			
S_4^+ S_3^+ S_2^+ S_1^+	S^N	$S_1^- S_2^- S_3^- S_4^-$			

Так как результаты оценки экспертов усредняются, то был определен диапазон отнесения средних значений к точкам введенной шкалы.

$$\begin{split} S_4^- &= \{\mathbf{x} < 1,5\}; \ S_3^- &= \{2,5 > \mathbf{x} \ge 1,5\}; \ S_2^- &= \{3,5 > \mathbf{x} \ge 2,5\}; \\ S_1^- &= \{4,5 > \mathbf{x} \ge 3,5\}; \ S^N &= \{5,5 > \mathbf{x} \ge 4,5\}; \ S_1^+ &= \{6,5 > \mathbf{x} \ge 5,5\}; \\ S_2^+ &= \{7,5 > \mathbf{x} \ge 6,5\}; \ S_3^+ &= \{8,5 > \mathbf{x} \ge 7,5\}; \ S_4^+ &= \{\mathbf{x} \ge 8,5\}, \end{split}$$

где x — среднее значение оценки экспертов данной функциональной области. Результаты оценок экспертов представлены в табл. 2.

 ${\it Tаблица~2}$ Экспертные оценки состояния сфер деятельности предприятия

Эксперты	F ₁	F 2	F 3	F 4	F 5	F 6	F 7	F 8	F 9	F 10
1	6	9	6	6	5	3	6	2	1	9
2	6	9	5	6	5	3	6	2	1	9
3	5	9	5	5	6	4	5	3	1	9
4	5	8	6	5	6	4	5	2	2	7
5	6	9	6	6	6	3	6	3	1	8
6	5	7	6	6	6	3	6	2	1	9

Используя традиционный аппарат математической статистики для определения среднего балла, дисперсии индивидуальных балльных оценок, коэффициента вариации, были рассчитаны средние результаты (см. табл. 3).

 ${\it Tаблица~3}$ Показатели средних результатов экспертных оценок деятельности

	F ₁	\mathbf{F}_2	F 3	\mathbf{F}_4	F 5	F 6	F 7	F 8	F 9	F 10
X i	5,5	8,5	5,67	5,67	5,67	3,33	5,67	2,33	1,17	8,5
σ (x _i)	0,55	0,84	0,52	0,52	0,52	0,52	0,52	0,52	0,41	0,84
v_i	0,10	0,10	0,09	0,09	0,09	0,16	0,09	0,22	0,35	0,10

ООО «Давос - Трейдинг»

Анализ значений коэффициента вариации σ (x $_i$) позволяет оценить степень согласованности экспертов как удовлетворительную. Экспертные оценки деятельности предприятия в различных сферах дают возможность определить

реальное его состояние через результаты проведенной диагностики (см. табл. 4).

Результаты диагностики ООО «Давос - Трейдинг»

Таблица 4

Область диагностики	S+	S N	\mathbf{S}^{-}
консультационная деятельность - F ₁	$S_{1}^{+}(5,5)$		
финансовая деятельность - F 2	S+4 (8,5)		
снабжение ресурсами - Г 3	S+1 (5,67)		
управленческая деятельность - F4	S+1 (5,67)		
маркетинговая политика - F 5	S+1 (5,67)		
технологическая политика - F 6			$S_{2}^{-}(3,33)$
управление персоналом - F7	$S_{1}^{+}(5,67)$		
инновационная деятельность - F ₈			$S_{3}(2,33)$
рекламная деятельность - Г 9			S-4 (1,17)
организационная культура и имилж организации - F 10	S+4 (8.5)		

Охарактеризуем ситуацию на предприятии, используя результаты экспертизы:

- в финансовой сфере, организационной культуре и имидже организации ситуация находится в стадии роста и развития, в целом предприятие получает прибыль;
- в сферах снабжения предприятия производственными ресурсами, управленческой деятельности и управления персоналом тестируются низкий уровень развития информационных технологий, неэффективность системы планирования, текучесть производственных кадров, отсутствие долгосрочных четких целей и стратегий;
- в сфере маркетинговой политики: из-за того, что предприятие оказывает одни и те же услуги каждый год, то количество клиентов сформировано годами и для привлечения дополнительных клиентов меры не принимаются;
- в сфере рекламной деятельности: практически отсутствуют рекламные мероприятия;
- в сфере инновационной деятельности и технологической политике: происходят попытки разработки оказания дополнительных услуг путем рассмотрения новых технологий обработки и хранения продукции;
- в производственной области проблемой является высокая степень износа основных средств и отсутствие квалифицированных кадров.

Рис. 1. Диагностический профиль организации

Таким образом, общая характеристика ситуации на конкретном предприятии OOO «Давос – Трейдинг» как фирмы, находящейся в стадии стабильности и слабого

роста, обусловливает необходимость разработки системы мер по стимулированию роста объемов производимой продукции (обойного клея). Полученные выводы позволяют систематизировать проблемы малого и среднего бизнеса, обостряющиеся в условиях стагнации: барьеры доступа к дополнительным источникам финансирования, отсутствие разработанных стратегий развития и новационных бизнес-моделей максимизации прибыли, занятость основного рабочего времени собственников и менеджеров текущей деятельностью в ущерб стратегической. Это позволило обосновать необходимость формирования государственного заказа на предоставление образовательных и консалтинговых услуг для МСБ как формы его государственной поддержки, обеспечивающей повышение его конкурентоспособности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вольчик В. В. (2012). Государственное регулирование предпринимательской деятельности: проблема институциональных барьеров // Вопросы регулирования экономики, Т. 3, № 3.

Кризис и предпринимательский дух россиян. (http://www.nepsite.ru/node/5755).

Легкость ведения бизнеса в Российской Федерации. (http://www.russian.doingbusiness.org – Дата обращения: 20.10.2013).

Радченко М. В. и Соколова Г. В. (2009). Место малого бизнеса в экономике страны, опыт России и Китая // Экономические науки, № 9.

Социально-экономическое положение России. Январь-март 2014 г. М.: ФСГС, 2014. Федеральная служба государственной статистики. (http://www.gks.ru - Дата обращения: 05.07.2014).

Федеральный закон № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» в ред. от 02.02.2006 № 19-ФЗ. КонсультантПлюс. (http://www.consultant.ru – Дата обращения: 02.12.2013).

Федеральный закон № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в ред. от 12.03.2014 № 26-ФЗ. КонсультантПлюс. (http://www.consultant.ru – Дата обращения: 20.03.2014).

 Φ HC: количество ИП в 2013 г. резко сократилось. (http://www.vestifinance.ru/articles/38459).

Scott R. (2001). Institutions and organizations. SAGE Publications: Thousand Oaks. Small Business Administration. (http://www.sba.gov/ – Access Date: 06.03.2014).

REFERENCES

Volchik V. V. (2012). The state regulation of entrepreneurship: the problem of institutional barriers. *Journal of Economic Regulation*, vol. 3, no. 3. (In Russian).

Crisis and the Entrepreneurial Spirit of the Russians. (http://www.nepsite.ru/node/5755). (In Russian).

Ease of Doing Business in the Russian Federation. (http://www.russian.doingbusiness.org - Access Date: 20.10.2013). (In Russian).

Radchenko M. V. and Sokolov G. V. (2009). Place of a small business in the economy, the experience of Russia and China. Economics, no. 9. (In Russian).

Social-Economic Situation in Russia. January-March 2014, Moscow, Federal State Statistics Service, 2014. (In Russian).

Federal State Statistics Service. (http://www.gks.ru - Access Date: 05.07.2014). (In Russian).

Federal Law Nº 88-FZ "On State Support of Small Business in Russia" as amended on 02.02.2006 Nº 19-FZ. ConsultantPlus. (http://www.consultant.ru - Access Date: 02.12.2013). (In Russian).

Federal Law № 223-FZ "On Procurement of Goods, Works and Services by Certain Types of Legal Entities" as amended on 12.03.2014 № 26-FZ. ConsultantPlus. (http://www.consultant.ru - Access Date: 20.03.2014). (In Russian).

FTS: The Number of IE Fell Sharply in 2013. (http://www.vestifinance.ru/articles/38459). (In Russian).

Scott R. (2001). Institutions and organizations. SAGE Publications: Thousand Oaks. Small Business Administration. (http://www.sba.gov/ – Access Date: 06.03.2014).

www.hjournal.ru

XXII ОЛИМПИЙСКИЕ ЗИМНИЕ ИГРЫ 2014 Г. В СОЧИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,

доктор экономических наук, ординарный профессор НИУ «ВШЭ», заслуженный работник Высшей школы РФ, заведующий кафедрой макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, e-mail: nureev50@gmail.com

МАРКИН ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры истории физической культуры, спорта и олимпийского образования, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, г. Москва, e-mail: ev-markin@yandex.ru

ГРЕЧКИН МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ,

магистр кафедры истории физической культуры, спорта и олимпийского образования, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, г. Москва, e-mail: gma080@gmail.com

В статье рассматривается история борьбы Сочи за право проведения Олимпийских зимних игр. Авторы приводят первые итоги XXII Олимпийских зимних игр 2014 года в Сочи с точки зрения их влияния на развитие города-курорта и Краснодарского края в целом. Проведен детальный сравнительный анализ основных социально-экономических показателей Сочи и Краснодарского края со средними показателями Южного федерального округа и России в течение всего олимпийского делового цикла «Сочи 2014». XXII Олимпийские зимние игры 2014 года дали мощный импульс развитию г. Сочи и Краснодарского края и способствовали их ускоренному развитию.

Ключевые слова: Сочи 2014; Олимпийские зимние игры; олимпийский деловой цикл; инвестиции; региональная экономика.

XXII OLYMPIC WINTER GAMES OF 2014 IN SOCHI: FIRST RESULTS

NUREEV RUSTEM, M.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Tenured Professor of HSE, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Head of the Department "Macroeconomics", Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: nureev50@gmail.com

MARKIN EVGENY, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Lecturer of the Department of Physical Education, Sport and Olympic Education, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism, Moscow, e-mail: ev-markin@yandex.ru

GRECHKIN MAXIM, A.,

Master of the Department of Physical Education, Sport and Olympic Education, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism, Moscow, e-mail: gma080@gmail.com

The paper deals with history of Sochi Bid for Winter Olympics. The authors bring the first results of the XXII Olympic Winter Games in Sochi in 2014: what is the socio-economic impact on the development of the resort town and the Krasnodar region in general. A detailed comparative analysis of major socio-economic indicators of Sochi and the Krasnodar region done with the average indicators of the Southern Federal District and Russia throughout the Olympic business cycle "Sochi 2014". XXII Olympic Winter Games of 2014 gave impetus to the development of Sochi and the Krasnodar region and helped accelerate their development.

Keywords: Sochi 2014; Olympic Winter Games; Olympic Business Cycle; investments; regional economy.

JEL: E22, E32, L83, R11.

1. Сочи на пути к XXII Олимпийским зимним играм

Идея проведения Олимпийских зимних игр 2014 года в Сочи, когда в августе 2005 года Олимпийский комитет России официально выдвинул российский курорт на получение права провести Олимпийские зимние игры в 2014 году, возникла не в первый раз. О Сочи, как о возможном месте проведения Олимпийских зимних игр, узнали ещё во времена СССР в далёком 1989 году. 28 апреля 1989 года на стол Председателя ЦК КПСС лёг документ «О предложениях по проведению Олимпийских зимних игр 1998 года в СССР». Документ был подготовлен в единственном экземпляре и имел гриф «секретно».

В соответствии с поручением номер «04117» Госкомспорт СССР, возглавляемый тогда М. В. Грамовым, совместно с заинтересованными организациями обстоятельно изучили в различных регионах СССР возможность организации и проведения Олимпийских зимних игр. Парадоксально, в 1989 году конкуренцию Сочи на «всесоюзном смотре» составляли все те же Алма-Ата и посёлок Бакуриани, города, которые были заявлены на право проведения Олимпийских зимних игр 2014 года от других государств.

Примерные расчёты показали, что на организацию Игр в Бакуриане потребуется около 1080 млн. рублей, в Алма-Ате — 845 млн. рублей, в Сочи — 664 млн. рублей. Эксплуатационные расходы представлялись примерно равными — 6,6 млн. рублей в год. В документе было также прошение о поручении НОК СССР рассмотреть указанные города для подачи заявки от СССР на право принять Игры 1998 года. Резолюция заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС была положительной, и 4 августа 1989 года на пленуме НОК СССР было принято постановление, подписанное М. В. Грамовым «О выдвижении города Сочи (Красная поляна) кандидатом на проведение Олимпийских зимних игр 1998 года». 24 января 1990 года Совет Министров РСФСР принял постановление в поддержку кандидатуры Сочи на проведение Олимпийских зимних игр 1998 года. Председателем подготовительного комитета «Сочи-98» был назначен Председатель Совета министров РСФСР А. Власов.

Но начались неспокойные 90-е годы. Это было трудное время как для страны в целом, так и для спорта в частности. В 1990 году после 9-летнего правления был отправлен в отставку главный идеолог Олимпийских зимних игр в Сочи 1998 года М. В. Грамов, а НОК СССР был выведен из состава Госкомспорта СССР. Руководителем НОК был назначен В. Смирнов.

В 1990 году начала проявляться катастрофическая нехватка валютных

средств, из-за политической и экономической нестабильности с Сочи отказались сотрудничать многие зарубежные фирмы, члены МОК не посещали Сочи. Последними попытками спасти заявку в 1990 году были письмо Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина президенту МОК Самаранчу (17 июля) и выделение ссуды из бюджета РСФСР на покупку валюты для обеспечения заявки Сочи.

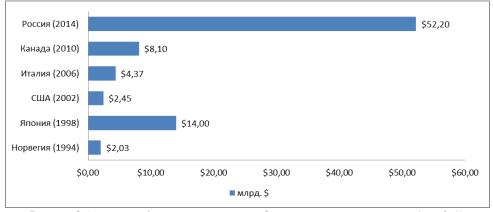
Однако 14 мая 1991 года Сочинский совет Народных депутатов Краснодарского края принял решение снять кандидатуру Сочи с голосования на право проведения Олимпийских зимних игр 1998 года. В официальном документе причины решения были указаны следующие: из 96 членов МОК с заявкой Сочи ознакомились лишь 12, мотивируя это внутриполитической нестабильностью в СССР и экономическим кризисом, а также необеспечение валютной части сметы расходов, из-за чего рекламная компания не была проведена на должном уровне. В результате этого, по мнению народных депутатов, Сочи не имеет шансов завоевать право проведения Олимпийских зимних игр 1998 года. Тем не менее, депутаты попросили НОК СССР считать Сочи претендентом на Игры 2002.

По решению НОК России в 2005 году был создан заявочный комитет «Сочи 2014» во главе с Дмитрием Чернышенко, который принял участие в борьбе за право проведения Олимпийских зимних игр 2014 года. Город победитель был выбран во время 119-й сессии МОК в Гватемале 4 июля 2007 года.

2. Влияние подготовки к Олимпийским зимним играм на улучшение делового климата и инвестиционной привлекательности региона

Олимпийские зимние игры в Сочи стали предметом широкой дискуссии в России. Справедливую критику вызвали огромные расходы, связанные с подготовкой и проведением Игр. Действительно, если мы сравним затраты, которые были осуществлены для подготовки Игр 1994-2010 гг., с затратами на Игры в Сочи, то разница будет как минимум в 4-5 раз больше.

Затраты на Олимпийские игры в Сочи стали самыми большими в истории Олимпийских зимних игр и одними из самых больших в истории проведения Игр в целом (см. рис. 1). Попытаемся разобраться, насколько они были оправданы.

Puc. 1. Общие расходы на организацию Олимпийских зимних игр (млрд \$) **Составлено** автором на основе анализа литературы (Flyvbjerg and Stewart, 2012).

Если посмотреть узко с точки зрения проведения Олимпийских игр, то можно согласиться с критиками этих огромных затрат. Однако, если посмотреть на этот вопрос комплексно, то отрицательный ответ окажется не столь очевидным. Созданный в 1930-1950-е гг. всесоюзный курорт к началу XXI века заметно устарел и уже не соответствовал возросшим требованиям даже российских граждан. Поэтому, если раньше большинство населения старалось отдохнуть на Черном море, то в конце XX — начале XXI века массовые туристические потоки переместились в Турцию и Египет. Удорожанию отдыха способствовало и то обстоятельство, что курортный сезон длился лишь полгода — с конца апреля до начала октября. Тогда

как содержать санатории и дома отдыха необходимо было в течение всего года. В зимний период большинство мест отдыха пустовало. Поэтому перед организаторами Олимпийских игр в Сочи стояли более комплексные задачи: строительство современных гостиниц, обновление устаревшей туристической инфраструктуры, модернизация аэропорта и железнодорожного вокзала, строительство автомобильных дорог и прочее.

Приведем в качестве примера структуру инвестиций на первом этапе подготовки к Играм. Так, в 2009 году почти 4/5 инвестиций было направлено на производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а также на строительство, значительная часть которого была не связанна непосредственно с олимпийскими объектами (см. рис. 2).

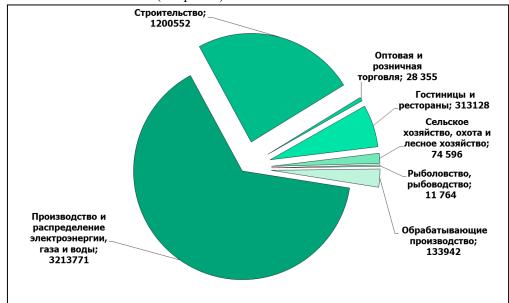

Рис. 2. Отраслевая структура инвестиций в Сочи в 2009 г., тыс. руб. **Источник**: Стратегия развития г. Сочи до 2020 г.

К тому же инвестиции были направлены не только в Сочи, но и на развитие всего Краснодарского края. В последние годы Краснодарский край в целом стал флагманом роста социально-экономических показателей, а Сочи в 2012 г. стал самым привлекательным городом России для ведения бизнеса. Столица края — Краснодар — в 2013 году занял почетное 3-е место (см. рис. 3).

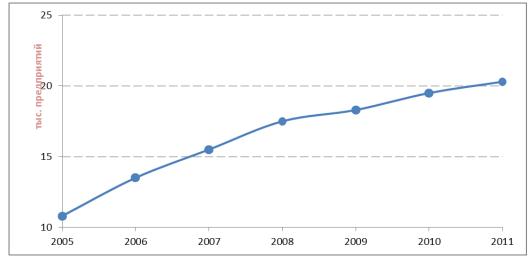
Рис. 3. ТОП-30 городов России по удобству ведения бизнеса (2012 г.) **Составлено** автором по материалам журнала «Форбс» (http://www.forbes.ru).

Таблица 1 Сравнительная характеристика рейтинга Сочи по степени привлекательности деловой активности в 2008-2012 гг.

Место	Год			P	ейтинги			
1	2012							TT
		численность населения	Кадры	Доступность финансовых ресурсов	Инфраструктура Ади		инистративные барьеры	Налоги
		17	30	1	1 3		2	3
		349000	0,23	1,06	0,77		0,87	0,83
9	2010		оциальные актеристики	Обеспеченность населения	Деловой климат	Богатство региона	Инфраструктура	Комфортность ведения бизнеса
		13	24	18	25	26	3	8
		340000	15,00	20,00	14,00	13,00	7,00	3,00
11	2008	Численность населения	•		Деловой климат	Инф	раструктура	Комфортность ведения бизнеса
		<u>16</u>		29		13		1
		331100	5	4,00	10,00		29,00	9,00

Составлено автором на основе анализа данных журнала «Форбс» (http://www.forbes.ru).

Необходимо отметить, что еще в 2008 году Сочи занимал 11 место, а в 2010 году - 9 место в этом рейтинге. Важно отметить, что эти успехи произошли отнюдь не сразу. Несмотря на огромные капиталовложения, по уровню развития инфраструктуры Сочи за 4 года, с точки зрения экспертов, не продвинулся и остался на 13 месте. А вот в рейтинге комфортности ведения бизнеса и делового климата он стал одним из лидеров (см. табл. 1). Это легко объяснить высокими темпами развития Сочи и необходимостью привлечения инвесторов, для чего и создавались накануне Олимпийских игр специальные преференции и комфортные условия ведения бизнеса.

Puc. 4. Число предприятий, тыс. в г. Сочи **Источник:** Оргкомитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр «Краткий отчет о влиянии Игр». Январь 2013.

25000 ОДЦ «СОЧИ 2014» 20000 16584 15114 15000 Российска Федерация 11423 12929 Южный федеральный округ 10000 Краснода 8088 9692 7245 757 7193 5000 5545 0,208 156 1990 2000 20 05 2006 2007 2008 2009 2010 2011 2012

Деловая активность (измеряемая количеством предприятий, действующих в городе Сочи), показала устойчивый рост в 2005 – 2011 годах (см. рис. 4).

Рис. 5. Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц; рублей; 1990 г. - тыс. руб.) **Составлено** авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Программы инвестирования в 2011 г. способствовали созданию новых и поддержке функционирования существующих 686 контрагентов Оргкомитета «Сочи 2014» (в том числе 400 — российские организации, 59 — иностранные контрагенты; 216 — индивидуальные предприниматели, частные лица и др.).

Поставщиками товаров и услуг ГК «Олимпстрой» выступили более 1000 организаций. В их составе самую крупную группу представляли поставщики материалов (25,4%), оборудования и механизмов (24,3%), а также исполняющие проектирование и строительно-монтажные работы $(22,9\%)^1$.

3. Влияние подготовки и проведения Олимпийских зимних игр на социально-экономическое развитие Сочи и Краснодарского края

Огромные капиталовложения, осуществленные в предолимпийский период, способствовали тому, что среднедушевые денежные доходы населения Краснодарского края росли в течение всего олимпийского делового цикла (с 2005 г.) (Нуреев и Маркин, 2008). Если до 2007 года они были примерно на уровне показателей Южного федерального округа (ЮФО), то после перехода подготовки Олимпийских игр в активную стадию (2007-2014), они стали превышать средний показатель ЮФО (см. рис. 5).

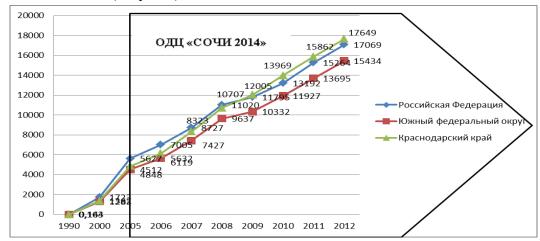

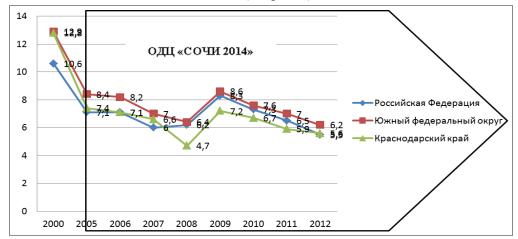
Рис. 6. Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц; рублей; 1990 г. - тыс. руб.)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

¹ См.: (http://www.sc-os.ru/en/).

Выросли и потребительские расходы. Если в 2005 году они были ниже среднероссийских, то к 2012 году они превысили среднероссийские показатели. При этом регион на начало 2013 года занимал 15 место из всех регионов $P\Phi$ по этому показателю и был лучшим в $P\Phi$ 0 (см. рис. 6).

Неудивительно, что рынок труда не испытал таких больших трудностей, с которыми столкнулись другие регионы России в ходе последнего экономического кризиса 2008-2009 гг. Хотя безработица и выросла в регионе в этот период, однако ее удалось заметно снизить в предолимпийский период и она была заметно ниже средних показателей по России и ЮФО (см. рис. 7).

Puc. 7. Уровень безработицы (%) **Составлено** авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Уровень безработицы в Краснодарском крае ниже, чем в целом по стране (к 2011 г. уровень безработицы, определенный по методологии МОТ, был ниже на 0,6%, чем в среднем по стране). Это объясняется существованием целого ряда программ по снижению напряженности на рынке труда. Данные программы осуществлялись через средства федерального бюджета в виде субвенций (целевых пособий) субъектам Российской Федерации, начиная с 2008 – 2009 гг. В частности, в Краснодарском крае действовали и действуют ведомственная целевая Программа «Реализация дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда Краснодарского края» (2009, 2011 гг.) и долгосрочная краевая целевая Программа «Содействие занятости населения Краснодарского края на 2011 – 2013 годы» (2010 г.). В 2012 г. регионы увеличили финансирование программ активной политики занятости².

В процессе подготовки и проведения Олимпийских игр создаётся большое количество (от 50,000 до 300,000) новых рабочих мест. Однако большинство таких рабочих мест носит временный характер. Например, для Олимпийских игр в Лондоне в 2012 году было создано около 48 000 новых рабочих мест, но только 10% из них были заполнены ранее безработными.

Превышение спроса на рынке труда над его предложением привело к тому, что среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Краснодарском крае росла на протяжении всего олимпийского делового цикла (см. рис. 8).

С момента начала олимпийского делового цикла среднегодовая численность занятых в экономике начинает постепенно расти, опережая среднегодовые показатели как по ЮΦО, так и по России в целом. При этом важно отметить, что основной рост численности занятых пришелся на 2007-2008 гг. — период, когда начался подэтап подготовки к Олимпийским зимним играм в РСочи (см. рис. 9).

 $^{^2}$ См.: «Краткий отчет о влиянии Игр». Оргкомитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр, Январь 2013.

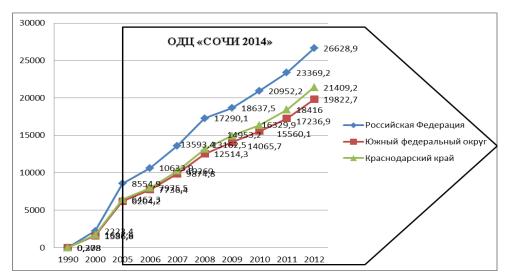

Рис. 8. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (рублей; 1990 г. -тыс. руб.)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

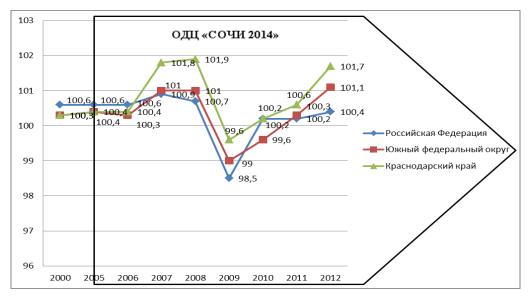

Рис. 9. Изменение среднегодовой численности занятых в экономике (в процентах к предыдущему году)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Начало Олимпийского проекта в рассматриваемом контексте приурочено к 2008 г. Поэтому число рабочих мест в целом в 2009 г. выросло более чем в 60 раз по сравнению с 2008 г. и составило 33,8 тыс. Почти все они могут быть отнесены к категории «новые рабочие места», так как речь идет о новом строительстве. В 2010 г. по сравнению с 2009 г. число рабочих мест выросло в 2 раза и составило 58,5 тыс., из них 24,7 тыс. являлись новыми. В 2011 г. на олимпийских стройках работало около 56 тыс. человек.

Поскольку в структуре капитальных расходов на олимпийские мероприятия (объекты) основную часть составили затраты на строительство (приобретение строительных материалов и строительно — монтажные работы), постольку преобладающая часть рабочих мест в разрезе видов экономической деятельности, как и следовало ожидать, создана и поддержана в строительстве и в проектно — изыскательских организациях (более 90%). По данным «Краткого отчета о влиянии

Игр», подготовленного Оргкомитето XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр в январе 2013 года 64,3% рабочих мест в 2011 году были заняты квалифицированными рабочими. Общее число рабочих мест в экономике Российской Федерации, созданных или поддержанных благодаря Олимпийскому проекту, с учетом действия мультипликатора (в комплексном строительстве его принято считать равным 10), можно считать равным 560,3 тыс.

По мнению экспертов, положительная динамика рынка труда Краснодарского края сохранится вплоть до $2017~\rm r$. Это особенно важно для такого края, где, в отличие от большинства регионов $P\Phi$, наблюдается значительный рост численности населения и, соответственно, рост спроса на рабочие места.

Инвестиции в экономику Краснодарского края в течение олимпийского делового цикла в расчете на душу населения заметно превышали среднероссийский показатель. В 2012 году разница составила более чем 1,7 раза: 150 312 в Краснодарском крае против 87 770 в среднем по России (см. рис. 10). По объемам инвестиций в основной капитал Сочи превосходил краевой показатель в 3,3 раза уже 2009 году (см. рис. 11).

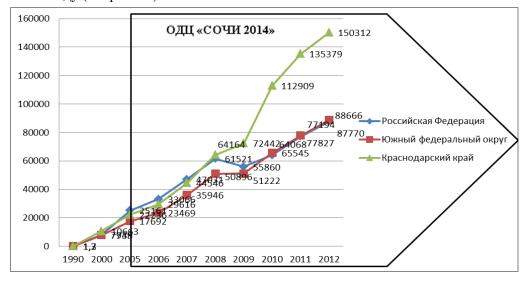
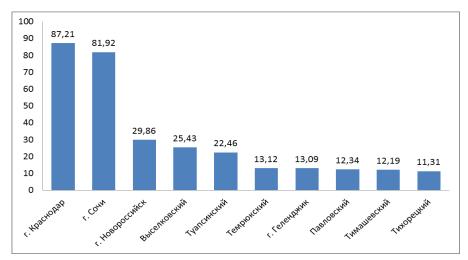

Рис. 10. Инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах; рублей; 1990 г. - тыс. руб.)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Puc. 11. Рейтинг муниципальных образований по инвестициям в основной капитал за январь-сентябрь 2009 года на душу населения, тыс. руб.

Источник: Оргкомитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр «Краткий отчет о влиянии Игр». Январь 2013. По итогам 2005—2011 гг. Краснодарский край вошел в число регионовлидеров по среднегодовым темпам роста инвестиций в основной капитал, а его доля в общем объеме инвестиций Южного федерального округа в 2011 г. составила около 66%. По объему поступивших прямых иностранных инвестиций Краснодарский край вошел в 15 регионов — лидеров России 2011 г. Таким образом, по объему инвестиций в основной капитал на душу населения регион переместился с 27-ого места в рейтинге регионов России в 2005 г. на 14-е — в 2011 г. Приток инвестиций определил опережающее развитие строительной отрасли, что во многом способствовало изменению в занятости населения.

Инвестиционный климат в крае характеризовался повышением показателей инвестиционной привлекательности. В течение 2010–2011 гг. прогноз «Стабильный», присвоенный Краснодарскому краю агентством Standard & Poor's, был изменен на «Позитивный» (ВВ). Оценка инвестиционного риска национальным рейтинговым агентством «Эксперт РА» показывает, что с 2006 г. по 2011 г. (за исключением 2010 г.) регион стабильно входил в тройку лучших территорий по этой категории (при практически неизменном пятом месте по инвестиционному потенциалу).

Доходы бюджета г. Сочи, ранее отстававшие от общероссийских показателей, росли ускоренными темпами и к 2011 году оказались на уровне общероссийских, а доходы Краснодарского края в 2011 году заметно превышали общероссийские показатели. Причем разрыв за последние годы заметно увеличился (см. рис. 12).

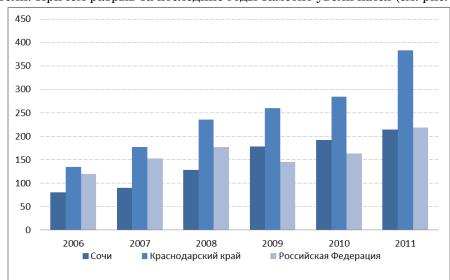

Рис. 12. Динамика доходов бюджетов различных уровней, % (2005=100%) **Источник:** Оргкомитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр «Краткий отчет о влиянии Игр». Январь 2013.

Одним из важных показателей успешности Олимпийских игр является интерес со стороны туристов к месту проведения Игр. В период олимпийского делового цикла анализ динамики прибывающих в г. Сочи туристов показал очевидную смену тенденций в течение последних 10 лет.

В 2005-2009 гг. наблюдался рост количества отдыхающих (с 3 до 5 млн. чел.). Практически весь прирост получен за счет туристов, прибывающих из других регионов России, 90% из которых приезжали в г. Сочи ранее. В условиях экономического кризиса 2008-2009 гг. прирост был отчасти связан с реакцией части отдыхающих на экономический кризис и невозможностью для них воспользоваться услугами зарубежных курортов.

Далее (в 2010 году) началась стагнация - произошел незначительный спад туристического потока, что могло свидетельствовать как о возврате части отдыхающих на зарубежные курорты, так и о перераспределении их в сторону менее

«отягченных» строительным циклом курортов Черноморского побережья. Снижение количества отдыхающих в 2011 г. произошло до уровня 2006 г. (3,9 млн. чел.).

Однако численность отдыхающих из самого Краснодарского края и иностранных туристов продолжала расти на фоне резкого снижения (более чем на 1 млн. чел.) числа отдыхающих из других регионов России. В результате доля туристов из Краснодарского края достигла 16% против средней за предыдущий период наблюдений 9–12%.

Определенным феноменом является динамика пребывания иностранных туристов, количество которых за 2013 год возросло в 2,5 раза. Этот рост может быть связан с ростом интереса к Сочи как столице зимних Игр, а также ростом популярности Сочи как места проведения разнообразных международных мероприятий, событий и фестивалей. Например, после Игр Олимпиады 1992 года Барселона превратилась в один из самых посещаемых городов Европы. Олимпийские игры были использованы руководством Испании для создания второго крупного промышленного и культурного центра в стране (после Мадрида). В течение олимпийского делового цикла (в период между 1986 до 1993 гг.) Барселона демонстрировала наибольшие темпы роста городской инфраструктуры и развития в Европе (*Preuss*, 2000).

В 2008 году прогнозы, согласно Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года о развитии туриндустрии, были очень оптимистичными (см. табл. 2).

Основные показатели туристического потока в Россию

Таблица 2

	Cenobilise notabatesin typicin teckoro notoka bi ocenio										
Показатели	Текущее значение	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество туристов в год, млн. чел.	4,7	5,1	5,5	5,9	6,3	6,6	6,9	7,2	7,4	7,7	8
Доля въездного туризма, %	0,4	1,5	3	4,5	6	7	8	8,5	9	9,5	10

Источник: Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года» Принят Законодательным Собранием Краснодарского края 16 апреля 2008 года.

Организация и проведение Олимпийских игр также неразрывно связаны с внешними эффектами и влиянием на жизнь населения города и региона, где проходят Олимпийские игры. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

На рис. 13 приведены показатели ввода в действие жилых домов и социальных объектов в абсолютном выражении в расчете на численность среднегодового постоянного населения. Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения во время олимпийского делового цикла в Краснодарском крае значительно опережает средний показатель как по ЮФО, так и по России и занимает 2-ое место среди регионов России, а ЮФО выходит на 1-ое место (см. рис. 13).

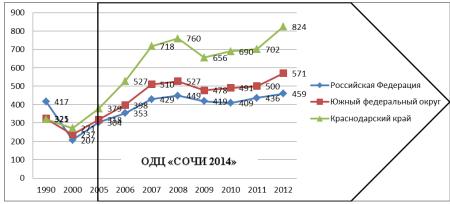

Рис. 13. Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения (квадратных метров общей площади)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в Краснодарском крае с начала олимпийского делового цикла выросла больше чем в 3 раза (см. рис. 14) и заняла 12-е место среди регионов России, а ЮФО - 4 место.

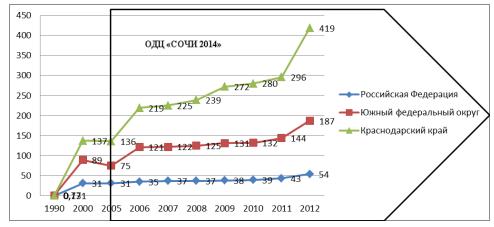

Рис. 14. Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (на конец года; километров дорог на 1000 квадратных километров территории) **Составлено** авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Важно отметить, что Краснодарский край и ЮФО и до олимпийского делового цикла обладали высокой плотностью дорог, однако с началом борьбы за право проведения Олимпийских зимних игр (2005 г.) и с началом активной фазы подготовки Игр (2007 г.) этот показатель заметно вырос и превзошел средние показатели по федеральному округу и России в целом (по километрам дорог на 1000 квадратных километров территории).

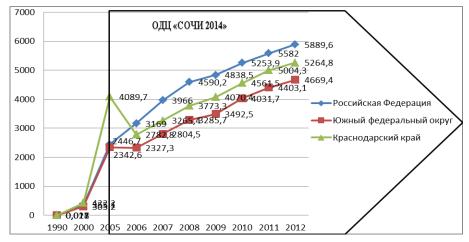

Рис. 15. Объем услуг связи, оказанных населению, на одного жителя (в фактически действовавших ценах; рублей; 1990 г. – тыс. руб.)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

В течение олимпийского делового цикла вырос и объем услуг связи, оказанных населению, на одного жителя 3 . В 2005 году наблюдается резкий скачок предоставленных услуг связи в Краснодарском крае, он значительно превышает средний показатель как по ЮФО, так и по России, но уже в 2006 году данный показатель идет на спад, но при этом остается выше среднего показателя по ЮФО на протяжении всего олимпийского делового цикла (см. рис. 15). Число

³ Объем услуг связи, оказанных населению, – это стоимость оказанных операторами связи услуг почтовой связи, электросвязи, услуг по обеспечению регулирования использования радиочастотного спектра радиоэлектронных средств. В расчете на одного жителя исчисляется как отношение объема услуг связи, оказанных населению, к среднегодовой численности населения.

подключенных абонентских устройств подвижной радиотелефонной связи с начала ОДЦ начинает стремительно расти и превышает средние показатели как по ЮФО, так и по России 4 (см. рис. 16).

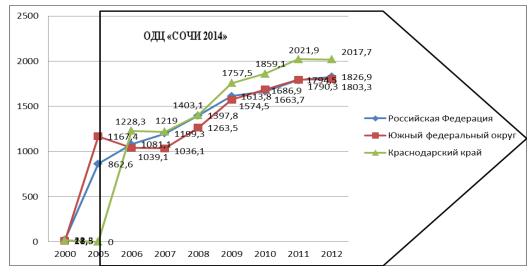

Рис. 16. Число подключенных абонентских устройств подвижной радиотелефонной связи на 1000 человек населения (на конец года; штук)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Более высокий уровень занятости и повышение доходов населения отразились и на обороте розничной торговли⁵. По этому показателю Краснодарский край значительно опережает темпы роста и ЮФО, и России в целом (см. рис. 17). Оборот розничной торговли включает данные как по организациям, для которых эта деятельность является основной, так и по организациям других видов деятельности, осуществляющим продажу товаров населению через собственные торговые заведения или с оплатой через свою кассу. Оборот розничной торговли, кроме того, включает стоимость товаров, проданных населению индивидуальными предпринимателями и физическими лицами на розничных рынках и ярмарках.

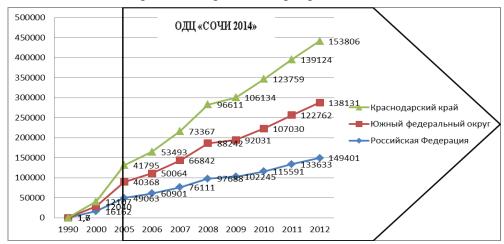

Рис. 17. Оборот розничной торговли на душу населения (в фактически действовавших ценах; рублей; 1990 г. - тыс. руб.)

Составлено авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

⁴ Под числом абонентских терминалов сотовой связи понимается число абонентских устройств подвижной радиотелефонной связи в сети связи общего пользования.

⁵ До 2009 г. приводятся данные об обороте розничной торговли продовольственными товарами, который, помимо проданных населению продуктов питания, включает стоимость алкогольных напитков. С 2009 г. приводятся данные об обороте розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки и табачные изделия.

Как видно из рис. 18, объем платных услуг на душу населения в Краснодарском крае в ходе олимпийского делового цикла начал расти и в 2009 году обогнал средний показатель по России.

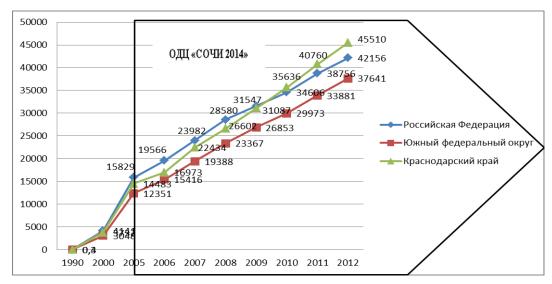

Рис. 18. Объем платных услуг на душу населения (рублей; 1990 г. - тыс. руб.) **Составлено** авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Особо следует отметить, что значительное количество средств выделяется на развитие спорта в Южном федеральном округе (см. рис. 19). При этом наибольшая часть выделяется на строительство объектов физической культуры и спорта, что создает предпосылки для развития детского и юношеского спорта, укрепления здоровья населения.

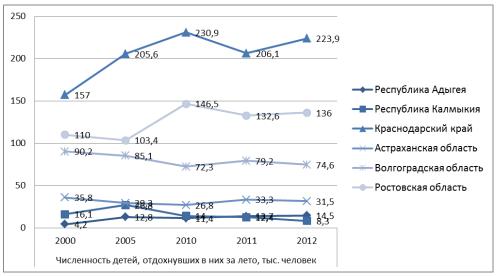
Рис. 19. Объемы финансирования спорта в ЮФУ до 2020 года **Источник:** Стратегия развития г. Сочи до 2020 года.

Первые результаты этих усилий стали заметны уже в начале олимпийского делового цикла «Сочи 2014». В 2010 году число детских оздоровительных учреждений увеличилось в 1,64 раза по сравнению с 2005 годом — с 832 до 1367 (см. рис. 20).

Рис. 20. Число детских оздоровительных учреждений в субъектах ЮФО в 2000-2012 гг. **Составлено** авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Рост числа детских оздоровительных учреждений сопровождался сначала и ростом количества отдыхающих детей (см. рис. 21). Однако в 2010-2012 гг. эта величина стабилизировалась, продемонстрировав некоторый временный спад в 2011 году, почти достигнув уровня 2005 года. Поэтому достигнутые успехи пока не стоит абсолютизировать.

Puc. 21. Численность детей, отдохнувших в субъектах ЮФО в 2000-2012 гг. **Составлено** авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Отмеченные выше изменения не могли не повлиять на валовый региональный продукт, прирост которого в Краснодарском крае в течение олимпийского делового цикла значительно превышал средний показатель по региону (см. рис. 22).

Динамика валового регионального продукта (ВРП) Краснодарского края с 2005 г. характеризовалась ускорением роста при некотором снижении в пик кризиса и последующим возвращением на линию восходящего тренда в 2010 г. При этом в указанный период рост ВРП (в текущих основных ценах) с 372,93 млрд. руб. (2005 г.) до 1008,15 млрд. руб. (2010 г.) обеспечивался в основном за счет увеличения объемов производства и занятости в строительном и транспортном секторах региональной экономики.

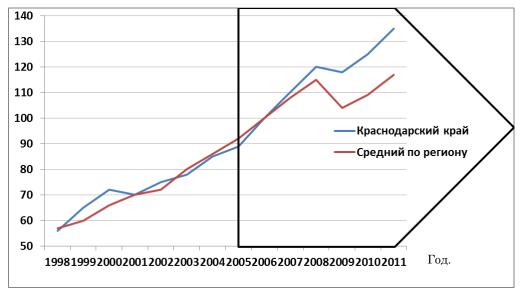

Рис. 22. Индекс прироста регионального валового продукта (2006=100%) **Составлено** авторами на основе анализа данных Росстата за 2013 г. (http://www.gks.ru).

Основным источником инвестиционных средств является краевая целевая программа «Обеспечение строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горно-климатического и бальнеологического курорта». В течение рассматриваемого периода 2005-2011 гг. эффект притока олимпийских инвестиций наиболее отчетливо проявился на краевом бюджетном уровне, выступая в качестве одного из факторов стабильного ежегодного прироста (в среднем за период — примерно на 10-15%) бюджетных доходов Краснодарского края, что позволило сгладить снижение доходов в период кризиса.

Хотя воздействие любого отдельного спортивного мероприятия на экономику большой страны, такой как Россия (или Британия, Китай или Бразилия), в конечном счете, может быть довольно ограниченным, Олимпийские игры и другие крупные мероприятия имеют большое влияние на региональную экономику. Олимпийские игры 2012 года повлияли на Восточный Лондон, а также помогли повысить надежность сети общественного транспорта Лондона.

Существует некая основа для сравнения. Например, в России подготовка к саммиту АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) во Владивостоке в сентябре 2012 году оказала большое влияние на экономику Приморского края.

Контрастируя с результатами опроса 2008-2009, итоги последнего раунда деловой среды и деятельности предприятий, проведенного ЕБРР и Всемирным банком, показывают, что инфраструктура уже не числится среди основных препятствий для ведения бизнеса в регионе, в то время как менеджеры в соседнем Хабаровском крае считают иначе.

Аналогично, из 235 олимпийских проектов, осуществляемых в преддверии Игр в Сочи, 37 являются дорожными проектами в районе Сочи, наряду с другими инфраструктурными проектами, такими как модернизация аэропорта и железных дорог, а также новыми гостиницами, ресторанами и так далее. По подсчетам аналитического бюро Канады, Олимпиада в Ванкувере подняла рост местной экономики на 0,8%. В Краснодарском крае рост, вероятно, будет выше. С 2007 года, начала подготовки к Олимпийским играм в Сочи, Краснодарский край начал расти гораздо быстрее, чем в 1998-2007 гг., когда темпы были равны средним показателям (см. рис. 18).

Более сложной задачей является эффектное использование наследия Игр, например, спортивных центров, Олимпийской деревни, гостиниц и конференццентров для повышения перспективы долгосрочного развития региона. Во многих случаях эти объекты остаются неиспользованными, но есть города, успешно использующие их. Например, многие города преобразовали Олимпийские деревни в доступное жилье. С помощью улучшения инфраструктуры бизнеса Атланте, деловому центру и дому для самого загруженного аэропорта в США, уже удалось привлечь дополнительные 280 международные компании в течение 10 лет после Олимпийских игр 1996 года. Сочи может быть в состоянии в дальнейшем усилить свое положение в качестве ведущего как морского, так и зимнего курорта России и, возможно, попробует стать региональным деловым центром на юге России.

Реализация программы подготовки к проведению Игр в г. Сочи, включающая развитие спортивной и туристической инфраструктуры, способствовала резкому повышению привлекательности г. Сочи и Краснодарского края в целом как спортивных центров мирового уровня. В 2010 г. на сессии ФИФА была одобрена российская заявка на организацию Чемпионата мира по футболу 2018, Сочи вошел в число городов проведения турнира. Помимо этого, в 2010 г. было одобрено включение сочинского этапа («Гран — при России») в программу престижнейших автоспортивных соревнований «Формула — 1», начиная с сезона 2014 г. Сочи будет участвовать в проведении чемпионата мира по хоккею 2016 года.

Подведем итоги. Проведение XXII Олимпийских зимних игр 2014 г. в городекурорте Сочи дало мощный импульс развитию не только города, но и всего черноморского побережья России и вписало Сочи в летопись Олимпийских столиц и список мировых спортивных центров. Все это не могло не отразиться также на развитии социально-экономической сферы г. Сочи и всего Краснодарского края.

В начале XXI века в России сохранилась экспортно-сырьевая направленность экономики, доминирующая роль сырьевых ресурсов в развитии экономики и исключительная зависимость от конъюнктуры мировых цен на топливно-энергетические ресурсы, практически исчерпала свой потенциал. Имеющиеся в экономике и социальной сфере проблемы приобрели особую остроту в связи с развитием мирового финансового кризиса 2009 г.

Отмеченные обстоятельства определяют необходимость активного использования альтернативных возможностей для стимулирования кластеров экономического роста. В связи с этим использование влияния международного Олимпийского движения, современных Олимпийских игр в контексте влияния экономических и макроэкономических факторов (занятости, объёма инвестиций, применения новых технологий и др.) на рост экономики в процессе организации и проведения Олимпийских игр является особенно актуальным. Организация Игр может способствовать диверсификации источников роста, качественному улучшению макроэкономических показателей и успешному решению имеющихся острых экономических и социальных проблем в регионе их проведения.

Олимпийские игры создают положительные внешние эффекты в социально-экономической сфере, дают мощный импульс развитию спорта и пропаганде здорового образа жизни граждан в стране проведения и странах участницах Олимпийских игр, способствуют развитию международного сотрудничества, укреплению мира и взаимопонимания между народами и странами.

Не подлежит сомнению тот факт, что глобальные массовые события, такие как Олимпийские игры, приводят к значительным изменениям во всей социально-экономической сфере региона.

XXII Олимпийские зимние игры 2014 года дали мощный импульс развитию г. Сочи и Краснодарского края и способствовали их ускоренному развитию.

Подготовка к Играм дала толчок не только развитию инфраструктуры города Сочи, трансформации его в круглогодичный курорт мирового уровня с развитой спортивной инфраструктурой, но и оказыла заметное положительное влияние на социально-экономическую ситуацию в Краснодарском крае и городе Сочи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года». Принят Законодательным Собранием Краснодарского края 16 апреля 2008 года.

«Краткий отчет о влиянии Игр». Оргкомитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр, Январь 2013.

Нуреев Р. М. и Маркин Е. В. (2010). Издержки и выгоды Олимпийских игр // Общественные науки и современность, М.: НАУКА, № 1.

Нуреев Р. М. и Маркин Е. В. (2008). Олимпийский деловой цикл // Экономический вестник Ростовского государственного университета, Т. 6, № 3, с. 50-65.

Нуреев Р. М. и *Маркин Е. В.* (2009). Эти разные Олимпийские игры // *TERRA ECONIMICUS*, Т. 7, № 3.

Олимпийский комитет России. (http://www.olympic.ru — Дата обращения: 07.04.2014).

Олимпийская хартия: 2007.

Организационный комитет Олимпийских зимних игр 2014 года в Сочи. (http://www.sochi2014.com – Дата обращения: 04.04.2014).

Программа строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горно-климатического курорта, утверждена Постановление Правительства $P\Phi$ от $29.12.2007~\text{N}_{\text{\tiny $}}991.$

Российский статистический ежегодник. (http://www.gks.ru — Дата обращения: 20.04.2014).

Российское издание Международного журнала «Форбс». (http://www.forbes.ru – Дата обращения: 13.04.2014).

Стратегия развития г. Сочи до 2020 года.

Федеральный закон Российской Федерации «О государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта» № 238-Φ3 от 30.10.2007 года.

Федеральный закон Российской Федерации «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 310-ФЗ от 01.12.2007 года.

Федеральная Целевая Программа «Развитие города Сочи, как горноклиматического курорта (2006-2014 гг.)», утверждена Постановление Правительства РФ от 08.06.2006 № 357.

Around The Rings. (http://www.aroundtherings.com - Access Date: 21.03.2014).

Flyvbjerg B. and Stewart A. (2012). Olympic proportions: Cost and cost overrun at the Olympics 1960–2012 - Working Paper // Saïd Business School, University of Oxford. 06.2012.

International sporting analytical agency (http://www.gamesbids.com - Access Date: 01.04.2014).

Official website of the Olympic Movement. (http://www.olympic.org - Access Date: 21.03.2014).

 $Preuss,\,Holger.$ (2000). Economics of the Olympic Games. Hosting the Games 1972-2000. Sydney, Walla Walla Press in conjunction with the Centre for Olympic Studies, The University of New South Wales, 291 p.

REFERENCES

Regional Law of Krasnodar region "About the Strategy of Krasnodar region development until 2020". Approved April $16^{\rm th}$, 2008 by Krasnodar region Administration. (In Russian).

"A short summary about Games influence", Sochi 2014. Organizing Committee, January 2013. (In Russian).

Nureev R. M. and Markin E. V. (2010). Costs and benefits of Olympic Games. Social Sciences and Modernity, Moscow, NAUKA Publ., no. 1. (In Russian).

Nureev R. M. and Markin E. V. (2008). Olympic business cycle. Economic Herald of Rostov State University, vol. 6, no. 3, pp. 50-65. (In Russian).

Nureev R. M. and Markin E. V. (2009). These different Olympic Games. TERRA ECONIMICUS, vol. 7, no. 3. (In Russian).

The Russian Olympic Committee. (http://www.olympic.ru – Access Date: 07.04.2014). (In Russian).

Olympic Charter, 2007. (In Russian).

The Organizing Committee of the Olympic Winter Games of 2014 in Sochi. (http://www.sochi2014.com – Access Date: 04.04.2014). (In Russian).

State Program of Olympic Infrastructure and Sochi Development as Recreation Resort approved by Federal Government decision December 12th, 2007 № 991. (In Russian).

Russian Statistical Yearbookю (http://www.gks.ru – Access Date: 20.04.2014). (In Russian).

Russian edition of the International Journal "Forbes"ю (http://www.forbes.ru – Access Date: 13.04.2014). (In Russian).

The Strategy of Sochi Development until 2020. (In Russian).

Federal Law №238-FZ of 30.10.2007 "About State Corporation for Olympic Infrastructure and Sochi Development as Recreation Resort". (In Russian).

Federal Law № 310-FZ of 01.12.2007 "On Organization of XXII Olympic Winter and XI Paralympic Winter Games of 2014 in Sochi and Sochi Development as Recreation Resort". (In Russian).

Federal Program "Sochi Development as Recreation Resort", approved by Federal Government Decision June 8th, 2006 № 357. (In Russian).

Around The Rings. (http://www.aroundtherings.com – Access Date: 21.03.2014).

Flyvbjerg B. and Stewart A. (2012). Olympic proportions: Cost and cost overrun at the Olympics 1960–2012 - Working Paper // Saïd Business School, University of Oxford. 06.2012.

International sporting analytical agency (http://www.gamesbids.com - Access Date: 01.04.2014).

Official website of the Olympic Movement. (http://www.olympic.org - Access Date: 21.03.2014).

Preuss, Holger. (2000). Economics of the Olympic Games. Hosting the Games 1972-2000. Sydney, Walla Walla Press in conjunction with the Centre for Olympic Studies, The University of New South Wales, 291 p.

www.hjournal.ru

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПЛАНТАЦИИ И МОДИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КОРЫТЦЕВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук. профессор кафедры экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: mkorytcev@sfedu.ru

БЕЛОКРЫЛОВ КИРИЛЛ АНАТОЛЬЕВИЧ.

докторант экономического факультета, руководитель Пилотного Центра госзакупок ЮФУ, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: k.belokrylov@yandex.ru

Трансформационные реформы в переходной экономике отличались своей драматичностью, в том числе рядом значимых провалов, связанных с неэффективностью трансплантированных Одной из экономико-правовых институтов. основных причин фиаско неудовлетворительное состояние экономической науки, обусловившее неспособность определить оптимальную траекторию проводимых реформ. Серьёзные исследования, изучавшие вопросы оптимизации институциональных реформ в России и за рубежом, были инициированы только в середине и конце 90-х гг. прошлого столетия. Указанная проблема в полной мере характерна для развивающейся в постсоветской России сферы конкурентных государственных закупок. Проблемы становления новых институтов в этой сфере обусловили рост коррупции и трансакционных издержек для предпринимателей, стремящихся работать здесь. Возникшая ситуация обусловила низкую эффективность в том числе современных институциональных преобразований, анализируемых в настоящей публикации.

Ключевые слова: институциональные изменения; трансплантация (импорт) экономических институтов; государственные закупки (госзакупки); тендеры; аукционы; конкурсы; электронные аукционы; выращивание институтов; заимствование институтов; закупочные процедуры.

THE PROBLEMS OF TRANSPLANTATION AND MODIFICATION OF ECONOMIC PROCUREMENT INSTITUTES IN MODERN RUSSIA

KORYTCEV MAXIM, A.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor of the Department «Economic Theory», Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: mkorytcev@sfedu.ru

BELOKRYLOV CYRIL, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory», Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: k.belokrylova@yandex.ru Transformational reforms in transition economy distinguished dramatic including significant failures associated with the inefficiency of the transplanted economic and legal institutes. One of the main reasons of the failure was unsatisfactory condition of economic science to determine inability to define the optimal trajectory of reforms. The serious research studied how to optimize the institutional reforms in Russia and abroad were initiated only in the middle and in the end 90s past century. This problem was characterized for created in post-Soviet Russia the system of public procurement. New institutes in this sphere were infected by corruption. In addition, many entrepreneurs have troubles with high level of transaction cost here. This situation fixed low efficiency of institutional reforms, analyzed in the publication.

Keywords: institutional change; transplantation (import) of economic institutes; government procurement; tenders; auctions; e-auctions; cultivation of institutes; procedures of procurement.

JEL: H57, P21.

Проблематика трансплантации экономических институтов хотя и имеет более широкий теоретический контекст в рамках исследований процессов институциональных изменений (Полтерович, 2007), одновременно является также и вполне автономной и самостоятельной темой экономико-теоретических исследований, а главное - актуальной в связи с изучением особенностей современных трансформационных процессов национальной экономики России. Высокая степень актуальности подобного рода исследований становится очевидной в связи с выбранной траекторией реформирования отечественной экономики последних двух десятилетий в целом и особенно с учётом сопутствовавших этим процессам провалов и неудач.

Инициированные в начале 90-х годов на территории стран бывшего социалистического лагеря рыночные реформы имели противоречивые результаты. С одной стороны, в течение исторически короткого промежутка времени, в частности, в постсоветской России были созданы базовые рыночные институты. С другой стороны, встал вопрос о качестве и «содержательном наполнении» воспроизведённых на постсоветском пространстве подобных институциональных образований. Создаваемые институты, которые традиционно в рамках смешанных рыночных экономик развитых стран обеспечивают сравнительно высокую экономическую эффективность (к которым следует отнести, прежде всего, право частной собственности, институт банкротства, институты судебной защиты сделок и прав собственности и т.д.), в странах переходной экономики обнаружили во многом свою дисфункциональность, выражающуюся в том числе в получении порой прямо противоположных по сравнению с ожидаемыми результатов институциональных преобразований. Например, институт банкротства вместо способа устранения неэффективных фирм в начале 2000-х гг. превратился в механизм смены собственника в том числе на эффективно функционирующих предприятиях, а инстанции юридически формально закрепляли переход собственности в пользу рейдерских структур, что также свидетельствовало о неэффективности формируемой в стране квазирыночной модели экономики.

По сути, два основных провала имевших место в качестве во многом непредвиденных результатов проводимых реформ, помимо процесса хозяйственной

¹ Первые работы в этой области были опубликованы уже в начале 70-х гг. прошлого века, ставшим впоследствии Нобелевским лауреатом Д. Нортом в соавторстве с Л. Дэвисом (*Davis* and *North, 1970*; *1971*). Из работ отечественных авторов здесь можно выделить ряд современных работ, в частности (*Тамбовцев, 2008*) и (*Вольчик, 2012a*; *2012б*).

 $^{^2}$ «Квазирыночность» экономических институтов имеет несколько коннотаций, одной из самых распространённых при этом является соответствующая характеристика незрелых, «неполноценных» институциональных образований, получивших распространение в переходной экономике постсоциалистических стран (подробнее см.: (*Корытцев*, 2009, *С.* 151 – 153)).

JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Boпросы регулирования экономики) ● Tom 5, №2. 2014

территориальной дезинтеграции в пределах бывших СССР³ и СЭВ, выразились 1) в масштабном падении жизненного уровня подавляющего большинства граждан и 2) проявлении в различной степени дисфункциональности большинства новых экономических рыночных институтов.

В этой связи вполне естественным выглядит интерес к изучению причин подобного провада, которые в свою очередь воспринимаются как следствие в том числе и провала экономической науки образца 80-х – 90-х гг. прошлого столетия, а именно - её магистрального направления, неоклассического мэйнстрима (mainstream). В указанный период в западной экономической науке безусловно доминировала доктрина неоклассической экономической теории. Её разновидностью был так называемый неоклассический синтез, авторство которого приписывается одному из первых Нобелевских лауреатов в области экономики и автору популярного университетского учебника «Экономикс» Полу Самуэльсону. В рамках данной теории были объединены микроэкономическая теория, основанная на математических моделях рыночного равновесия Леона Вальраса и соответствующих интерпретациях движения сил рыночного спроса и предложения А. Маршалла, и макроэкономическая теория. Последняя также в лице последователей Дж. М. Кейнса – неокейнсианцев (Харрода, Домара, Хикса и др.) формировала ещё более абстрактные модели достижения равновесных состояний на национальных рынках товаров, денег, оперировав предельно агрегированными макроэкономическими показателями. Сведение сути экономической теории к её математическим равновесным моделям, якобы иллюстрирующим содержание экономических процессов на микро- и макроуровнях, примитивизировало и вульгаризировало экономическую науку, подменяло изучение экономических процессов набором математических моделей, связь которых с реальностью оказывалась, мягко говоря, далеко не очевидной. Этот «коктейль» был дополнен в 70 -е годы макроэкономической монетаристской теорией Милтона Фридмана, определявшего зависимость экономической конъюнктуры от количественных параметров денежной массы. Естественно по причине неготовности отвлекаться от основной темы настоящей статьи, и поэтому в несколько усечённом и утрированном виде, полагаем всё-таки возможным подобное краткое представление состояния ядра мировой экономической науки, воспринятого советским истэблишментом на исходе процессов «перестройки», стремительно приближавшейся к краху мировой социалистической системы. Однако, оказавшись в плену навязываемой многие десятилетия догматизированной версии марксистско-ленинской политэкономии, научное сообщество обществоведов СССР оказалось неспособным в русле не схоластического, но реалистического критицизма воспринять активно предлагаемые наукообразные версии рыночного фундаментализма, переработать его и применить в той степени, которая учитывала бы особенности институционального наследия российского и советского прошлого, адаптируя его к экономическим реалиям постсоциалистического мира и, в конечном счёте, оказалось полностью дезориентированным, потерпев полное интеллектуальное и профессиональное фиаско в этот критический для страны момент.

Рецепты же, предлагаемые западными консультантами, основывающимися на положениях доминировавшей на Западе фундаментальной экономической науки, нанесли в итоге серьёзный ущерб национальной экономике. Ярким выражением соответствующей политики стал так называемый «вашингтонский консенсус» - набор мероприятий экономической политики, который должен был быть форсированно реализован в развивающихся (особенно в ряде стран Латинской

³ Советская институциональная система социально-экономического и политического управления отличалась низким уровнем адаптивной эффективности, серьёзно ограничивавшей возможности направленных институциональных изменений без угрозы разрушения сложившейся системы экономической и политической власти, основанной на жёсткой иерархии партийных и прочих властных структур (см. подробнее (*Hopm*, 2010)).

⁴ «У МВФ и Всемирного Банка, как и у стран Большой семёрки, не было никакого готового рецепта, что делать, поэтому они обратились к так называемому вашингтонскому консенсусу, т.е. концепции экономической политики, выработанной как реакция на структурный кризис и задолженность Латинской Америки» (Колодко, 2012. С. 63).

Америки⁴) и постсоциалистических государствах⁵. Данная экономическая политика включала «универсальный» набор следующих мероприятий (*Полтерович*, 2007):

- усиление фискальной дисциплины с параллельным проведением налоговой реформы;
- ужесточение политики государственных расходов, направленных на их минимизацию;
- финансовая либерализация (в том числе либерализация процентных ставок на кредитном рынке и внутренних цен);
- стимулирование притока прямых иностранных инвестиций посредством устранения административных и институциональных барьеров, создания привлекательного инвестиционного климата;
- либерализация внешней торговли, предполагающая в том числе форсированный переход к политике единого валютного курса;
 - приватизация;
 - дерегулирование экономики.

Многие из указанных мер теоретически и практически действительно предполагали получение позитивных экономических эффектов, но проблемы возникли как в результате почти одновременного применения всех указанных компонентов реформы, так и в ходе их реализации форсированным способом, в кратчайшие сроки. Недаром предвидя тяжёлые последствия, спровоцированные в том числе и форсированным характером проводимой реформы, её определили как «шоковая терапия». Но главное в чём следует согласиться с критиками⁶ проводимых реформ, так это в том, что «вашингтонский консенсус не учитывал и упустил из виду — это большая роль создания общественных и государственных институтов при введении рыночной экономики и социальные аспекты изменения экономического строя. Все годы внедрения рыночной экономики отчётливо показали, сколь огромное значение имеет не только приватизация и либерализация — дело, в принципе, уже сделанное, но и регулирование экономической деятельности в рамках новых институтов» (Колодко, 2012. С. 63).

Таким образом, вольно или невольно реформаторская российская экономическая политика 90-х выступила заложником ограниченных и по сути ущербных теоретических концепций неоклассического рыночного фундаментализма в его худших проявлениях. Подобный провал в глазах неискушённой публики порой выглядит как чуть ли не спланированное преступление, направленное на геноцид собственного народа и уничтожение государства, подчинение его экономической и политической воле «американского империализма», и самое удивительное то, что полученные результаты в действительности не столь далеки от предполагаемых результатов воплощения в жизнь каких-либо версий «теории заговора», если бы они хоть каким-то образом соответствовали бы действительности.

В этой связи представляются весьма актуальными исследования экономических институтов, центральное значение которым придаёт институциональное течение экономической мысли. Парадокс, однако, заключался в том, что данное направление в конце прошлого столетия отличалось слабой институциональной организацией. Традиция старого, или традиционного ("original") институционализма во второй половине XX столетия оказалась фактически прерванной, а родственное ему новое течение экономической науки - новая институциональная теория – к концу 1980-х гг. находилось только в начале своего признания⁷. Учёные-неоинституционалисты только формулировали кредо новой

 ⁵ Достаточно полное представление указанного набора мер экономической политики и её обоснование см: (Willamson, 1994).
 ⁶ Кроме приведённой здесь цитаты Г. Колодко см. также (Rodrik, 1996; Stiglitz, 2003; Стиглиц, 1998; Явлинский, 2003).

⁷ Первые неоинституционалисты получили Нобелевские премии в области экономической науки в 1990 году (Рональд Коуз) и в 1993 году (Дуглас Норт). Премированные ранее Карл Гуннар Мюрдаль (1977 г.) и Фридрих Август фон Хайек (1974 г.), специфика теоретико-методологических подходов которых была близка институциональной теории, хотя в формулировках их научных достижений Нобелевским комитетом их достижения достаточно слабо связывались собственно с институциональной школой. Хотя Фридрих А. фон Хайек традиционно воспринимается в профессиональном сообществе экономистов как один из ведущих представителей новой австрийской школы, некоторые авторы (*Сандстром*, 2006) относят его, наряду с Кеннетом Эрроу, к представителям неоинституционализма.

экономической школы, продолжая оставаться в тени неоклассического мэйнстрима современной экономической науки. Проблематика трансплантации⁸ институтов в иную социально-экономическую и институциональную среду только начинала серьёзно разрабатываться исследователями, и мировое научное сообщество к началу 90-х гг. не смогло предложить альтернативу экономической политики неолиберальному сценарию вашингтонского консенсуса. Экономическая политика стала невольной заложницей изъянов доминировавшей парадигмы экономической науки.

Так или иначе, проблематика дезадаптации импортированных институтов, актуализируется как в зарубежной, так и в отечественной научной дискуссии лишь к середине 90-х годов, т.е. после констатации целого ряда фактов, свидетельствовавших о возникновении провалов в ходе проведения рыночных реформ (Тамбовцев, 1997; Dewartipont and Roland, 1995; Elster, Offe and Preuss, 1998; Goodin, 1998). Данные исследования основываются на институциональной методологии, их предваряют, в свою очередь, исследования в области организационного дизайна и проектного управления. В российской и мировой экономической науке особую роль сыграли в этой связи исследования В. М. Полтеровича, направленные как на изучение феноменов институционального фиаско — возникновения институциональных ловушек, так и разработку решений, направленных на их преодоление.

«институциональная Термин ловушка», введённый собственно Полтеровичем (Полтерович, 1999), достаточно близок к использованному немногим американским исследователем Б. Артуром понятия блокировки» (lock-in). Оно использовалось по отношению к ситуациям, характерным сравнительно неэффективных решений в технологической и институциональной сферах, что обуславливало возникновение неоптимальных траекторий развития. Подобная устойчивость возникала благодаря образующемуся по различным причинам запретительно высокому уровню издержек, необходимых для изменения таких решений, что позволяло сохраняться им на протяжении длительного времени.

Соответственно Полтерович (Полтерович, 2001) и ряд других авторов⁹ позже активно исследовали проблематику адаптации институтов, которые возникают в институциональной среде как в результате институционального проектирования, так и их заимствования (трансплантации). В последнем случае процесс адаптации играет значимую роль по причине широко распространённых ситуаций, связанных с дисфункцией заимствуемых институтов. Сложность адаптации отражает введённый исследователями (Кузьминов, Радаев и др., 2005) термин «выращивание институтов», акцентирующий важность мероприятий, обеспечивающих помощь и поддержку в приспособлении трансплантируемого института к новой среде. При этом, строго говоря, выращивание института осуществляется также и в процессе его естественного роста и облагораживания, когда на уровне неформальных правил закреплены определённые хозяйственные практики, даже если они не отражены или противоречат существующим правовым (формальным) нормам. Классическим примером здесь может служить исследование Эрнандо де Сото, предметом которого стал анализ теневой экономики в ряде отраслей городской экономики (розничной торговле, транспорте, строительстве) в столице Перу – городе Лиме (Сото, 1995). Проведённое исследование показало существование В теневом секторе набора работающих неформальных институциональных правил, обеспечивающих в определённой степени эффективное взаимодействие участников теневого рынка. В таком случае легализация подобных одновременным институциональных структур \mathbf{c} облагораживанием представляется оптимальной и достаточно эффективной стратегией.

⁹ См. в частности (*Кузьминов, Радаев* и *др., 2005*).

⁸ Олейник А. (заимствуя у Б. Бади (В. Badie)) активно начал использовать среди отечественных исследователей термин «импорт институтов» (*Олейник*, 2000). В международном научном сообществе более традиционным считается использование термина «transplantant» (см. (*Berkovitz, Pistor* and *Richard, 1999*)).

Более сложной представляется ситуация, связанная с выращиванием заимствуемых институтов, поскольку здесь не просто возникает институционального конфликта, между формальными или разрыва неформальными нормами, который существует и в предыдущем случае. Наиболее важную роль в институциональной структуре играют именно неформальные правила отражающие реальную мотивацию экономического поведения сложившиеся правила такого поведения. Под них сравнительно просто адаптировать структуру формальных правил. Но более серьёзные сложности возникают при попытке трансплантировать институт в иную среду. В практике проводимых реформ ключевым элементом реализации подобной трансплантации служит обычно подготовка нормативно-правового документа, определяющего новые «правила игры» в реформируемом секторе экономики. Но принятие нового закона или указа, как известно автоматически не приводит к готовности исполнять его большинством. Часто распространены две реакции на проводимые таким образом реформы:

- *отчуждение*, когда со стороны большинства имеет место активное или пассивное неприятие установленных правил;
- *извращение*, при котором имеет место формальное следование установленным нормам или их части, но большинство стремится применять их таким образом, что происходит подмена смысла следования подобным правилам в нормальном состоянии.

Главной целью данной публикации является анализ процессов трансплантации и выращивания институтов в сфере государственных закупок в современной России. Соответственно, здесь также наблюдаются отдельные примеры извращения в следовании установленным формальным правовым нормам, которые будут разобраны ниже.

Реформа государственных закупок в Российской Федерации в процессе её реализации последовательно прошла ряд этапов, особенности её проведения были достаточно подробно исследованы (Вольчик, 2009; 2011; Корытцев, 2009). В данной публикации для нас представляют интерес процессы такого реформирования в контексте заявленной проблематики трансплантации и выращивания институтов. Последние значимые институциональные новации в сфере государственных закупок, определяющие новый этап реформы, связаны с принятием нового закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» вступившем в силу с начала текущего года. В названии Закона словосочетание «контрактная система» не случайно имеет созвучие с определением системы государственных закупок США — Федеральной контрактной системы (Federal Contract System). По сути, указанным совпадением в названии Закона отражается производимая попытка трансплантации института госзакупок.

Чтобы понять причины инициирования последней реформы в этой сфере, следует кратко охарактеризовать совокупность проблем, с которыми пришлось иметь дело в рамках предыдущей системы государственных закупок. Действовавший прежде Закон «О размещении заказа...»¹¹, вступивший в силу с начала 2006 года, в свою очередь ввёл ряд институциональных новаций. Причём многие из последних вводились постепенно, посредством принятия поправок в сам текст Закона (в течение срока действия Закона принято более 30 поправок), а также в результате принятия подзаконных нормативных актов, определявших порядок применения отдельных законодательных норм (с 2005 по 2013 годы принято более 50 соответствующих НПА).

Из перечня упомянутых институциональных новаций, отражённых в положениях предыдущего закона, прежде всего, следует выделить то, что впервые в истории современной России одинаковый (единый) режим применения и

 $^{^{10}}$ См.: Закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г.

¹¹ См.: Закон № 94-ФЗ от 24.07.2005 г.

проведения закупочных процедур был распространён на все уровни исполнительной власти (федеральный, региональный, муниципальный). Также, впервые в практику национальных государственных закупок было введено широкомасштабное использование такого способа закупок, как аукцион. Как известно, особенностью данной процедуры конкурентного выбора контрагента сделки (как при организации закупки, так и продажи) является возможность проведения ценового торга между участниками закупочной процедуры благодаря «переторжке» - при закупке конкурентному взаимному снижению цены. Соответственно, цена выступает единственным критерием оценки при выборе победителя торгов.

С другой стороны, аукцион представляет собой во многом более институционально простую и прозрачную форму тендерной закупочной процедуры по сравнению с более традиционным для мировой практики проведения государственных закупок конкурсом (тендером). Это связано, в частности, с необходимостью использования всего лишь одного – ценового, критерия при оценке и исключения из критериального перечня всех остальных, особенно критериев, оценивающих качество приобретаемой продукции и квалификацию поставщиков. Тем не менее, последние два параметра могут фигурировать в рамках процедуры проведения аукциона также в качестве набора предъявляемых требований к участникам закупочной процедуры, когда ко всем участникам процедуры предъявляются минимальные необходимые требования в вопросах качества планируемой к приобретению продукции и квалификации (опыта, деловой репутации, наличия образовательного уровня и навыков персонала). Опыт применения аукционных закупок показал, что в практике их проведения заказчики фактически были законодательно ограничены в своих возможностях устанавливать требования к квалификации, за исключением ряда стандартных общих требований (например, требования платить налоговые платежи и нескольких других), что также институционально упрощает закупочную процедуру и делает её более прозрачной.

Хотя возможность проводить процедуры аукциона при закупке продукции для государственных нужд была заложена в Закон № 94-ФЗ с момента его принятия в 2005 году, масштабное их применение было форсировано с начала 2008 года, когда правительство определило обширный перечень продукции, который в обязательном порядке должен был закупаться именно посредством проведения аукционов. К началу 2009 года этот перечень был дополнительно расширен за счёт в том числе обязательного проведения аукционов для подрядных закупок (за исключением крупных и технически сложных объектов капстроительства).

Следующим значимым шагом в процессе реформирования госзакупок стало масштабное внедрение в практику закупок открытых электронных аукционов. На протяжении 2009-2011 годов весь перечень продукции закупаемой продукции в рамках стандартных открытых аукционов сначала на федеральном, а позднее — на региональном и муниципальном уровнях в обязательном порядке стал производиться посредством электронных процедур на специальных электронных торговых площадках¹².

Практика широкого распространения госзакупок посредством проведения электронных аукционов представляет собой заимствование бразильского опыта, где в 2005-2007 гг. государство практически впервые в мире активно внедряло масштабную практику проведения электронных аукционов (Попырин, 2011). В этом смысле Бразилия и вслед за ней Россия оказались фактически одними из первых, кто масштабно применил в сфере государственных закупок электронные закупочные процедуры, прежде всего, электронный аукцион, обогнав здесь в том числе и большинство развитых стран. В частности, рамочный закон UNSITRAL (Комиссии ООН по праву международной торговли) в своей новой редакции (2011 года), учитывая подобную практику, включил процедуру проведения так называемых «электронных реверсивных аукционов» в перечень прочих рекомендуемых к

 $^{^{12}}$ К 2011 году существовало пять электронных торговых площадок, на которых государственные и муниципальные заказчики могли осуществлять процедуры электронных аукционных закупок.

применению в международной практике способов государственных закупок (Николас, 2012).

Когда встаёт вопрос о причинах такого активного использования электронных аукционов в практике государственных закупок Бразилии и России, экономики по международной классификации определяются развивающиеся (emerging economies), главной называется стремление ограничить высокий уровень коррупции в госзакупках, традиционно характерный для многих развивающихся стран¹³. Особенности проведения электронных аукционов предполагают исключение ряда процедурных моментов, в рамках которых повышается вероятность распространения злоупотреблений. Например, упомянутые выше квалификационные требования часто оставляют возможность заказчикам произвольно трактовать их, используя в том числе в качестве эффективного административного барьера, отсеивающего участников отдельных предварительной стадии, до проведения процедуры сравнения и оценки отдельных заявок. Или другое общее как для электронного, так и для обычного открытого аукциона правило, связанное с тем, что существует единственный критерий оценки заявок – цена. В этом случае процедура оценки становится более прозрачной, потенциальные возможности заказчика устраняются манипулировать присвоением баллов по таким трудно верифицируемым неценовым критериям, как квалификация и качество приобретаемой продукции.

Однако в случае с ситуацией, связанной с масштабами распространения коррупции в системе государственных закупок России, несмотря на масштабные институциональные изменения и проведённые реформы, значительного снижения коррупции не тестируется. В этой связи правомерно выдвинуть гипотезу, согласно которой основной причиной устойчивости коррупционных практик в том числе и по отношению к проводимым институциональным преобразованиям является масштабность и системность коррупционных нарушений, которые приобрели характер устоявшейся системной хозяйственной практики. Уже в конце 90-х годов прошлого столетия исследователи подчёркивали факт того, что коррупция приобрела в стране системный характер (Кузьминов, 1998). По расчётам тех же российских исследователей (например, Г. Сатарова), объём коррупционных издержек в российской экономике в начале 2000-х гг. составлял до 10% ВВП (Кузьминов, Радаев и др., 2005).

В этих условиях коррупционные практики становятся устойчивыми по отношению к различным типам формальных институциональных правил, оставаясь своего рода данностью, обязательным правилом, или императивом, принятым в рамках заключения значительной части сделок в сфере госзакупок. Причём можно утверждать, что в настоящее время заказчики используют два наиболее способа установления барьеров распространённых для нежелательных, «недоговороспособных» на участие в коррупционных сделках участников – «на входе» и «выходе»¹⁴. «Барьером на входе» является правило усложнения подготавливаемой к проведению закупочной процедуры спецификации и, соответственно, ужесточения требований к отражению всех параметров в спецификации заявки, подаваемой на участие в закупочной процедуре. «Барьером на выходе» становится возможность заказчика затягивать проведения платежей за поставку продукции (выполнение работ). Учитывая судебные издержки и особенно значительные временные промежутки, которые требуются на решение судебных дел, для предпринимателей барьер такого рода существенно повышает их транзакционные издержки, заранее делая для них менее привлекательным участие

¹³ Согласно Индексу восприятия коррупции, в 2001 году Бразилия занимала 47-е место из 91. В 2013 г. – 72-е из 175. Соответствующие показатели по России – 79-е и 127-е места.

¹⁴ В данной публикации не ставится цель проанализировать все основные способы установления барьеров такого рода. Укажем лишь, что ещё одним из распространённых способов создания барьеров «на входе» является «неправильное» размещение заказа на электронной площадке, когда из формулировки названия аукциона (предмета закупки) не очевидным становится отнесение данного заказа к соответствующей классификационной группе, например, закупаемых товаров, из-за чего большинство потенциальных участников такой процедуры не смогут обнаружить информацию о её проведении.

в подобных тендерных процедурах 15 .

Косвенным подтверждением неконкурентного характера значительной части заключаемых сделок становится высокая доля распространения закупок у единственного поставщика в 2009 – 2013 гг. (в пределах 40 – 60 % от общих объёмов размещаемого заказа), когда в рамках значительной части проводимых конкурсов и аукционов в итоге оставался или один, или ни одного участника закупочной процедуры. Основные две причины возникновения подобной ситуации состояли в том, что либо с самого начала проводимых процедур потенциальные участники не выражали желания участвовать в них ввиду существующих значительных барьеров, либо их заявки отклонялись заказчиками в процессе рассмотрения.

Подавление конкурентного характера проводимых госзакупок и сохранение высокого уровня коррупции противоречит базовым принципам современного государственного прокъюрмента, т.е. конкурентной системы государственных закупок. Одной из основных целей развития конкурентных систем госзакупок является профилактика коррупции, распространяющейся при взаимодействии чиновников и предпринимателей в ходе проведения закупок. Именно с этой целью информационная система проведения госзакупок должна быть максимально открыта, чтобы способствовать прозрачности проводимых процедур. Это также должно способствовать усилению конкурентного характера системы госзакупок, но как показал предыдущий анализ, набор институциональных факторов не позволяет достичь здесь эффективного результата.

Таким образом, очевидна ситуация извращения формального института госзакупок в стране. В. Радаев указывает на две принципиально возможные его вариации (*Радаев*, 2001; 2003). Во-первых, это прямое извращение формального правила, когда участникам хозяйственных отношений удаётся произвести деформализацию нового правила, приспособив его к своим узким интересам. Вовторых, возникновение параллельных институциональных режимов, когда новые и старые практики какое-то время уживаются друг с другом. При этом возможно сосуществование разных формальных правил, связанное в том числе с введением разного рода институциональных экспериментов.

Полагаем, что скорее ситуация с развитием госзакупок в России ближе к первому описанному выше варианту.

Однако, как уже было упомянуто, в 2011-2012 годах в России была инициирована новая реформа госзакупок, что привело к принятию в 2013 г. нового закона - о контрактной системе. Инициаторы реформы прямо указали на то, что в реформы стремление данной было положено институциональную структуру функционирования системы государственных закупок США – Федеральную контрактную систему. Потребность подобного заимствования обосновывалась необходимостью перехода на новый системный уровень управления госзакупками в стране, взаимной интеграции различных функций управления ими – особенно планирования, мониторинга, аудита, контроля, обеспечения исполнения контракта (Анчишкина, 2011). Концепция Закона также допускает расширение возможностей взаимодействия между государством и бизнесом, заключения различных видов долгосрочных контрактов. Предыдущий закон делал непропорциональный акцент на правовом административном регулировании собственно процедур проведения закупок, когда власти пытались, в частности, решить проблему путём упрощения проводимых закупочных процедур (как уже упоминалось, за счёт внедрения аукционов, а впоследствии – электронных аукционов), надеясь этим повысить прозрачность закупок, снизив тем самым уровень коррупции. Но получается, что заметных успехов здесь достигнуто не было. Возникает, однако, также иная проблема. Так, мировой опыт свидетельствует о том, что приобретение сложной продукции, комплексов услуг настоятельно требует учитывать при закупке квалификацию

¹⁵ Отдельные, в том числе информационно показательные кейсы (*Боярский, 2013*), демонстрирующие ограниченные возможности поставщиков «честно работать», исключая любые формы коррупционных договорённостей, лишь подтверждают общее правило.

поставщиков и качество приобретаемой продукции, в том числе порой в ущерб дешевизне приобретаемого продукта. В рамках новой реформы подобная проблема решается путём введения новых специальных процедур:

- 2-х этапного конкурса;
- конкурса с ограниченным участием.

Подобные процедуры получили широкое распространение в мире в связи с необходимостью проведения сложных закупок. С учётом того, что сферу их применения следует ограничить соответствующим спектром сложных видов продукции, коррупционный эффект здесь может быть минимизирован. К сожалению, поскольку предыдущий закон (№ 94-ФЗ) фактически исключил возможность проведения подобных процедур, это также нанесло ущерб развитию инновационной сферы страны.

Другим вопросом, проведением связанным \mathbf{c} новой реформы государственных закупок, является выяснение того, в какой степени формируемый в России аналог института ФКС является заимствованным, в какой степени он трансформируется и адаптируется к институциональной национального хозяйства и государственного управления, какова будет степень эффективности его функционирования при этом. В данной публикации по причине ограниченности её объёма трудно претендовать на полноценный анализ этой проблемы, поэтому остановимся лишь на ряде существенных замечаний по данному вопросу.

ΦКС США собой Во-первых, представляет сравнительно предполагающее образование, институциональное многоуровневую систему управления, эволюционно развивавшуюся на протяжении более чем 100 лет (Рубвальтер, 2010) в условиях достаточно эффективного функционирования институтов гражданского общества, способных осуществлять общественного контроля. Форсированное введение такого института в нашей стране сопровождается риском его извращения, тем более, что он возрастает в связи с имеюшей место общей тенденцией, согласно которой «в несовершенной институциональной среде подчас лучше могут работать более простые институты, зрения высокой теории \mathbf{c} точки они представляются неэффективными» (Кузьминов, Радаев и др., 2005. С. 17). Если даже в случае с введением сравнительно простого и прозрачного способа закупок – электронного аукциона возникли серьёзные сложности с обеспечением его институциональной эффективности, что произойдёт в процессе внедрения более сложных институтов?

Во-вторых, уже на начальном этапе реформы, в процессе корректировки в Законодательном Собрании РФ текста проекта нового закона произошла определённая адаптация концепции контрактной системы к российским реалиям. Наиболее значимым и по-своему символичным здесь выступает введение института контрактных управляющих и, соответственно, контрактных служб заказчика. С одной стороны, подобная новация отражает профессионализацию сферы госзакупок, что не может не радовать. С другой стороны, также интересны наблюдаемые здесь иные процессы институциональной адаптации. В частности, в рамках ФКС США профессиональные агенты (так называемые «контрактные офицеры»), ответственные за выполнение закупочных и иных сопроводительных функций, имеют занятость в рамках специальных закупочных агентств. Выполняя свои функции, они одновременно имеют организационно независимый статус относительно тех организаций, для которых осуществляются закупочные процедуры. С одной стороны, подобное дублирование управленческих структур имеет свою цену, связанную с необходимостью их поддержания. С другой стороны, благодаря подобному дублированию достигается также значимый антикоррупционный эффект в сфере госзакупок. При принятии нашего закона здесь был избран другой путь. Контрактные управляющие (контрактные службы) включаются в штат закупочных организаций. С одной стороны, подобная норма соответствует сложившейся практике, когда любая бюджетная организация де-факто имеет у себя в штате

специалистов соответствующего профиля. С другой стороны, они являются организационно зависимыми от руководства госзаказчиков, что обуславливает их вынужденное или добровольное участие в коррупционных схемах, инициаторами которых может выступать руководство их организации. И здесь тоже не существует оптимального решения, т.к. даже создание параллельных управленческих структур по примеру существующих в рамках ФКС США при существующем масштабе коррупционных практик в России не гарантирует исключения коррупционных схем из хозяйственной практики, в то время как административные издержки при этом однозначно будут значительно возрастать.

Таким образом, практика развития системы госзакупок в современной России, включая её современный этап, должна характеризоваться как адаптация трансплантированных институтов. Справедливости ради, следует отметить также наличие в современной отечественной экономической истории примера чистой трансплантации (импорта) формального института в сфере госзакупок – это принятие в 1997 году президентского Указа № 305, вводившего в действие Положения о государственных закупках, впервые относительно детально юридически регламентировавшего данную сферу. Значительная часть норм этого Положения была заимствована из международного модельного закона о госзакупках ООН UNCITRAL (образца 1994 года). К сожалению, этот опыт имел в основном негативный эффект в вопросах развития государственных закупок в стране и профилактики коррупции. Недостаточная степень его проработанности, неготовность при его принятии адаптировать содержавшиеся там нормы к российским реалиям не смогли никоим образом ограничить распространение коррупционных практик в стране, способствуя скорее их поощрению.

В заключение отметим, что сама способность выйти из коррупционной ловушки¹⁶ в российских госзакупках находится пока под большим вопросом, т.е. никто пока не располагает решением указанной проблемы на ближайшую перспективу, в том числе и в контексте новой проводимой реформы в этой сфере. Вряд ли в этом вопросе нам также сможет помочь и очередное институциональное заимствование. Скорее это та проблема, которая, как отмечал Е. Гайдар, требует своего неповторимого и уникального решения (Гайдар, 2005), и остаётся надеяться на то, что такое решение рано или поздно всё-таки будет найдено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анчишкина О. В. (2011). Планирование государственных закупок: опыт ФКС США для развития контрактных отношений в российском госзаказе // Этап: экономическая теория, анализ, практика, № 6, с. 66–94.

Боярский А. (2013). Ребятам об откатах-5 // Коммерсантъ-Деньги, № 11, с. 38–40.

Вольчик В. В. (2009). Всепобеждающий оппортунизм: эволюция институтов размещения государственного заказа в России // $Terra\ Economicus,\ T.\ 7,\ №\ 4,\ c.\ 44–50.$

Bольчик В. В. (2011). Эволюция институциональной структуры размещения государственного заказа в России // Journal of Economic Regulation, Т. 2, № 2, с. 56–67.

Bольчик B. B. (2012a). Институциональные изменения: на пути к созданию общей теории // Journal of Institutional Studies, T. 4, № 4, с. 4–6.

Вольчик В. В. (2012б). Эволюционный подход к анализу институциональных изменений // $Terra\ Economicus,$ Т. 10, № 4, с. 62–69.

 Γ айдар E. T. (2005). Переход от заимствования институтов κ их выращиванию (стенограмма выступления) / Модернизация экономики и выращивание институтов. Кн. 1. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, с. 91–94.

 $\mathit{Konodko}\ \varGamma$. (2012). Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М.: Магистр.

¹⁶ О коррупционных ловушках в целом см. подробнее: (Полтерович, 2007).

Корытиев М. А. (2009). Институциональная структура и механизмы функционирования квазирынков в общественном секторе. Ростов-н/Д.: Изд-во «Содействие-XXI век».

Кузьминов Я. И. (1998). Тезисы о коррупции. М.: ГУ-ВШЭ.

Кузьминов Я. И., Радаев В.В. и др. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений / Модернизация экономики и выращивание институтов. Кн. 1. М.: Изд. дом Γ V-ВШЭ, с. 7–64.

Hиколас K. (2012). Типовой Закон ЮНСИТРАЛ 2011 года о государственных закупках // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение, № 27, с. 114–123.

Олейник А. Н. (2000). Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М.

 Π искунов А. А. (2011). Федеральная контрактная система как инструмент развития // Этап: экономическая теория, анализ, практика, № 6, с. 48–57.

Полтерович В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы, Т. 35, Вып. 2, с. 3–19.

Полтерович В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России, № 3, с. 24–50.

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».

Попырин В. И. (2011). Электронные аукционы в Бразилии // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение, № 23, с. 76—82.

Радаев В. В. (2001). Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // *Вопросы экономики*, № 6, с. 60–79.

 $\it Padaes~B.~B.~(2003).$ Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ-ВШЭ.

Рубвальтер Д. А.(2010). Федеральная контрактная система: методология разработки, российский опыт, и перспективы внедрения // Этап: экономическая теория, анализ, практика, № 2, с. 53–71.

 $Como\ \partial e\ {\it \ominus}$. (1995). Иной путь: невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy.

Стиглиц Дж.(1998). Многообразнее инструменты, шире цели: движение к поствашингтонскому консенсусу // *Вопросы экономики*, № 8, с. 4–34.

 $\mathit{Сэндлер}\ T.\ (2006).$ Экономические концепции для общественных наук. М.: Изд-во «Весь Мир».

Тамбовцев В. Л. (1997). Теоретические вопросы институционального проектирования // *Вопросы экономики*, № 3, с. 82–94.

Tамбовцев В. Л. (2008). Теории институциональных изменений. М.: ИНФРА-М.

 ${\it Явлинский}\ {\it \Gamma}.\ {\it A}.\ (2003).$ Периферийный капитализм. М.: ЭПИцентр: Интеграл-Информ.

Berkovitz D., Pistor K. and Richard J.-F. (1999). Economic development, legality and the transplant effect. Working Paper University of Pittsburgh and Max Plank Institute. Rostock, Germany, November.

Davis L. E. and North D. S. (1970). Institutional change and American economic growth: a first step towards a theory of institutional innovation // Journal of Economic History, no. 30, pp. 131–149.

Davis L. E. and North D. S. (1971). Institutional change and American economic growth. Cambridge, Cambridge University Press.

Dewartipont M. and Roland G. (1995). The design of reform packages under uncertainty # American Economic Review, vol. 85, no. 5, pp. 1207–1223.

Elster J., Offe C. and Preuss U. K. (1998). Institutional design in Post-Communist societies. Cambridge, Cambridge University Press.

Goodin R. E. (ed.) (1998). The theory of institutional design. Cambridge,

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Tom 5, №2. 2014

Cambridge University Press.

Rodrik D. (1996). Understanding economic policy reform // Journal of Economic Literature, vol. XXXIV, pp. 9–41.

 $Stiglitz\ J.$ (2003). Globalization and its discontents. N.Y., W. W. Norton & Company.

Transparency International. (http://www.transparency.org).

Willamson J. (1994). In search of a manual for technopols / J. Willamson, Editor. The Political Economy of Policy Reform. Institute for International Economics. Washington D. C., pp. 11-27.

REFERENCES

Anchishkina O. V. (2011). Planning of government procurement: the FCS USA' experience for Russian state procurement reform. Stage: Economic Theory, Analysis, Practice, no. 6, pp. 66–94. (In Russian).

Boyarskiy A. (2013). Children about the kickbacks-5. Commersant-Money, no. 11, pp. 38–40. (In Russian).

Volchik V. V. (2009). All-conquering opportunism: the evolution of state procurement institutes in Russia. *Terra Economicus*, vol. 7, no. 4, pp. 44–50. (In Russian).

Volchik V. V. (2011). The institutional structure evolution of public procurement in Russia. *Journal of Economic Regulation*, vol. 2, no. 2, pp. 56–67. (In Russian).

Volchik V. V. (2012a). Institutional changes: towards a general theory. *Journal of Institutional Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 4–6. (In Russian).

Volchik V. V. (2012b). Evolutional approach to analysis of institutional changes. *Terra Economicus*, vol. 10, no. 4, pp. 62–69. (In Russian).

Gaidar E. T. (2005). The transition from transplantation of institutions to their cultivation (Verbatim Report) / Modernization of Economy and Cultivation of Institutes. Iss. 1. Moscow, Publ. House of HSE, pp. 91–94. (In Russian).

Kolodko G. (2012). Globalization, transformation, crisis – what next? Moscow, Magistr Publ. (In Russian).

Korytcev M. A. (2009). The institutional structure and quasi-market mechanisms in public Sector. Rostov-on-Don, Publ. House «Assistance – XXI Century». (In Russian).

 $\it Kuzminov~Y.~I.~(1998).$ Theses about corruption. Moscow, Publ. House of HSE. (In Russian).

Kuzminov Y. I., Radaev V. V. et al.. (2005). The institutes: from transplantation to cultivation. Russian reform experience and possibilities for cultivation of institutional changes / Modernization of Economy and Cultivation of Institutes. Iss. 1. Moscow, Publ. House of HSE, pp. 7–64. (In Russian).

Nicholas K. (2012). Typical law UNSITRAL-2011 about public procurement. Goszakaz: Management, Procurement, Provision, no. 27, pp. 114–123. (In Russian).

 $North\ D.\ C.\ (2010).$ Understanding the process of economic change. Moscow, Publ. House of HSE. (In Russian).

 $Oleynik\ A.\ N.$ (2000). Institutional Economics. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian).

Piskunov A. A. (2011). Federal Contract System as instrument of development. Stage: Economic Theory, Analysis, Practice, no. 6, pp. 48–57. (In Russian).

Polterovich V. M. (1999). The institutional traps and economic reforms. Economics and Mathematics Methods, vol. 35, no. 2, pp. 3–19. (In Russian).

Polterovich V. M. (2001). The transplantation of economic institutes. Economic Science of Modern Russia, no. 3, pp 24–50. (In Russian).

Polterovich V. M. (2007). The elements of reform theory. Moscow, Publ. House "Economics". (In Russian).

Popyrin V. I. (2011). E-Auctions in Brazil. Goszakaz: Management, Procurement, Provision, no. 23, pp. 76–82. (In Russian).

Radaev V. V. (2001). The deformalization of rules and tax evasion in Russian

economy. Voprosy Ekonomiki, no. 6, pp. 60-79. (In Russian).

Radaev V. V. (2003). Sociology of markets: to forming new branch. Moscow, Publ. House of HSE. (In Russian).

Rubvalter D. A. (2010). Federal Contract System: methodology of design, Russian experience and perspectives of implantation. Stage: Economic Theory, Analysis, Practice, no. 2, pp. 53–71. (In Russian).

Soto de H. (1995). The other path: the invisible revolution in the Third World. Moscow, Catallaxy Publ. (In Russian).

Stiglitz J. (1998). Diverse instruments, wider objectives: towards Post-Washington Consensus. Voprosy Ekonomiki, no. 8, pp. 4–34. (In Russian).

Sandler T. (2006). Economic concepts for the social sciences. Moscow, Publ. House "Whole World". (In Russian).

Tambovtsev V. L. (1997). Theoretical questions of institutional design. Voprosy Ekonomiki, no. 3, pp. 82–94. (In Russian).

Tambovtsev V. L. (2008). The theories of institutional change. Moscow, INFRA–M Publ. (In Russian).

 $Yavlinski\ G.\ A.$ (2003). Peripheral Capitalism. Moscow, EPIcenter: Integral-Inform Publ. (In Russian).

Berkovitz D., Pistor K. and Richard J.-F. (1999). Economic development, legality and the transplant effect. Working Paper University of Pittsburgh and Max Plank Institute. Rostock, Germany, November.

Davis L. E. and North D. S. (1970). Institutional change and American economic growth: a first step towards a theory of institutional innovation. Journal of Economic History, no. 30, pp. 131–149.

Davis L. E. and North D. S. (1971). Institutional change and American economic growth. Cambridge, Cambridge University Press.

Dewartipont M. and Roland G. (1995). The design of reform packages under uncertainty. American Economic Review, vol. 85, no. 5, pp. 1207–1223.

Elster J., Offe C. and Preuss U. K. (1998). Institutional design in Post-Communist societies. Cambridge, Cambridge University Press.

 $Goodin\ R.\ E.$ (ed.) (1998). The theory of institutional design. Cambridge, Cambridge University Press.

Rodrik D. (1996). Understanding economic policy reform. Journal of Economic Literature, vol. XXXIV, pp. 9–41.

 $Stiglitz\ J.$ (2003). Globalization and its discontents. N.Y., W. W. Norton & Company.

Transparency International. (http://www.transparency.org).

Willamson J. (1994). In search of a manual for technopols / J. Willamson, Editor. The Political Economy of Policy Reform. Institute for International Economics. Washington D. C., pp. 11–27.

www.hjournal.ru

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

ГОНЧАРОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ojug2011@yandex.ru

Статья посвящена анализу теоретических основ публичного управления развитием малого предпринимательства. Рассмотрены различные подходы к раскрытию содержания данной категории, показано ее соотношение с понятиями «государственная поддержка малого предпринимательства», «государственное регулирование малого предпринимательства». Рассмотрен ряд форм проявления публичного характера управления развитием малого предпринимательства: «Открытое правительство», участие в управленческом процессе предпринимательского сообщества (в том числе через комиссии и советы при государственных и муниципальных органах власти, участие предпринимателей или их представителей в проведении экспертизы законопроектов, лоббирование), институт уполномоченных по защите прав предпринимателей, экономические форумы, региональные научно-практические конференции, симпозиумы и «круглые столы» и др. Обозначены особенности и противоречия публичного управления развитием малого предпринимательства в России, предложены некоторые пути разрешения последних.

Ключевые слова: публичное управление развитием малого предпринимательства; государственное регулирование малого предпринимательства; государственная поддержка малого предпринимательства; взаимодействие органов государственной власти и бизнеса.

PUBLIC MANAGEMENT OF SMALL ENTREPRENEURSHIP **DEVELOPMENT: THEORETICAL FOUNDATIONS**

GONCHAROVA OLGA, YU.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory and Entrepreneurship», Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, South-Russian Institute Branch, Rostov-on-Don, e-mail: ojug2011@yandex.ru

The paper is devoted to the theoretical foundations analysis of public management development of small business. The author considers different approaches to the disclosure of the contents of this category, shows its relationship with the concepts of "state support of small business", "state regulation of small business". Some forms of public control of small business development are considered: among them "open government", participation in the administrative process of the business community (including commissions and councils at the state and municipal authorities, the participation of entrepreneurs or their representatives in the examination of draft laws, lobbying), the institution of Plenipotentiaries on the protection of the rights of entrepreneurs, economic forums, regional scientific-practical conferences, workshops and "round tables", etc. The peculiarities and contradictions of the public administration of small business development in Russia are indicated, some ways of their permission are offered.

Keywords: public management of small entrepreneurship development; state regulation of small business; the state support of small entrepreneurship; the interaction between government and business.

JEL: L26.

Развитие малого и среднего бизнеса является ключом к решению важнейших социально-экономических проблем. В России формирование малого предпринимательства как хозяйственной системы прошло недолгий (немногим более 20 лет), но сложный путь. При этом приходилось использовать теоретические наработки западных ученых, опираться на опыт управления в данной сфере, накопленный в условиях рыночной экономики, адаптировав его к имеющимся в нашей стране условиям. К сожалению, не все удалось, и Россия все еще значительно отстает от ведущих стран по основным показателям развития малого предпринимательства.

И это следствие не только недостатка финансовых, материальных, кадровых, интеллектуальных и других ресурсов, но и слабости теоретического осмысления сложившейся ситуации и научного анализа реальной практики управления развитием малого предпринимательства, а также отсутствия обоснованных рекомендаций по повышению эффективности этого управления. Несмотря на многие политические заявления и немалое количество нормативно-правовых документов, программ и планов, в нашей стране к настоящему времени заложены только основы государственной политики в области развития малого предпринимательства.

Не случайно в ежегодных Национальных отчетах «Глобальный мониторинг развития предпринимательства» на протяжении всех лет их составления в РФ (начиная с 2006 года) большинство опрошенных российских предпринимателей к числу важнейших факторов, оказывающих негативное влияние на развитие предпринимательства в нашей стране, относят политику государства ¹.

В этой связи анализ проблем публичного управления развитием малого предпринимательства весьма актуален. Одним из разрабатываемых в последние годы направлений исследований отечественных ученых является проблема взаимодействия государства и малого бизнеса в России. Наш научный интерес публичное управление развитием малого предпринимательства - находится в русле этого направления.

В научной литературе отсутствует общепризнанное, универсальное понимание публичного управления. Налицо множество трактовок данного явления в зависимости от того, с какой точки зрения автор определения подходит к уяснению проблемы (с юридической, экономической, политологической и т.д.).

В данной статье речь идет о «публичном управлении» как экономической категории, как об управлении при использовании публичной государственной власти (от имени всего общества) и об управлении в масштабах муниципального образования от имени населении соответствующего города, района, поселения.

Важно отметить, что субъектами публичного управления могут быть, помимо государства, действующих от его имени органов и должностных лиц, органов и должностных лиц субъекта федерации, автономии, местного самоуправления, также общественные объединения (если они является публичными коллективами или содержат в себе его элементы).

Каково же соотношение понятий «государственное управление» и «публичное управление»? По этому поводу также нет единого подхода (см. табл. 1).

¹ См.: Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012. (http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects/gem/).

Таблица 1 Различные подходы к сущности категории «публичное управление»

Авторы определения	Суть определения		
Македошина Н. А.	Публичное управление включает в себя «управление в рамках всего публичного (общественного) сектора экономики, финансируемого из государственного и муниципального бюджетов, а также внебюджетных источников финансирования и осуществляемое при непосредственном участии граждан» (Македошина, 2013. С. 3)		
Мартынов А. В.	В рамках государственного управления выполняются задачи и цели, поставленные государством,главной целью публичного управления является ориентированность на достижение общественно значимого результата (Мартынов, 2010. С. 40). При анализе проблем государственного управления исследуются пути повышения эффективности реализации задач и целей определенных государством, при анализе проблем публичного управления - главным является выявление того, насколько полно результаты их реализации соответствуют общественным интересам (населения страны, территории).		
Усманова Р. М.	Публичное управление — упорядочение отношений путем не только официальновластного установления государством, органами местного самоуправления, общественными организациями различных общеобязательных правил, но и с помощью выработанных самим обществом, коллективом граждан и негосударственными органами норм и правил поведения (Усманова, 2011. С. 133).		
Морозова А. И.	Публичное управление — процесс реализации общественно значимых проектов различных отраслей посредством развития связей государства, бизнес-структур и представителей гражданского общества на основе принципа транспарентности (Морозова, 2013. С. 21).		
Курочкин А. В.	Публичное управление в условиях сетевой экономики - управление сложными сетевыми образованиями из множества акторов (элементы общегосударственного и регионального управления и местного самоуправления, групп интересов, социальных институтов, частных организаций и др.) (Курочкии, 2011. С. 119-120).		

Не существует и единого мнения по поводу соотношения понятий «государственная поддержка малого предпринимательства» и «государственное регулирование малого предпринимательства». Наиболее распространена точка зрения, что государственное регулирование малого предпринимательства — понятие более широкое, включающее в себя, помимо создания благоприятных условий для развития малого предпринимательства и обеспечения данного сектора экономики ресурсами, также возможность корректирующего воздействия на процесс развития данного сектора экономики.

Нет и единой точки зрения и относительно объекта государственного регулирования малого предпринимательства. Наряду с традиционным подходом (объектом государственного регулирования является малого сектор предпринимательства) существует и другая точка зрения, подчеркивающая связь И существенную зависимость развития предпринимательства от развития предпринимательства среднего и крупного, от эффективности институтов инфраструктуры, от изменчивых условий внешней этом случае объект государственного регулирования предпринимательства необходимо рассматривать более широко за счет включения в него таких элементов, как стимулирование интеграции малого, среднего и крупного предпринимательства, инновационно активного предпринимательства, формирование благоприятной предпринимательской среды и др. ($\mathit{Kypahosa}$ и Шилова, 2011. С. 36).

Публичное управление развитием малого предпринимательства представляет собой деятельность органов публичной власти по формированию государственной политики в сфере малого предпринимательства, обеспечению условий для его эффективного функционирования и безопасности.

Публичный характер управления развитием малого предпринимательства проявляется открытостью деятельности государственных органов («Открытое правительство») И широким участием В управленческом процессе предпринимательского сообщества. Элементами публичной власти обладают некоторые общественные организации и объединения, обеспечивающих представительство интересов малого бизнеса в государственном управлении, отстаивающие их (ТПП РФ, РСПП, ОПОРА России, «Деловая Россия» и другие организации, выполняющие публичные функции, способствующие развитию взаимодействия власти и бизнеса). Большинство из них в современных российских условиях не имеют достаточно эффективных рычагов влияния на органы власти с целью улучшения условий для сферы малого и среднего бизнеса. Но их деятельность способствует согласованию потребностей и действий государства и предпринимательского сообщества в интересах общества.

При государственных и муниципальных органах функционируют различные комиссии и советы, где происходит диалог между представителями органов власти и бизнеса, отбираются наиболее эффективные формы взаимодействия органов исполнительной власти и общественных организаций предпринимателей.

Важным фактором такого взаимодействия участие предпринимателей или их представителей в проведении независимой антикоррупционной экспертизы законопроектов, затрагивающих интересы предпринимателей, а также лоббирование.

Серьезным шагом в обеспечении безопасности бизнеса стало создание нового для России института: федерального и региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей, которые ориентированы на защиту прав и законных интересов предпринимателей (восстановление нарушенных государственными органами прав предпринимателей, урегулирование споров между предпринимателями и органами власти).

Важным инструментом взаимосвязей органов публичной власти и предпринимательского сообщества служат и такие формы научного осмысления актуальных вопросов социально-экономической жизни как экономические форумы (Петербургский, Красноярский, Сочинский, Гайдаровский и др.), региональные научно-практические конференции, симпозиумы и «круглые столы», где обсуждаются теоретические и практические вопросы, анализируются опыт и проблемы российской экономики (в том числе и малого предпринимательства) и вырабатываются рекомендации по их решению.

Следует отметить особенность публичного управления развитием малого предпринимательства. Она заключается не в управлении организационно-хозяйственными процессами малого бизнеса, а в обеспечении баланса интересов органов власти и бизнеса, согласования интересов государства и малого бизнеса при решении социально-экономических задач, координации усилий органов публичной власти на решении важнейших вопросов повышения эффективности экономики, создании комфортной бизнес-среды, выявлении и устранении технических и административных барьеров на пути развития предпринимательства.

Характер рассматриваемого взаимодействия весьма противоречив, что объясняется неоднозначностью, разновекторностью интересов государства и бизнеса (см. табл. 2).

Среди противоречий можно назвать отчуждение объектов управления (предпринимателей и населения) от процесса разработки и реализации управленческих решений (Головко и Некрасов, 2011. С. 25); разнонаправленность действий органов государственной власти и местного самоуправления, с одной стороны, и субъектов предпринимательства, — с другой; противоречие между потребностью предпринимателей в достоверной и своевременной информации и искажениями последней (предоставляется не в полном объеме, несвоевременно, не вполне достоверна и т.д.), несовершенство информационно-аналитического обоснования управленческих решений, слабое отражение в них реальных интересов предпринимателей и населения и др.

Без разрешения данных противоречий невозможно повысить эффективность публичного управления развитием малого предпринимательства, как экономическую (отношение стоимости объема предоставленных услуг к стоимости объема привлеченных для этого ресурсов), так и социальную (степень достижения общественно значимых целей) (Кайль и Епинина, 2013. С. 31).

 $Taблица\ 2$ Некоторые результаты опроса экспертов и представителей бизнеса Ростовской области в 2011-2012 гг.

Вопросы и варианты ответов на них	Доля представителей экспертного сообщества, выбравших данный вариант ответа, в % к общему количеству опрошенных экспертов	Доля представителей бизнеса, выбравших данный вариант ответа, в % к общему количеству опрошенных предпринимателей
1. На чем, по Вашему мнению,		
должны быть основаны		
отношения между		
представителями гражданского		
общества, государством и бизнесом?		
- на принципах социального партнерства;	$52,\!35$	58,20
- главенствующая роль в	20,99	15,57
данных отношениях должна	·	ŕ
принадлежать государству;		
- наличие финансовых ресурсов	9,88	7,38
у бизнеса позволяет его		
представителям устанавливать		
свои правила в данных		
взаимоотношениях		
В чем происходит совпадение		
интересов гражданского		
общества, государства и		
бизнеса?		
- укрепление российской	14,76	12,7
государственности;		
- преодоление коррупции;	14,76	13,23
- улучшение экономической	15,80	15,87
политики, способствующей		
развитию		
предпринимательства;		22.45
- такие совпадения отсутствуют	21,70	26,45

Источник: Взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества. Информационно-аналитические материалы к проведению международного круглого стола 27 марта 2012 года. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2012. С. 184.

Определенную роль в снижении остроты имеющихся противоречий в развитии малого бизнеса призваны сыграть Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ и Программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденная Распоряжением Правительства РФ 29 марта 2013 года (№ 467-р). В этих документах, регулирующих отношения, возникающие между субъектами малого бизнеса и органами федеральной, региональной и местной власти, учтены современные российские условия и требования времени к развитию малого предпринимательства.

К настоящему времени в России созданы необходимые предпосылки для управления повышения эффективности публичного развитием малого предпринимательства: созданы органы публичной власти (прежде Департамент развития малого и среднего предпринимательства и конкуренции Министерства экономического развития РФ), формируется нормативно-правовая база, определены основные направления развития бизнеса, формируется инфраструктура поддержки малого предпринимательства, накоплен некоторый опыт регулирования отношений власти и бизнеса и др. К сожалению, имеющийся капитал используется неполно, масштабы развития малого предпринимательства и его вклад в оздоровление экономики еще явно недостаточны. В силу специфических развития российской экономики потенциальные преимущества

взаимодействия субъектов публичного управления и малого бизнеса реализованы слабо.

Необходимость совершенствования публичного управления требует разработки и внедрения его действенного механизма на основе глубокого научного анализа реальной практики в данной области, выявления основных тенденций и закономерностей на всех этапах его функционирования в современной России и в зарубежных странах.

Дальнейшей активизации требует работа по выявлению реальных причин низкой эффективности используемых форм и методов управления и разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию институтов публичного управления, формированию (и мониторингу реализации) программ развития малого бизнеса, принимаемых по этому поводу планов, решений, распоряжений, продуктивности участия общественных объединений в публичном управлении, выявлению тенденций и закономерностей во взаимодействии государства и малого предпринимательства, адаптации к российским условиям лучших зарубежных практик, устранению условий и факторов, блокирующих развитие малого предпринимательства.

Условиями повышения эффективности публичного управления развитием малого предпринимательства являются также создание условий для повышения степени участия населения и субъектов предпринимательства в публичном управлении, формирование ответственности за благосостояние граждан не только со стороны государства, но и институтов гражданского общества, бизнес-сообщества, обеспечение баланса интересов государства, органов местного самоуправления и предпринимателей путем использования проверенных практикой форм и методов движения навстречу друг другу.

Совершенствование публичного управления развитием малого предпринимательства невозможно рассматривать в отрыве от решения общих задач экономической и социальной политики – «стимулирования совокупного спроса, малообеспеченных слоев населения... реализации государственной инвестиционной. денежно-кредитной региональной политики» (Игнатова, 2012. С. 16), без соблюдения таких условий, как экономическая свобода производителей, развитие конкуренции, реализация национальных экономических интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Головко В. М. и *Некрасов В. Н.* (2011). Теневые отношения как форма развития основополагающего противоречия управления // *Менеджмент в России и за рубежом*, № 5, с. 125-132.

Игнатова Т. В. (2012). Формирование комплекса мер управления антикризисным взаимодействием государства и бизнеса // *Российское предпринимательство*. № 5 (203), с. 11-16.

Кайль Я. Я. и Епинина В. С. (2013). Партисипация как важный фактор повышения эффективности и результативности публичного управления субъектом Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика, № 16, с. 30-38.

Куранова Н. А. и *Шилова Л. Д.* (2011). Теоретические аспекты анализа эволюции государственного регулирования малого предпринимательства // Becmhuk *Тюменского государственного университета*, № 11, с. 33-36.

Kурочкин А. В. (2011). Становление сетевой модели политико-административного управления в условиях современного общества // Bестник $C\Pi \delta \Gamma V$, Сер. 6, Вып. 2, с. 115-123.

Македошина Н. А. (2013). Формирование и развитие системы ответственности в сфере публичного управления. Автореферат дис... к.э.н. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 19 с.

Мартынов А. В. (2010). О некоторых важных теоретических характеристиках

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Том 5, №2. 2014

публичного управления в современном российском государстве // История государства и права, № 2, с. 39-42.

Морозова А. И. (2013). Совершенствование инструментария публичного управления реализацией государственной закупочной политики. Дис....канд.экон. наук. Ростов-на-Дону, 195 с.

Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012. (http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects/gem/ - Дата обращения: 15.01.2014).

Усманова Р. М. (2011). О соотношении понятий «публичное регулирование», «публичное управление», «публичная власть» // Общество: политика, экономика, право, № 3, с. 133-140.

Чиркин В. Е. (2004). Публичное управление: Учебник. М.: Юристъ, 475 с.

Югов А. А. (1999). Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 124 с.

REFERENCES

Golovko V. M. and Nekrasov V. N. (2011). Shadow relations as a form of realization of the fundamental contradictions of the governance. Management in Russia and Abroad, no. 5, pp. 125-132. (In Russian).

Ignatova T. V. (2012). Formation of management measures complex of anti-crisis interaction between state and business. Journal of Russian Entrepreneurship, no. 5 (203), pp. 11-16. (In Russian).

Keil A. A. and Epinine V. S. (2013). Participate as an important factor to improve the efficiency and effectiveness of public administration by the subject of the Russian Federation. Regional Economics: Theory and Practice, no. 16, pp. 30-38. (In Russian).

Kuranova N. A. and *Shilov L. D.* (2011). Theoretical analysis aspects of the evolution of state regulation of small business. *Herald of the Tyumen State University*, no. 11, pp. 33-36. (In Russian).

Kurochkin A. V. (2011). Formation of the network model of political and administrative management in the modern conditions. *Herald of the SPbSU*, Ser. 6, vol. 2, pp. 115-123. (In Russian).

Macedoine N. A. (2013). Formation and development of responsibility system in public administration. Abstract of Dissertation... Candidate of Economic Sciences. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics, 19 p. (In Russian).

Martynov A. V. (2010). On some important theoretical characteristics of public administration in modern Russia. History of State and Law, no. 2, pp. 39-42. (In Russian).

Morozova A. I. (2013). Improvement of the public management tools of public procurement policy implementation. Dissertation... Candidate of Economic Sciences. Rostov-on-Don, 195 p. (In Russian).

The national report. Global entrepreneurship monitor. Russia 2012. (http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects/gem/ - Access Date: 15.01.2014). (In Russian).

Usmanova R. M. (2011). On the relation between the concepts of «public management», «public administration», «public authority». Society: Politics, Economics and Law, no. 3, pp. 133-140. (In Russian).

 $\it Chirkin~V.~E.~(2004).$ Public management: The textbook. Moscow, Lawyer Publ., 475 p. (In Russian).

 $Yugov\ A.\ A.\ (1999).$ Legal basis of public authorities in the Russian Federation: monograph. Ekaterinburg, Publ. House of the Ural State Academy of Law, 124 p. (In Russian).

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ VS ПРИМОРДИАЛИЗМ **VS КОНСТРУКТИВИЗМ: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ** ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

МЕДВЕДЕВА ОКСАНА ОЛЕГОВНА,

кандидат исторических наук, начальник Отдела научно-информационного развития, РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, e-mail: omedvedeva@rane.ru

В статье анализируются проблемы проектирования стратегий развития образовательных систем в условиях глобализации. В качестве системного фактора проектирования рассматривается методологическая и мировоззренческая специфика трех социального познания – примордиализма, инструментализма и конструктивизма, а также особенности классического, неклассического и постнеклассического типов научного рационализма. Делается вывод о значимости информальной дифференциации образовательных учреждений и образовательных программ.

Ключевые слова: глобализация; инструментализм; примордиализм; конструктивизм; общенаучная картина мира; образовательная система.

INSTRUMENTALISM VS PRIMORDIALISM VS CONSTRUCTIVISM: DEVELOPMENT STRATEGIES IN THE GLOBAL WORLD

MEDVEDEVA OXANA, O.,

Candidate of Historical Science. Director of the Department of Scientific and Informational Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, e-mail: omedvedeva@rane.ru

Problems of designing of educational systems development strategies are analyzed in the paper. As a system-based factor of the designing there is used specificity of methods and world view of three paradigms of social cognition. They are primordialism, instrumentalism and constructivism as well as special aspects of classical, non-classical and post-non-classical scientifical rationalism. There is made a conclusion about value of informal differentiation of educational institutions and programs.

Keywords: globalization; instrumentalism; primordialism; constructivism; scientism; educational system.

JEL: F29, I20.

Глобализация занимает особое место среди факторов, влияющих на развитие современных образовательных систем. Усиление социальной и академической мобильности, расширение прямых связей между студентами разных стран, интернационализация научно-педагогического сообщества, специализированных международных программ в области качества обучения, динамичное развитие глобального информационного пространства и его сетевых сегментов создают уникальные условия для модернизации образовательного

процесса. Все большую популярность приобретают и международные рейтинги университетов, способные обеспечить высокую репутацию среди партнеров и востребованность у потребителей образовательных услуг. Практика международного рейтингования, в свою очередь, стимулирует применение единых форм контроля и мониторинга качества образования, совершенствование методик педагогического менеджмента. Однако глобализация образовательного пространства вызывает и немалые опасения. На фоне сохранения негативной экономической конъюнктуры и многочисленных «EOGIV» на мировой арене, обострения конфессиональных, этнокультурных, гендерных проблемах, нарастающего кризиса самой идеологии глобализма происходит рост скептических настроений и в отношении перспектив международного сотрудничества в сфере образования. Тема сохранения самобытности национальных образовательных систем, отказа от «искусственных», «навязанных извне» международных стандартов не только широко представлена в рамках общественно-политической полемики, но и привлекает внимание со стороны профессионального сообщества (ярким примером является роли Болонского процесса в развитии российского обсуждение образования).

Нарастающая острота дискуссий по вопросу о рисках глобализации образовательного пространства, формах и масштабах заимствования зарубежного опыта и роли национальных образовательных традиций сопряжена не только с их политическим подтекстом, но и с существованием принципиально разных теоретикометодологических парадигм социокультурной политики. В основе каждой из них лежат не только прагматичные установки, но и специфический стиль миропонимания, особый взгляд на социальность современного общества. С определенной степенью условности можно выделить три подобные парадигмы – инструментализм, примордиализм и конструктивизм.

Инструментализму присуща установка на прагматичное, рациональное, целесообразное социальное действие. В основе инструменталистского мышления лежит представление о личности как индивиде, чье становление и развитие происходит на основе осознанного выбора линии поведения в конкретных ситуациях и применения тех или иных интеллектуальных «инструментов» для достижения определенных результатов и удовлетворения своих интересов. Применительно к социальным практикам инструментализм исходит из той же прагматичной установки на максимизацию результата с помощью выбора наиболее эффективных организационных, институциональных и процессуальных алгоритмов деятельности. Как утверждал один из патриархов инструментализма Д. Дьюи, «мы не должны конструировать некое идеальное общество умозрительно, ... задача состоит в том, чтобы выделить положительные черты реально существующих форм общественной жизни, некие общие интересы в [той или иной] социальной группе, степень ее взаимодействия и сотрудничества с другими группами» (Дьюи, 2000. С. 81). Необходимо отметить, что подобный подход не только опирался на соображения «практической» целесообразности, но и был тесно связан с развитием неклассической общенаучной картины мира – представлением о динамичности, вариативности, нелинейности, неравновесности природных и социальных процессов и явлений, относительности методов научного познания и вероятностном характере его результатов, активной роли познающего субъекта в выборе эпистемологических моделей, тесной взаимосвязи между научной рефлексией и поиском наиболее эффективных средств и алгоритмов интеллектуальной деятельности.

Применение принципов инструментализма в педагогическом менеджменте отличается особой логичностью и прагматизмом. Ключевое значение придается целесообразности, утилитарности, системности, иерархичности образовательного процесса, его деятельностной направленности. С точки зрения содержания образовательных программ инструменталистский подход в равной степени можно считать и консервативным, и инновационным — «полезным» считается как освоение привычных паттернов, традиционно значимых для данного общества, так и

алгоритмов решения новых, нестандартных задач, способов действия в незнакомых ситуациях. Любой социальный опыт рассматривается в качестве совокупности кейсов, требующих рационального и эффективного решения. Особое значение такая логика инструменталистского «ответа на вызовы» приобретает в условиях резкого изменения социальных условий, смены приоритетов общественного развития. Она оправдывает самые жесткие методы институционального реформирования образовательных систем под знаком эффективности и «реализма», диктует необходимость отказа от традиций «абстрактного академизма» в пользу практикообучения. ориентированного. «деятельностного» C этой точки зрения реформирование российской образовательной системы в 2000-х гг. можно считать едва ли не образцом инструменталистского подхода.

«Вызов глобализации» является для инструменталистской парадигмы своего «системным кейсом». Сам процесс глобализации воспринимается как объективное явление, порожденное изменениями в технологическом укладе, способе производства, экономической и информационно-коммуникативной инфраструктуре, демографических процессах. Адекватным «ответом» на такой «вызов» становится реализация идеи «отрытого образования» - всемерное стимулирование академической мобильности, обеспечение информационной открытости и «практической» направленности учебного процесса, «закрытой» образовательных дисциплинарной структуры программ, переориентация педагогического менеджмента на принципы проектной работы в противовес «научному фундаментализму». Ключевыми чертами «открытого» образовательного пространства становятся его инновационность и космополитизм - стремительная динамика изменений в жизни современного общества требует перманентной модернизации образовательных систем, а «глобальность» этих обусловливает и единство целей такой модернизации. В итоге международная универсализация и даже стандартизация начинает рассматривается как один из важных способов повышения качества образования. Международные образовательные рейтинги превращаются эффективный инструмент педагогического менеджмента – подразумевается, что их дескрипторы и индексы создают эффективную систему таксономические координат для инновационного педагогического менеджмента. К тому же международное рейтингование способствует формированию конкурентной среды, в рамках которой образовательных систем превращается своего модернизация «управленческий кейс».

Альтернативу инструменталистской парадигме составляет примордиализм. Как теоретико-методологическая и мировоззренческая система он опирается на представление об устойчивой «онтологии» социальных сообществ, инерционности их историко-культурного развития, стабильном сохранении архетипических черт, самобытной социокультурной идентичности. С точки зрения примордиалистов социальность каждого общества, его институциональное и ментальное единство базируются на совокупности «исконных социальных уз» – поведенческих стереотипов, этических максим, оценочных паттернов, коммуникативных норм, особых моделей гендерных, семейных, этнических, конфессиональных отношений. «культурные константы» образуют «стратифицированную наполненных смыслом структур» (Гирц, 2004. С. 13), в рамках которой и происходит формирование преемственного социального опыта, реализация различных форм социальной активности, социализация подрастающих поколений. Таким образом, любая зрелая социальная культура консервативна, хотя речь отнюдь не идет о патриархальности. Как отмечал один из авторитетных американских примордиалистов Э. Шилз, «традиционные представления и действия являются не только делом пассивного принятия уже установленного, существует и активный поиск традиции как формы связи с прошлым - подчас "прошлое создается" для легитимизации представлений и действий теми, кто в настоящем не находит такой основы. [Такая] обретаемая традиция объявляется настоящей, восстанавливается

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Tom 5, №2. 2014

"истинный" источник вместо "искаженного" и "подлинный" ряд передачи взамен "извращенного". Происходит "возрождение" реабилитируемого прошлого» (Shils, 1981. P. 243-244).

Задачи образовательного процесса в контексте парадигмы примордиализма сопряжены с двумя основными векторами – системным освоением «ядра знаний» и воспитательной работой. «Знаниевая» направленность примордиалистской педагогики тесно связана с особенностями классической общенаучной картины мира – представлением о строгой закономерности, линейности, наглядности, стабильности природных и социальных явлений и процессов, универсальности методов научного познания и фундаментальном характере его результатов, преемственном развитии системы научных знаний, второстепенной роли любых «субъективных» элементов эпистемологической практики. Причем такая нарочитая академичность значима для примордиальной модели образования именно в качестве особой модели мышления – системной, иерархичной, абсолютно целостной в смысловом отношении. Воспитательные аспекты образовательного процесса не противопоставляются «знаниевым», а являются отражением тех же эпистемологических принципов. Они направлены на формирование концентрического образа мира, лояльное восприятие тех архетипических образов, ценностей, стереотипов, мифов, которые составляют основу «национального образа жизни» и позиционируются в качестве историко-культурного наследия. Наглядным примером примордиалистской логики является разработка специалистами РАН «Фундаментального ядра содержания общего образования», призванного смягчить деятельностную направленность ФГОС первого поколения. Причем, если в первоначальном проекте «ядро» включало «основополагающие научного знания методологического, системообразующего мировоззренческого характера» и «универсальные учебные действия», то в окончательном варианте ключевым компонентом стала «система базовых национальных ценностей, определяющих самосознание российского народа, приоритеты общественного и личностного развития, характер отношения человека к семье, обществу, государству, труду, смысл человеческой жизни» (Козлова и Кондакова, 2009. С. 3-4).

Процесс глобализации образовательного пространства воспринимается примордиалистами чрезвычайно болезненно. Сама глобализация трактуется как экспансия чуждых ценностей и норм жизни, навязанная извне «вестернизация», угрожающая самобытности народов, преемственности их культурно-исторического развития, национальному суверенитету. Одним из наиболее негативных аспектов глобализации считается гипертрофированное увлечение элит модернизационными проектами и реформаторскими стратегиями. Не случайно поэтому, примордиалистская риторика стала не только выражением антиглобализма, весьма распространенного в кругах российской интеллигенции, но и лейтмотивом критики, обращенной к современным реформам в системе общего и высшего образования – от «проблемы ЕГЭ» и внедрения компетентностной модели обучения до реализации принципов Болонского процесса. Противники реформ обвиняют «власть» в стремлении «аннулировать достижения советской образовательной системы и окончательно предать забвению традиции русской дореволюционной школы», предрекая «национальную катастрофу, чреватую сломом механизмов исторической преемственности и прерыванием самой национальной культурной традиции»¹. Сторонники такой позиции не отрицают, конечно, позитивную роль международного сотрудничества в области образования. Однако жестко отвергаются любые попытки «прямого копирования западных моделей образования». Среди особенно «раздражающих» факторов находится и международное рейтингование вузов. Эта тема начала широко обсуждаться в 2009 г., когда в авторитетном международном рейтинге Times Higher Education World University Ranking ведущие российские

¹ См.: О реформе образования, ее итогах и перспективах. Заявление Ученого совета филологического факультета МГУ. 2012. (http://www.philol.msu.ru/pdfs/o-reforme-obrazovaniya_philol2012.pdf).

университеты оказались на чрезвычайно «скромных» местах. А в 2012 г. ни один российский вуз уже не вошел даже в перечень 200 лучших университетов мира. Реакцию академического сообщества тогда емко сформулировал ректор МГУ В. А. Садовничий: «Наша система образования строится на иных принципах. У нас своя система координат»².

Ha фоне жесткого противостояния инструменталистской примордиалистской стратегий особый интерес вызывает парадигма конструктивизма. Ее методологической и мировоззренческой основой является восприятие социального пространства общества как особой знаково-символической среды, которая выступает одновременно в роли как источника, так и результата личностной рефлексии человека, интерпретации и коннотации («означивания») им окружающего мира, активного коммуникативного взаимодействия. Общество, по мнению конструктивистов, приобретает качество устойчивой системы не за счет институтов, учреждений и классов, а благодаря множественным дискурсам, стимулирующим направляющим процесс рефлексии. и социальной Институциональная структура создает лишь пространство для нее, «инструменты», «словарь», «правила» рефлексивных репрезентаций остаются сугубо личностными. Любая социальная ситуация представляет собой интерактивное взаимодействие различных субъектов, вынужденных «достраивать» образы друг друга, создавать совместные смысловые интерпретации, соотносить собственный образ мира с миропониманием окружающих людей: «Мы конструируем реальность, в то время как полагаем, что воспринимаем ее – и то, что мы называем реальностью (индивидуальной, социальной, идеологической), есть интерпретация, сконструированная посредством коммуникации и через нее» (Цоколов, 1999. С. 109). Конечно, для комфортного восприятия этой предельно изменчивой среды человек склонен выделять в ней нечто «объективное», «истинное», «стабильное», но за всеми «реалиями» «внешнего мира» скрываются лишь наиболее устойчивые паттерны восприятия, стандартные реакции, привычные образы и символы. Малейшего сомнения или рефлексивного усилия достаточно, чтобы «нормальная» картина мира резко изменилась, открывая путь для новых репрезентаций и конструктов. Настаивая на такой версии социального поведения, конструктивисты подчеркивают исключительную роль познающей, деятельной, творческой личности. По емкому определению М. Махони, конструктивизм – это «перспектива, побуждающая индивидуумов видеть самих себя как активных участников собственной жизни,... это философия участия, в соответствии с которой индивидуумов и сообщества побуждают быть активными в собственном раскрытии» (Маколей и Гранвольд, 2005).

На первый взгляд идеи конструктивизма могут показаться отвлеченным философствованием, вступающим в противоречие со всей сциентистской традицией научного познания. Однако они очень емко отражают суть постнеклассической общенаучной картины мира - представления о синергетическом характере сложных природных и социальных систем, эволюционирующих под воздействием флуктуационных И бифуркационных колебаний. Отрицая механистического детерминизма, легализуя онтологические категории хаоса и альтернативности, постнеклассическая эпистемология концентрирует внимание на личностной самореализации исследователя, тесной взаимосвязи методологических установок с мировоззренческими и социальными ценностями, проектном характере научных исследований и множественности исследовательских парадигм, ключевой роли когнитивных стилей и социальной рефлексии в формировании проблемного поля исследований. Подобный антропоцентрический подход резко повышает значимость постнеклассики и как педагогической парадигмы. К тому же сосредоточение постнеклассических исследований на изучении самоорганизация сложных систем приобретает особую актуальность в условиях становления информационного общества с присущим ему инновационным типом развития,

 $^{^2}$ Цит. по: РФ разработает новый международный рейтинг вузов. 2012. (http://portal.mpgu.edu/news/2012/rf-razrabotaet-novyy-mezhd).

JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ■ Том 5, №2. 2014

виртуализацией самых разнообразных сфер общественной жизни, мультикультурным социальным обменом.

Ключевым элементом постнеклассической образовательной стратегии является развитие компетентностного обучения. Впрочем, за последние годы идея компетенций получила немало самых различных интерпретаций. В качестве альтернативы классической «знаниевой» педагогике компетентностное обучение нередко ассоциируется с инструменталистской моделью практико-ориентированного «деятельностного обучения», а само понятие «компетенция» трактуется в качестве «универсального способа деятельности». Но методология конструктивизма позволяет рассматривать компетентностное обучение в совершенно ином ключе - акцент переносится на комплексное развитие личности обучающихся, формирование особых качеств, позволяющих «считывать» окружающий мир с помощью своего выстраивать собственную систему «словаря», мотивированно «смыслов» (показательно, что становление теории компетентностного обучения происходило в рамках именно лингвистических исследований и стало частью так называемого «лингвистического поворота в науке»). Конструктивизм видит в основе «компетентного» поведения особую когнитивную культуру, воспринимать окружающую реальность в интерактивном режиме, самостоятельно варьировать алгоритмы действий и ролевые сценарии, эффективно использовать неструктурированные информационные массивы. Поэтому ключевыми особенностями компетентностного обучения является интерактивный характер взаимодействия всех его участников, информационная насыщенность образовательного процесса, широкое использование творческих форм учебной деятельности.

Конструктивистская стратегия развития образовательных систем в условиях глобализации также существенно отличается от логики инструментализма и примордиализма. Причина заключается в том, что глобализация не воспринимается конструктивистами в категориях «вызовов», «рисков» и «угроз». Более того, формирование глобального информационного пространства эклектичного. внутренне противоречивого, динамично меняющегося. воспринимается как признак высокого уровня социальной организации. Именно в условиях множественного культурного поля человек получает уникальную возможность освободиться от давления чужых «словарей», которые навязываются под знаком «исторической преемственности» и «общепринятых традиций», воспринимать окружающую реальность в соответствии c собственными переживаниями и интерпретациями и, тем самым, снять барьер отчуждения от окружающего мира. В этих условиях развитие образовательных систем должно быть ориентированно на обеспечение максимальной информационной открытости и моделирование множественного культурного поля. Подобный эффект достигается за академической мобильности студентов и преподавателей, высокой вариативности содержания обучения, активного использования творческих и полемичных методик, широкого использования информальных образовательных программ. Общим вектором образовательного процесса становится «движение от единственной истины, от неподвижного обнаруженного мира к разнообразию правильных, но противоречащих друг другу версий или миров» (Гудмен, 2001. С. 8).

Сравнительный анализ инструменталистской, примордиалистской и конструктивисткой стратегий развития образовательных систем приводит к достаточно парадоксальным выводам. Каждая из них не только обладает целостным теоретико-методологическим фундаментом, но и опирается на особую когнитивную культуру, специфические социально-психологические паттерны и мотивационно-ценностные установки. Фактически речь идет о трех совершенно разных, противостоящих другу друг системах миропонимания. Но в отличие от традиционных научных школ между этими парадигмальными направлениями фактически отсутствует пространство прямых дискуссий. Примордиализм, как и вся классическая эпистемология в целом, оказался в роли «осажденной крепости»,

окруженной проявлениями сомнительными «постмодернистского философствования», околонаучными «фальсификациями» и «спекуляциями», упрощенными, утилитарными проектами, возводимыми в ранг «теорий» и «концепций». Конструктивизм, напротив, опирается на постнеклассическое представление о предельном плюрализме эпистемологического пространства, неизбежной эклектике моделей познания и бессмысленности формирования какихлибо «метатеорий», способных объяснить мир в единых и непротиворечивых категориях. Инструментализм ориентирован на более «строгое», функциональное понимание методов познания, но также отвергает научный универсализм и признает значимость методологического разнообразия. В итоге прямая полемика между носителями этих трех типов научной рациональности фактически лишается смысла, равно как и отсутствует основа для интеграции их исследовательских программ.

Для развития научного сообщества такая ситуация не представляется тревожной. В определенной мере она даже носит естественный характер, поскольку смена научных картин мира не предполагает полное вытеснение одних другими (Степин, 1999. С. 389). Но при проектировании стратегий развития образовательных систем методологическое «сосуществование» оказывается фактором риска. Ярким примером является современное состояние российского образования: основой его инновационного обновления считается полномасштабный переход к компетентностной модели обучения, однако на практике, как правило, реализуются лишь ее технологические, инструментальные аспекты, а рефреном общественного мнения и вовсе становятся примордиалистские призывы к защите национальных традиций в сфере образования, сохранению его «фундаментальности», борьбе с «фальсификациями» и «пропагандой чуждых ценностей». В итоге реформирование российского образования производит впечатление крайне непоследовательного и алогичного процесса. Но рассчитывать на разработку национальной стратегии развития образования, способной сбалансированно интегрировать все эпистемологические парадигмы, практически невозможно – препятствием является не только их методологическая несовместимость, но и разнонаправленное мировоззренческое развитие самого общества. Поэтому особую роль приобретает информальная дифференциация образовательных учреждений, проектирование образовательных программ не только разных уровней и профилей, но и опирающихся на разные когнитивные модели, обладающих четко сформулированными, специфическими задачами В личностном развитии обучающихся и даже позиционирующихся в качестве конкурирующих ценностномотивационных проектов. При таком подходе становится возможным и преодоление ложной дилеммы между «открытостью» к глобальному миру и «защищенностью» от него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гири К. (2004). Интерпретация культур. М.: РОССПЭН.

Гудмен Н. (2001). Способы создания миров. М.: ЛогоЅ, Идея-Пресс, Праксис.

Дьюи Д. (2000). Демократия и образование. М.: Педагогика.

Козлова В. В. и *Кондакова А. М.* (2009). Фундаментальное ядро содержания общего образования. М.: Просвещение.

 $\it Mаколей M.$ Дж. и $\it Гранвольд$ Д. К. (2005). Конструктивизм и психотерапия // $\it Oбзор$ современной $\it ncuxuampuu$, Вып. 28. (http://www.psyobsor.org/1998/28/2-1.html - Дата обращения: 21.03.2014).

О реформе образования, ее итогах и перспективах. Заявление Ученого совета филологического факультета МГУ. 2012. (http://www.philol.msu.ru/pdfs/o-reforme-obrazovaniya_philol2012.pdf - Дата обращения: 04.04.2014).

 $P\Phi$ разработает новый международный рейтинг вузов. 2012. (http://portal.mpgu.edu/news/2012/rf-razrabotaet-novyy-mezhd - Дата обращения: 29.03.2014).

Степин В. С. (1999). Теоретическое знание. М.: Прогресс.

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Том 5, №2. 2014

Цоколов С. А. (1999). Радикальный конструктивизм: эпистемология без онтологии? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, № 2. Shils E. (1981). Tradition. Chicago, University of Chicago Press.

REFERENCES

Geertz C. (2004). The interpretation of cultures. Moscow, Russian Political Encyclopedia. (In Russian).

 $Goodman\ N.$ (2001). Ways to create worlds. Moscow, Logos Publ., Idea-Press Publ., Praxis Publ. (In Russian).

 $\it Dewey\ Jh.$ (2000). Democracy and education. Moscow, Pedagogy Publ. (In Russian).

Kozlova V. V. and Kondakova A. M. (2009). Fundamental core of the general education content. Moscow, Prosveschenie Publ. (In Russian).

Macaulay M. Gr. and Granvold D. (2005). Constructivism and Psychotherapy. Review of Modern Psychotherapy, Iss. 28. (http://www.psyobsor.org/1998/28/2-1.html - Access Date: 21.03.2014). (In Russian).

About Educational reforms, its results and prospective. Announcement of Academic Board of Philological Department of Moscow State University. 2012. (http://www.philol.msu.ru/pdfs/o-reforme-obrazovaniya_philol2012.pdf - Access Date: 04.04.2014). (In Russian).

Russian Federation will elaborate new International Universities Rating. 2012. (http://portal.mpgu.edu/news/2012/rf-razrabotaet-novyy-mezhd - Access Date: 29.03.2014). (In Russian).

Stepin V. S. (1999). Theoretical knowledge. Moscow, Progress Publ. (In Russian). Tsokolov S. A. (1999). Radical Constructivism: Epistomology without Ontology? Bulletin of Moscow University, part 7. Philosophy, no. 2. (In Russian).

Shils E. (1981). Tradition. Chicago, University of Chicago Press.

www.hjournal.ru

JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Bonpocы регулирования экономики) 🌘 Tom 5, №2. 2014

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ЯКОВЛЕВА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА,

кандидат экономических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: legenda17@inbox.ru

Статья посвящена обзору основных аспектов поведенческой экономики, описаны наиболее значительные поведенческие аномалии, связанные с ограниченной рациональностью экономических агентов. Предложены новые инструменты анализа принятия экономических решений ограниченно рациональными субъектами. Раскрыты возможности использования данных исследований для оптимизации процесса прогнозирования экономических событий, поведения субъектов экономики и корректировки с помощью определенных методов управления трудовым поведением на разных уровнях экономической системы.

Ключевые слова: поведенческая экономика; ограниченная рациональность; внутренняя мотивация; доверие; справедливость.

BEHAVIORAL ECONOMICS AS A FIELD OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN MODERN ECONOMICS

YAKOVLEVA ELENA, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: legenda17@inbox.ru

The author reviews the main aspects of behavioral economics, describes the most significant behavioral abnormalities associated with bounded rationality of economic agents. The new tools for analyzing economic decision-making by limitedly rational entities are offered. The possibilities of using these studies to optimize the process of forecasting economic events, behavior of economic entities and adjustments through certain techniques of labor management behavior at different levels of the economic system are disclosed.

Keywords: behavioral economics; bounded rationality; intrinsic motivation; trust; justice.

JEL: A10.

Одним из наиболее заметных событий экономической науки последних считается появление справедливо новой отрасли исследований, которое получило название поведенческой (бихевиористской) экономики (behavioral economics). Это аналитическое направление сформировалось 70-х годах прошлого века на стыке экономических и психологических исследований.

Главным методологическим отличием этого направления от традиционной (неоклассической) экономической теории стало активное использование экспериментальных методов, преимущественно в лабораторных и полевых условиях. Содержательная сторона исследований основана на отказе от общепринятой модели

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Том 5, №2. 2014

рационального поведенческого выбора, которая является аксиомой для подавляющей части современного экономического анализа. Научным ядром нового направления стало признание иррациональной составляющей поведения экономических агентов.

Разнообразные эксперименты, проводившиеся экономистамибихевиористами, показали, что реальное поведение людей не всегда укладывается в рамки, заданные моделью рационального homo economicus неоклассической теории. Согласно традиционной модели поведения, человек обладает строго упорядоченным набором предпочтений, располагает совершенной информацией для принятия решений и одарен беспредельными счетными способностями. Однако в большинстве ситуаций поведение реальных экономических агентов определяется существованием иррационального выбора — spiritus animalis (*Keynes*, 1973). С точки зрения поведенческой теории, чтобы понять, как функционирует экономика и как ею эффективно управлять, следует обратить внимание на иррациональное начало, которое стоит за человеческими мыслями и чувствами.

Поведенческая экономическая теория считает своей главной задачей изучение влияния различных ментальных состояний индивидов при принятии ими экономических решений. Это указывает на близость данного анализа с когнитивной психологией. Именно поэтому многие эксперты считают, что гораздо уместнее было бы называть ее «когнитивистской экономикой» (Lambert, 2006. P. 52).

Истоками поведенческой экономики можно считать 1950-1960 гг., которые связаны с именами таких исследователей, как Г. Саймон и Дж. Катона.

 Γ . Саймон одним из первых заговорил о нереалистичности психологических предпосылок, из которых исходят стандартные неоклассические модели. Ему принадлежит термин «ограниченная рациональность», которым обозначается весь спектр ограничений, касающихся знаний и вычислительных способностей людей, не позволяющих им вести себя в реальном мире так, как прогнозирует неоклассическая теория (Simon, 1987).

Дж. Катона, вероятно, первым ввел в употребление сам термин «поведенческая экономика». Психологические переменные (мотивы, установки, ожидания) должны быть учтены в качестве «посредников» между объективными условиями, в которых оказываются экономические агенты, и конечными решениями, которые они в этих условиях принимают (*Katona*, 1951. *P. 16*).

Считается, что начало современному поведенческому подходу в экономической теории было положено публикацией в 1970-е годы двух статей психологов, пользующихся мировым признанием, А. Тверски и Д. Канемана (Kahneman and Tversky, 1979). Обобщая большую часть человеческих аномалий, исследователи установили, что в процессе принятия экономических решений люди не просто ошибаются. Оказалось, что ошибаются они часто одинаково, что дает возможность классифицировать и прогнозировать человеческие ошибки.

Стандартный подход, принятый в экономической теории, предполагает полную рациональность экономических агентов. Когда экономисты-классики настаивают на «полной рациональности», то имеют ввиду несколько стержневых моментов (Camerer, 2003. Р. 1214-1215). Во-первых, индивиды обладают четко структурированными потребностями и, принимая решения, стремятся к их максимально полному удовлетворению. Во-вторых, они не совершают ошибок при подсчете выгод и издержек, связанных с различными вариантами выбора. Втретьих, в ситуациях неопределенности индивиды способны рассчитать вероятность наступления возможных результатов, используя для этого всю доступную информацию.

Наиболее общий эмпирический вывод, к которому приходит поведенческая экономика, состоит в том, что люди часто понимают и интерпретируют ситуации, в которые они попадают, не так, как это предписывает стандартная модель рационального выбора. Бихевиористы настаивают на том, что совершаемые индивидами поведенческие ошибки являются предсказуемыми. В определенных

обстоятельствах даже компетентные, функционально успешные люди начинают действовать иррационально, в ущерб собственным долгосрочным интересам. И изменение ситуации, даже в мельчайших деталях, способно спровоцировать человека на совершенно другие реакции и ответное поведение.

Разнообразные отклонения от модели рационального выбора удобно разделить на два больших класса - когнитивных ошибок и дефектов воли. Впрочем, многие из этих отклонений могут синхронно рассматриваться как проявления интеллектуальной ограниченности и недостаточного самоконтроля. Список когнитивных и поведенческих ошибок, зафиксированных и описанных исследователями-бихевиористами, значителен и непрерывно пополняется. Мы рассмотрим небольшую выборку из наиболее важных психологических дисфункций, оживленно обсуждаемых в литературе по поведенческой экономике и касающихся непосредственно сферы управления человеческими ресурсами.

Эмоциональное состояние, в котором находится человек, может оказывать решающее влияние на совершаемые им акты выбора. В психологически «горячих» состояниях, таких как гнев, страх, восхищение, возбуждение и т.п., индивиды склонны принимать непродуманные решения. Напротив, в «холодных» состояниях спокойствия, хладнокровия, трезвого размышления и т.д. — мы способны к выработке взвешенных решений (*Camerer*, 2003). Иными словами, в «горячих» состояниях люди могут переоценивать краткосрочные выгоды от принимаемых в подобных состояниях решений и недооценивать возникающие в результате таких решений долгосрочные издержки. Почувствовав удовольствие от похвалы руководителя, человек затем может быть не в состоянии отказаться от выполнения неформальных поручений, напрямую не связанных с его должностными обязанностями.

Люди обречены на ошибки оптимизма и пессимизма. Ошибка оптимизма делает людей излишне самоуверенными при принятии решений. Суть ее - в недооценке вероятности наступления нежелательных событий, способных нанести человеку серьезный, зачастую непоправимый вред. Под влиянием подобной ошибки люди начинают принимать решения, налагающие на них неоправданно большие риски (например, брать на себя обязанности, с которыми не сможет справиться). Существует и противоположная ошибка — пессимизма, которая делает людей, наоборот, неуверенными в себе, заставляя их преувеличивать вероятности наступления нежелательных событий. Следствием этого становится неоправданно высокая склонность к избеганию риска.

Ошибки оптимизма и пессимизма способны влиять не только на компетенцию индивидов. Так, страх неудачи может негативно сказываться на производительности человека. Напротив, высокая самооценка и чрезмерная уверенность в себе могут ее повышать. Результаты психологических исследований свидетельствуют, что производительность труда людей во многом действительно определяется их представлениями о самих себе. Получается, что люди оказываются заинтересованы в том, чтобы систематически обманывать самих себя (скажем, преувеличивая собственные способности). Несомненно, что такой самообман в стандартную модель рационального выбора не вписывается.

Стандартная экономическая теория признает, что для рациональных экономических агентов значение имеют не только денежные, но также и немонетарные аспекты вознаграждения, т.е. речь идет о существовании понятия «внутренняя мотивация». Чем больше психологическое удовлетворение, которое человек получает непосредственно от самого процесса труда, тем меньше денежная плата, за которую он будет согласен работать. Однако исследователи-бихевиористы обнаружили, что во многих случаях денежное вознаграждение вытесняет внутреннюю мотивацию. Если человек начинает получать доплату за работу, которую он до этого выполнял бесплатно на добровольческих началах, то он перестает получать от нее внутреннее удовлетворение и, как следствие, начинает настаивать на рыночной компенсации за нее (Михалкина и Скачкова, 2013). В то же самое время, это означает отсутствие у него в подобных ситуациях экзогенных, четко

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Том 5, №2. 2014

структурированных предпочтений. Выходит, что предпочтения человека меняются в зависимости от характеристик экономической среды, в которой осуществляется его деятельность, в частности — от формирующейся структуры цен и особенностей механизмов вознаграждения.

Большинство людей менее склонны рисковать, нести потери уже имеющихся благ, чем получать выигрыш такой же ценности, который можно приобрести в перспективе, с той же вероятностью. Люди эмоционально и болезненно воспринимают любые потери. Важное социально-экономическое следствие несклонность к потерям делает стабильность более предпочтительной, чем изменения.

Индивиды, оценивая вероятность наступления каких либо событий, как правило, не руководствуются «законом больших чисел», а поступают в соответствии с «законом малых чисел», т.е. принимают решения по малому числу событий. Как следствие, исследователи слишком верят в результаты, полученные на маленьких выборках, и слишком переоценивают повторяемость этих результатов. При проведении исследований, это предубеждение ведет к отбору выборок неадекватного размера и к преувеличенной интерпретации результатов. Следовательно, если люди делают прогноз, исходя исключительно из благоприятности описания, их предсказания будут нечувствительны к надежности описания и к ожидаемой точности предсказания. Необоснованная уверенность, которая является следствием удачного совпадения предсказываемого результата и входных данных, может называться «иллюзией валидности». Мы принимает решения, основанные на малом количестве источников информации о подобных событиях в прошлом. На практике это нередко ведет к ошибочным решениям и немалым экономическим потерям.

Людям также свойственны неправильные представления о регрессии. Предположим, что большая группа сотрудников компании была протестирована с помощью двух подобных версий теста на способности. После этого отобрали десять сотрудников из числа тех, кто справился лучше всех с одной из этих двух версий. Специалисты по оценке персонала обычно бывают разочарованы выполнением этими сотрудниками второй версии теста. Эти наблюдения иллюстрируют общее явление, известное как «регресс к среднему», которое было открыто Φ . Гальтоном (Galton, 1897).

В обычной жизни мы сталкиваемся с большим количеством случаев регресса к среднему, сравнивая, например, рост отцов и детей. Тем не менее, неспособность признать смысл регрессии может иметь отрицательные последствия. При обсуждении обучающих заданий для сотрудников, опытные менеджеры отмечают, что похвала за качественное выполнение обычно при следующей обучающей ситуации сопровождается более неудачным выполнением, в то время как резкая критика после недобросовестного выполнения задания обычно сопровождается улучшением результатов при следующей попытке. Менеджеры сделали вывод, что словесные поощрения вредны для процесса обучения персонала, в то время как выговоры приносят пользу, вопреки принятой психологической доктрине. Это заключение несостоятельно из-за присутствия регресса к среднему. Регресс неизбежен в любых обучающих или производственных операциях, потому что качественное выполнение не является абсолютно надежным фактором, и прогресс при их последовательном выполнении идет медленно. Таким образом, неспособность понимать эффект регрессии ведет к тому, что эффективность наказания оценивается слишком высоко, а эффективность награды недооценивается.

Стоит отметить и повсеместную склонность индивидов к повиновению авторитетам. Это касается не только описания авторитарных обществ. Причем зачастую люди склонны автоматически реагировать на символы авторитета (статус, марку автомобиля), а не на авторитет как таковой. Согласие с диктатом авторитетных фигур часто имеет реальные практические преимущества и представляется логичным, поскольку они имеют гораздо больший доступ к информации и власти. Однако на практике это приводит к тому, что часто люди

повинуются авторитетам даже тогда, когда это не имеет рациональных оснований.

Из приведенного упрощенного и далеко неполного обзора видно, какими серьезными и многообразными потерями в благосостоянии — как для отдельного человека, так и для всего общества — чреваты поведенческие ошибки.

Возникает вопрос: возможно ли использование этих исследований для оптимизации процесса прогнозирования экономических событий, поведения субъектов экономики и корректировки с помощью определенных методов управления на разных уровнях экономической системы?

Получается так, что если экономические модели не будут включать в себя иррациональное начало, то мы рискуем вообще не распознать реальный источник многих экономических проблем.

Изобразим квадрат, поделенный на четыре части, каждая из которых обозначает сочетание экономических и неэкономических мотивов поведения индивидов и соответствующих рациональных и иррациональных поведенческих реакций (см. рис. 1).

Классическая экономическая модель заполняет лишь левый нижний квадрант данной матрицы, отвечая на вопрос о том, каково ожидаемое поведение экономических субъектов, и, при этом, использует анализ только экономических мотивов и рациональных поведенческих реакций (г).

РЕАКЦИИ	Нерациональные	б	В	
	Рациональные	Г	а Неэкономические	
	МОТИВЫ			

Рис. 1. Матрица «Реакции – мотивы» **Источник:** Составлено автором.

Одновременно из этого возникают еще три вопроса, соответствующие трем пустым квадрантам: а) какова экономическая ситуация при неэкономических мотивах и рациональных реакциях; б) при экономических мотивах, но иррациональных реакциях; в) при неэкономических мотивах и нерациональных реакциях.

Возможно, что ответы на самые важные вопросы о том, как ведет себя экономика и что делать, когда она дает сбой, лежат в этих трех квадрантах. Таким образом, целью исследований в области поведенческой экономики является постепенное заполнение пустых квадрантов эмпирически обоснованными знаниями, практиками эффективного поведения.

Один из великих создателей макроэкономической теории Дж. М. Кейнс признавал, что экономическая деятельность имеет по большей части рациональную мотивацию, но также и то, что значительная часть этой деятельности обусловлена так называемым «иррациональным началом» (Keynes, 1973. P. 149-50, 161-62), или иррациональными побудительными импульсами. Даже преследуя свои экономические интересы, люди не всегда рациональны. По мнению Кейнса, это самое иррациональное начало и является главной причиной как экономических

IOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Том 5, №2. 2014

колебаний, так и вынужденной безработицы.

Следовательно, чтобы понять многие явления, происходящие в реальной экономике, нам необходимо выяснить, как ею движет иррациональное начало. Подобно тому, как «невидимая рука» Адама Смита является ключевым понятием классической экономической теории, иррациональное начало Кейнса может послужить основой иного взгляда на экономику, объясняющего неустойчивость, свойственную рыночной экономике (Smith, 1776).

Попытаемся разобраться с основными проявлениями иррационального начала и с тем влиянием, которое они оказывают на принятие решений в экономике.

Сторонники поведенческой экономики всячески подчеркивают особую роль понятия «доверия» в экономической системе.

«Доверие» играет важную роль в макро- и микроэкономике (*Hirt, 1992*), Анализируя экономические публикации, можно натолкнуться на следующий тезискогда экономика входит в рецессию, первым делом рекомендуется «восстановить доверие». В этом смысле термин «доверие» является просто предсказанием: при высоком его уровне люди с оптимизмом смотрят в будущее, при низком — с пессимизмом. Однако традиционная экономическая теория лишь отчасти улавливает то, что подразумевается под верой и доверием (*Arkes, 1988*). Исходя из того, что доверие рационально, люди используют доступную им информацию для формирования прогноза, а затем на его основе принимают решение. Но доверие выходит за пределы рационального мышления. Более того, человек зачастую игнорирует, а то и сознательно отвергает определенную информацию. Даже если он ее воспримет, не факт, что действовать станет с ее учетом. Руководствоваться он будет только тем, что, как он считает, является правдой или чему он доверяет.

Когда доверие людей высоко, они, не раздумывая, увеличивают потребление и инвестиции, когда низко - начинают избавляться от ранее приобретенных активов. История экономики изобилует примерами подобной цикличности настроений. На общем макроэкономическом уровне доверие то проявляется, то исчезает. И это не синоним рационального прогноза. Это, с точки зрения поведенческой экономики, первое и главное проявление человеческого иррационального начала.

Чрезвычайно важным фактором во всех ситуациях сторонникам поведенческой экономики представляется стремление людей к справедливости во всех сферах экономического обмена (*Rees, 1993. P. 243-244*). По своему значению стремление к справедливости, возможно, не уступает другим экономическим стимулам.

Теоретики поведенческого подхода в экономике используют данные социологических исследований для следующего утверждения: когда условия обмена определенными материальными или нематериальными благами несправедливы, сторона, считающая себя обманутой, испытывает недовольство. Импульсы, порождаемые недовольством, корректируют обмен в сторону справедливости.

Одновременно в рамках теории справедливости оплаты труда Дж. Адамс утверждает, что люди всегда субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и затем соотносят его с вознаграждениями других людей, выполняющих аналогичную работу (Adams, 1965). Поэтому Дж. Адамс полагает, что справедливый подход к системе оплаты труда является важнейшим мотиватором эффективной и продуктивной деятельности.

Понятие справедливости вносит в экономическую науку представления о том, как устроены человеческие взаимоотношения, в том числе трудовые. Таким образом, соображения справедливости - весомый мотивирующий фактор для многих экономических решений. Эти соображения связаны с тем, как мы понимаем доверие и насколько хорошо умеем сотрудничать. Однако современные экономисты смотрят на справедливость двояко: с одной стороны, этому вопросу посвящено довольно много литературы, но, с другой, — при анализе экономических событий — ей

уделяется второстепенная роль.

Экономисты-бихевиористы убеждены, что отодвигать критерий справедливости в экономических отношениях на второй план недопустимо.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что поведенческая экономика — новое перспективное направление исследований, во многом придавшее новизны современной экономической науке. Во многом благодаря поведенческой экономике в экономические исследования проникли экспериментальные методы анализа. Хотя большинство формальных моделей, используемых экономистами, по инерции продолжают строиться исходя из принципа совершенной рациональности, поведенческая экономика представила многочисленные эмпирические свидетельства того, как сильно отклоняется от него поведение людей в реальной жизни. Она выявила и описала многие поведенческие и когнитивные аномалии, которым подвержены ограниченно рациональные индивиды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акерлоф Дж. (2010). Spiritus Animalis, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. Дж. Акерлоф, Р. Шиллер; пер. с англ. Д. Прияткина; под научн. ред. А. Суворов. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 273 с.

Kапелюшников P. (2013). Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть 1 // Bопросы экономики, № 9, с. 66–91.

Keйнс Джс. M. (2009). Общая теория занятости процента и денег. Избранное. М. «Эксмо».

 $\it Muxanкинa E. B.$ и $\it Anemun B. A.$ (2013). Эффективный контракт как институт социально-трудовых отношений в сфере высшего образования // $\it Terra Economicus$, T. 11, № 3, с. 89-100.

Mихалкина E. B. и Cкачкова Л. C. (2013). Концепция новой системы оплаты труда на основе ключевых показателей эффективности в учреждениях высшего профессионального образования // Momusauus u onnama mpyda, № 1, с. 48-60.

Adams J. S. (1965). Inequity in social exchange. In L. Berkowitz (Ed.), Advances in Experimental Social Psychology (vol. 2). New York, Academic Press, pp. 267-299.

Arkes H., Herren L. and Isen A. (1988). The role of potential loss in the influence of affect on risk taking behavior. Organizational Behavior and Human Decision Processes.

Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T. and Rabin M. (2003). Regulation for conservatives: Behavioral Economics and the case for "Asymmetric Paternalism" // University of Pennsylvania Law Review, vol. 151, no. 1, pp. 1211–1254.

Hirt E. R., Erickson G. A., Kennedy C. and Zillman D. (1992). Costs and benefits of allegiance: changes in fans' self ascribed competencies after team victory versus defeat // Journal of Personality and Social Psychology.

Kahneman D. and Tversky A. (1979). Prospect Theory: an analysis of decision under risk // Econometrica, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.

 $\it Katona~G.~(1951).$ Psychological analysis of economic behavior. New York, McGrow-Hill.

 $Lambert\ C.$ (2006). The marketplace of perceptions // $Harvard\ Magazine,$ no. 2, pp. 50–95.

Rees A. (1993). The role of fairness in wage determination // Journal of Labor Economics, ll(1):243252.

Simon H. A. (1987). Behavioral Economics. The New Palgrav / ed. by J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman. New York, W.W. Norton.

REFERENCES

Akerlof G. A. and Shiller R. J. (2010). Spiritus Animalis or how human psychology drives the economy, and why it matters for global Capitalism. Moscow, United Press Publ., 273 p. (In Russian).

JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Tom 5, №2. 2014

Kapeliushnikov R. (2013). Behavioral Economics and New Paternalism. Part 1. Voprosy Ekonomiki, no. 9, pp. 66–91. (In Russian).

Keynes J. M. (2009). General theory of employment, interest and money. Favorites. Moscow, "Exmo" Publ. (In Russian).

Mikhalkina E. V. and Aleshin V. A. (2013). Effective contract as an institution of social and labor relations in the field of higher education. Terra Economicus, vol. 11, no. 3, pp. 89-100. (In Russian).

Mikhalkina E. V. and Skachkova L. S. (2013). The concept of the new pay System based on key performance indicators in the institutions of higher education. Motivation and Remuneration, no.1, pp. 48-60. (In Russian).

Adams J. S. (1965). Inequity in social exchange. In L. Berkowitz (Ed.), Advances in Experimental Social Psychology (vol. 2). New York, Academic Press, pp. 267-299.

Arkes H., Herren L. and Isen A. (1988). The role of potential loss in the influence of affect on risk taking behavior. Organizational Behavior and Human Decision Processes.

Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T. and Rabin M. (2003). Regulation for conservatives: Behavioral Economics and the case for "Asymmetric Paternalism". University of Pennsylvania Law Review, vol. 151, no. 1, pp. 1211–1254.

Hirt E. R., Erickson G. A., Kennedy C. and Zillman D. (1992). Costs and benefits of allegiance: changes in fans' self ascribed competencies after team victory versus defeat. Journal of Personality and Social Psychology.

Kahneman D. and *Tversky A.* (1979). Prospect Theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica*, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.

 $\it Katona~G.~(1951).$ Psychological analysis of economic behavior. New York, McGrow-Hill.

 $Lambert\ C.$ (2006). The marketplace of perceptions. $Harvard\ Magazine,$ no. 2, pp. 50–95.

Rees A. (1993). The role of fairness in wage determination. Journal of Labor Economics, 11(1):243252.

Simon H. A. (1987). Behavioral Economics. The New Palgrav / ed. by J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman. New York, W.W. Norton.

www.hjournal.ru

СОВМЕЩЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КАК ИМПЕРАТИВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ¹

КОЛЕСНИКОВ ЮРИЙ СЕМЕНОВИЧ.

доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: kolesnickov.yur@yandex.ru

ДАРМИЛОВА ЖЕНИИ ДАВЛЕТОВНА,

доктор экономических наук, профессор, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: darmil@mail.ru

Рассмотрены основные проблемы совмещения принципов эффективности и социальной справедливости в практике реализации различных моделей региональной политики в России в контексте мировых тенденций. Применительно к специфике периферийных и полупериферийных регионов Юга России дан анализ опыта осуществления региональной политики модернизации многоукладной экономики и сложившихся исторически традиционных хозяйственных практик, акцентированный на специфике институциональных условий и социальной организации хозяйственных связей в регионе. Представлены основные направления и стратегии совершенствования региональной политики на Северном Кавказе, связанные с сопряжением развития ее социальной составляющей и повышением уровня капитализации территориальных ресурсов.

Ключевые слова: региональная политика; региональная экономика; периферийные регионы; хозяйственные уклады; модернизация; эффективность; социальная справедливость; сбалансированность; социализация; капитализация ресурсов.

COMBINING THE PRINCIPLES OF EFFICIENCY AND SOCIAL JUSTICE IN THE REGIONAL ECONOMIC POLICY AS THE IMPERATIVE TO CONTROL THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

KOLESNIKOV YURIY, S.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: kolesnickov.yur@yandex.ru

DARMILOVA JENII, D.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: darmil@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда – проект 1302-00122.

[©] Колесников Ю. С., Дармилова Ж. Д., 2014

The main problems of combining the principles of efficiency and social justice in implementation practice of various regional policy models in Russia are considered in the paper in the context of global trends. Analysis of the experience in the implementation of regional policies for the economic modernization and the historically traditional economic practices is provided with regard to the specifics of peripheral and semi-peripheral regions of south of Russia. The analysis is emphasized on the specifics of the institutional environment and social organization of economic links in the region. The authors present the main directions and strategies to improve regional policies in the North Caucasus, which are associated with the conjugation of its social dimension development and raising the level of territorial resources capitalization.

Keywords: regional policy; regional economics; peripheral regions; economic societies; modernization; efficiency; social justice; balance; socialization; the capitalization of resources.

JEL: B52, R10, R38.

1. Социальная сбалансированность региональной политики как императив управления пространственным развитием

В условиях громадной протяженности российского экономического пространства, высокого уровня дифференциации его регионов по составу хозяйственных укладов, разнообразию имеющихся природных ресурсов и географическому положению, обеспеченности производственной и социальной инфраструктурой, экологической безопасности государственная региональная политика выполняет важнейшую, ключевую функцию сохранения и воспроизводства целостности и единства страны как сложноструктурированной социально-экономической системы.

В силу исторически сложившегося пространственного разнообразия страны сглаживание последствий реализации центробежного потенциала действующих механизмов свободного рынка, включая межрегиональную конкуренцию, концентрацию деловой активности и ресурсов в определенных локалитетах, ведущих неизбежно к поляризации экономического пространства, является объективным императивом современной региональной политики.

Межрегиональное неравенство и диспаритеты, как показывает мировая практика, присущи всем странам, особенно странам с обширной территорией и разнообразными природно-географическими условиями.

Процессы модернизации экономики, проведение экономических реформ всегда имеют в качестве побочных эффектов усиление пространственной дифференциации, региональную дивергенцию, усиление поляризационных динамике. тенденций В региональной экономической Соответственно целеориентация региональной политики сталкивается с дилеммой: экономический рост и эффективность инвестиций в отдельных регионах или социальная справедливость в контексте императива: одна страна - равный доступ граждан к социальным стандартам жизни, занятости и благосостоянию, независимо от территории проживания.

Поэтому сбалансированность региональной социально-экономической динамики, выравнивание уровня регионального развития в качестве приоритетной и стратегически ключевой задачи государства признается и реализуется во всех развитых и развивающихся странах, обеспечивающая тем самым социальную (пространственную) справедливость (Фетисов, 2012. С. 252; Селиверстов, 2013. С. 3-36; Овчинников и Колесников, 2008. С. 176).

Эта задача реализуется как с помощью перераспределительных механизмов, когда доходы (природная рента, прибыль и т.п.) богатых регионов частично перераспределяются в пользу отстающих, бедных регионов, так и (или) путем осуществления государственных масштабных инвестиций, финансирования региональных крупных проектов, институциональной поддержки и др.

В современной экономической практике выделяются три различных подхода к регулированию динамики и пропорций пространственного развития экономики и устранению возникающих при этом диспропорций (*Селиверствов*, 2013; *Мельникова*, 2014).

Первый подход демонстрирует Всемирный банк, ключевой задачей региональной политики которого является сглаживание пространственных различий в качестве жизни (а не различий в деловой активности). Целевой ориентацией такой региональной политики должна быть экономическая интеграция регионов с помощью институтов развития, инфраструктуры, стимулирования бизнес -активности в городах, являющихся центром агломераций.

Утверждается, что концентрация производства, прежде всего в крупных городских агломерациях («глобальных городах») является самым эффективным средством экономического роста (50 % мирового ВВП производится на 1,5 % территории планеты) (*Мельникова, 2014. С. 70*). Поэтому, считается, что стремление с помощью инструментов государственного регулирования расширить зону экономической активности, значит лишить стимулов к развитию, росту капитализации экономических активов. То есть, по версии Всемирного банка проблемы региональной политики, включая и ее социальную составляющую, сбалансированную с экономическим ростом, должны решаться рынком.

Второй подход характерен в большей степени для региональной политики Евросоюза и ОЭСР. Он предполагает целевую ориентацию усилий и ресурсов на экономический рост во всех регионах, максимизацию использования их экономического потенциала. Ключевыми императивами такой политики становятся во всех регионах производство, инновации и модернизация региональных активов, их капитализация.

Европейская комиссия определяет, что региональная политика больше не рассматривается как механизм помощи регионам в достижении средних показателей по ЕС, но трактуется как механизм мобилизации недоиспользованного потенциала регионов, концентрации ограниченных финансовых ресурсов на поощрение инвестиционных практик бизнеса и регионального управления.

В 2009 г. ОЭСР опубликовало доклад «Европейская региональная политика: источник вдохновения для стран, которые не входят в ЕС», в котором отражается сдвиг парадигмы региональной экономической политики (не только передовые регионы имеют значение) от стратегий компенсации за «недоразвитие» бизнесу и населению отстающих регионов в виде дополнительных бюджетных доходов (дотаций, субвенций и т.п.) к политике выявления дополнительных территориальных ресурсов и активов и стимулирования потенциала роста всех регионов. Главное - использование всех резервов: природного, экономического и социального потенциалов региона в рамках интегрированных общерегиональных проектов инвестиционного развития и роста (Мельникова, 2014. С. 67).

Новая региональная политика, таким образом, направлена по версии ОЭСР на формирование материального и нематериального капиталов региона — не только капитала и труда, но и делового климата, социального капитала и социальных сетей. Кроме того, с точки зрения преодоления пространственного неравенства в уровне экономического развития европейский опыт, в котором достигнут предельный уровень урбанизации демонстрирует, что достичь границ своих производственных возможностей способна только та экономика, в которой поощряется рост различных по уровню и потенциалу развития локалитетов с разными социально-экономическими характеристиками. При этом признается важность для экономического роста не только мегаполисов, но и концентрации полицентрического развития небольших и средних городов как сетевых драйверов урбанизации.

При этом проблемы региональной политики не могут быть решены только на основе движения труда и капиталов на свободных рынках. Все дело в том, что мобильность труда и капитала как средство компенсации региональных

диспропорций в уровне социально-экономического развития полностью игнорирует «накопленную» историческую несправедливость в развитии регионов (например, устойчиво депрессивные территории, старопромышленные города, зоны технической перегрузки природохозяйственных систем, районы доминирования производства моносельскохозяйственных культур и т.п.) и ценность региональных и этнических культур и социальных локалитетов. Ключевым направлением при этом (в полном соответствии с теорией эндогенного роста региональных экономик Р. Капелло) становятся вложения в эндогенные факторы развития — человеческий капитал (образование, наука, здравоохранение), инновации, инфраструктуру и агломерационный эффект.

Третий подход связан с целевой установкой региональной политики на решение пространственных проблем занятости. Причем, пространственные диспропорции и территориальная дифференциация экономического роста рассматриваются с точки зрения обеспечения занятости населения. Поскольку в отдельных регионах рынок не может обеспечить экономический рост и занятость, генерируемые частным сектором, на общественный сектор ложится функция создания рабочих мест и снижения безработицы.

В России в 2000-е годы были осуществлены необходимые институциональные преобразования, позволившие наладить государственные механизмы региональной политики. На федеральном, региональном и муниципальном уровнях осуществлены административная, муниципальная и бюджетная параллельно приведены в соответствие федеральное и региональное законодательство (в 90-е г. в субъектах федерации были приняты сотни нормативных актов, противоречащих законодательству РФ), совершенствовалась структура и нормативно-методические межбюджетных отношений, создавались фонды регионального и муниципального развития, региональные агентства инвестиций, осуществлено укрупнение ряда субъектов РФ, воссоздано Министерство регионального развития РФ, разработаны Стратегия социально-экономического развития России на период до 2020 г. («Стратегия – 2020»), Концепция стратегии социально-экономического развития регионов РФ, в субъектах РФ по единой методике Минрегионразвития РФ реализуется при поддержке госбюджета практика стратегирования социально-экономического развития регионов и крупных городов, Правительством России утверждена государственная программа «Региональная политика и федеративные отношения», с января 2014 г. введен ФЗ «О государственном стратегическом планировании».

В российской экономической практике в течение последних 10-15 лет сменились минимум три модели региональной экономической политики: 1) политика выравнивания уровня социально-экономического развития регионов, сглаживания резкой дифференциации между ними; 2) политика поддержки высоких темпов экономического роста во всех регионах и проведение антикризисной политики в период экономического спада 1998-1999 гг. и 2008-2010 гг. 3) политики поддержки регионов-локомотивов, «точек» экономического роста, точечная инвестиционная поддержка регионов-лидеров инновационного роста. Фактически эволюция российской региональной политики с некоторой асимметричностью и разной степенью противоречивости повторила основные принципы трех описанных выше подходов в проведении региональной экономической политики, предложенных в декларациях Всемирного банка, Евросоюза и ОЭСР.

Начиная с 2008 года, в России взят курс на переход к инновационной модели региональной экономической политики, начало которого было положено Концепцией долгосрочного социально-экономического развития $P\Phi$ на период до 2020 г., в соответствии с которой ключевой задачей объявлялась модернизация экономики, предполагающая активное государственное вмешательство в экономику регионов. Инновационная модель развития экономики предполагает и новый подход к организации пространственного развития экономики, включающему:

- поддержку формирования и развития новых центров экономического роста,

- опирающихся на создание объектов энергетической и транспортной инфраструктуры и сети территориально-производственных кластеров;
- осуществление согласованных «по горизонтали» инвестиционных стратегий государства и бизнеса в инфраструктурных отраслях экономики региона с учетом приоритетов пространственного размещения производства и ресурсных ограничений, существующих в регионе;
- формирование и реализацию взаимосвязанного комплекса государственных и региональных программ и выделение регионам бюджетных ресурсов с паритетным самофинансированием этих программ регионами.

Главная идея новой региональной экономической политики, ориентированной на модернизацию страны, состоит в создании благоприятной институциональной среды, «институтов развития», а также в формировании полицентричной, «разномасштабной» структуры экономики регионов за счет поддержки новых центров экономического роста, к которым прежде всего относятся крупнейшие и крупные города (метрополии), транслирующие инновации на периферию и развивающие сетевые формы организации бизнеса, способствующие развитию новых центров конкурентоспособности.

Важной чертой новой региональной экономической политики является не столько распределительные механизмы, но, прежде всего — формирование механизмов саморазвития территорий, стимулирующих бизнес-сообщество и предпринимательские структуры к интеграции ресурсов для достижения общих для региона целей и задач модернизации экономического пространства.

Среди них ключевым является совершенствование существующих и создание новых форм пространственной организации экономики — особые экономические зоны, промышленные зоны, индустриальные парки, транспортно-логистические центры, специализированные торгово-складские зоны, агрогорода, инновационные территориально-производственные кластеры и др.

На Юге России, например, созданы и действуют более 70 таких организаций институционально-инновационной инфраструктуры, в т.ч. в Краснодарском крае – 12, Ростовской области – 37, Ставропольском крае – 6^2 .

С 2006 г. в России реализуется комплексная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», утвержденная 10 марта 2006 г. Правительством РФ. В соответствии с этой программой на Юге России (Ростовская область, Ставропольский край) создано и функционирует более десятка индустриальных парков, 4 технопарка, 4 бизнес-инкубатора, инновационный кластер биотехнологий, биомедицины и экономической безопасности и др.

При всей важности для модернизации экономики создания благоприятной институциональной среды, ключевым остается вопрос о принципах и механизмах межрегионального распределения ограниченных ресурсов, которые федеральный бюджет может направить на модернизацию экономики регионов.

Анализ распределения доходов консолидированного бюджета Российской Федерации показывает, что корни бюджетных проблем регионов кроются в чрезмерной централизации налоговых доходов на федеральном уровне. Излишняя централизация доходов входит в противоречие с закрепленным в Конституции статусом России как федеративного государства (Алешин, Овчинников и Челышева, 2014).

Стимулирующий тип реализуемой региональной экономической политики требует резкого изменения межрегиональных пропорций распределения ресурсов, ибо только их концентрация на «точках» роста может дать быстрый и существенный эффект, но повышает риски недоинвестирования регионов-аутсайдеров, слаборазвитых и проблемных регионов.

Модернизация неоднородных региональных хозяйственных укладов на основе новой региональной экономической политики сталкивается с

 $^{^{2}}$ См.: Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем. (http://www.miiris.ru).

противоречивыми результатами ее реализации.

С одной стороны, опора на конкурентные преимущества отдельных регионов при выборе приоритетных направлений модернизации имеет своим результатом достижение максимальной народнохозяйственной эффективности. С другой стороны, эта политика концентрации ресурсов (деловой активности, финансов, производственных мощностей, инфраструктуры) в отдельных регионах ведет к негативным последствиям - пространственной неравномерности модернизационных процессов в экономике и неизбежному росту межрегиональной дифференциации доходов и бюджетов регионов, усугубляющего депопуляцию и крайне низкую мобильность населения и трудовых ресурсов в периферийных регионах.

Увлечение политикой «полюсов роста» надолго блокировало движение моделей региональной политики в сторону обеспечения сбалансированного роста регионов России (Артоболевский, 2001). Последняя редакция целевой региональной политики в программе «Региональная политика и федеративные отношения» связана с усилением ориентации на выстраивании сбалансированного развития регионов: расширение финансовой самостоятельности и раскрытие инвестиционного потенциала регионов.

В настоящее время из-за отсутствия финансирования переданным федеральным центром полномочий, дефицит консолидированных региональных бюджетов в 2013 г. превысил 640 млрд. руб., что почти в 2 раза больше, чем на пике кризиса 2009 г.

По оценке Счетной Палаты с дефицитом исполнены консолидированные бюджеты 77 регионов, причем, в 35 из них дефицит превысил 15 % объемов налоговых и неналоговых льгот. Причины — непродуктивная политика распределения полномочий³. В связи с этим Госдума рассматривает законопроект, который позволит регионам оставлять у себя практически весь налог на прибыль организаций⁴, что сделает более сбалансированным обязательства и бюджетные доходы регионов.

Эту же направленность имеют и усилия Правительства в области перестройки межбюджетных отношений, направленные на расширение бюджетной обеспеченности социальных мандатов регионов.

Сбалансированная региональная политика предполагает механизмы поддержки не только регионов-локомотивов, но и стимулирование депрессивных и слаборазвитых территорий, включая стимулирование на государственном уровне притока капиталов и инвестиций, строительства новых предприятий, создания новых рабочих мест с высоким уровнем заработной платы, реализацию стратегии капитализации всех имеющихся на территории экономических активов и местных ресурсов. И, несмотря на то, что в отстающих регионах ниже отдача на капитал, ниже уровень производительности труда и выше издержки производства на содержание инфраструктуры, а политика искусственного привлечения инвестиций ведет к снижению общих макроэкономических показателей, тем не менее в целом такая сбалансированная экономическая политика является предпочтительной, так как обеспечивает более равномерную модернизацию пространственной структуры экономики и не допускает критических территориальных диспропорций и поляризации экономического пространства страны.

2. Особенности совмещения принципов эффективности и социальной справедливости в периферийных регионах России: Северный Кавказ

Развитие российского Кавказа как периферии обусловлено тремя основными факторами: а) значительная часть его территории — 2/3 — относится к горным и предгорным территориям анклавного типа, условия ведения хозяйства на которых требуют высоких издержек производства и системы расселения, где доминируют малые и мельчайшие поселения; б) замкнутость, отсутствие развитых

 $^{^{3}}$ См.: Российская газета. 28 апреля 2014 г.

⁴ См.: Российская газета. 19 мая 2014 г.

коммуникаций и высокие транспортные издержки; в) фрагментарность и во многом анклавный характер местных рынков, низкий платежеспособный спрос населения.

В России, как и во всем мире, идентифицируются две основные стратегии модернизации региональных экономик (по источнику модернизационного импульса) — «модернизация снизу» и «модернизация сверху». В первом случае развитие экономики, хозяйственных практик осуществляется путем органической эволюции, постепенного накопления ресурсов и их капитализации.

Во втором случае — «модернизация сверху» — экономический рост осуществляется за счет прихода в регион крупного инвестора (в т.ч. государства), крупной транснациональной или национальной корпорации.

Модернизация «сверху», как и модернизация «снизу», наталкивается в регионе на серьезные институциональные ограничения, связанные, прежде всего, с бинарным характером социальной организации хозяйственных практик на Северном Кавказе, когда формальные правила, закрепленные в праве, причудливо сочетаются с архаичными формами регуляции хозяйственной деятельности и административного управления, а также с такими экономическими институтами, как «власть-собственность», «теневая экономика», «рентоориентированное поведение менеджмента», «откаты» в системе госзакупок, «рейдерские захваты», которые реально перераспределяют ресурсы (Колесников и Дармилова, 2009).

Анализ динамики основных макроэкономических показателей развития региона в конце XX — первом десятилетии XXI века выявляет недостаточную социальную эффективность используемых моделей региональной политики, традиционно в целевых ориентирах не «заточенных» на восприятие и учет особенностей институциональной среды и социальной организации хозяйственных практик, исторически сложившихся на Северном Кавказе.

В связи с этим возникает необходимость разработки альтернативной и более социально ориентированной («справедливой») модели региональной политики на Северном Кавказе, ключевой стратегией которой стало бы увеличение капитализации внутренних ресурсов региона, рост стоимости активов, человеческого капитала и среды жизни локального социума (недвижимости, природных ресурсов, инфраструктуры, коммуникаций, образования, здравоохранения, мобильного капитала). Как известно, в условиях современной межрегиональной конкуренции за капиталы и финансовые ресурсы инвестиционная и социальная привлекательность региона для крупных корпораций-нерезидентов определяется не наличием определенного вида ресурсов и его запасами, а условиями их капитализации и возможностями их вовлечения в национальный и мировой рынок.

Для России в целом проблема капитализации ее обширной территории становится ключевой в XXI веке. Удельная капитализация совокупных ресурсов территории России, по некоторым оценкам, в 5 раз ниже (а по некоторым регионам — в 30 раз ниже), чем в среднем по развитым и развивающимся странам ($Apa6\kappa uh$, 2013). Капитализация рабочей силы, инженерной и научной компетенции в России в 4 раза ниже, чем на Западе.

По оценке Алтынбаевой Э. Р., внутрирегиональные различия по уровню капитализации территорий регионов РФ весьма значительны. Например, уровень капитализации ресурсов территории Ростовской области в 7 раз ниже Вологодской (Алтынбаева, 2009. С. 12).

Имеющиеся данные о динамике уровня капитализации в отдельных регионах Северного Кавказа свидетельствуют о том, что тенденция к снижению (2000-2006 гг.) интегрированного показателя капитализации ресурсов-активов территории сменилась в 2007-2009 гг. его ростом (по ряду показателей в среднем на 6 %) (Дармилова, 2008. С. 211-212) 5 .

Однако осуществление стратегии капитализации на Северном Кавказе осложняется общими тенденциями снижения управляемости экономикой на региональном уровне.

⁵ См.: Атлас социально-экономического развития Юга России. М.: Вузовская книга. 2011. С. 131-133.

Связано это с тем, что, во-первых, экономическая активность крупных бизнесструктур в весьма узком ее сегменте может регулироваться региональными властями в условиях «открытой экономики»; во-вторых, вне ведения субъектов федерации находятся значительные финансовые потоки, управление которыми на местном уровне невозможно в силу их «нерегиональной» юрисдикции; в-третьих, из-под контроля местных властей по мере развития экспорта-импорта и приход в регион транснациональных торговых сетей уходят потребительские рынки; в-четвертых, практически ушел из-под контроля региональных органов управления рынок жилья и жилищно-коммунальных услуг и в-пятых, границы отраслевых рынков перестали совпадать в целом с административными границами поселений и городов.

Преодоление этих проблем и противоречий в управляемости региональной экономики на Северном Кавказе предполагает переход к новым экономическим стратегиям, которые были бы подчинены задачам повышения стоимости активов, находящихся в распоряжении региональных структур — производственных, природных, недвижимости, человеческого капитала, социальных сетей, т.е. росту уровня их капитализации, что существенно расширит условия для сбалансированного развития экономики и социальной сферы.

3. Направления и актуальные стратегии сопряжения эффективности и социальной справедливости в практике реализации региональной экономической политики на Северном Кавказе

Учитывая специфику институциональной среды и сложившуюся социальную организацию хозяйственных практик, на Северном Кавказе могут оказаться успешными модели модернизации, известные в мировой практике, как модели «креативной адаптации» с органическим включением в хозяйственные практики этнокультурных особенностей поведения и традиций, учитывающих менталитет этноса. Именно этот вариант модернизации создаст институциональные условия для роста капитализации территориальных ресурсов и соответственно — усиления социальной составляющей региональной политики.

В соответствии с этим, достижение сбалансированности эффективности и социальной справедливости региональной политики на основе роста капитализации конкурентных ресурсов и активов, расположенных на территории региона, следует связывать прежде всего с

- 1) формированием сегмента высокотехнологичных услуг в курортнорекреационном кластере. В 2013 году весьма успешно позиционировали себя на Сочинском международном инвестиционном форуме республики Северного Кавказа: ОАО «Курорты Северного Кавказа» заключило соглашение о сотрудничестве с французской компанией «France-Caucase» на общую сумму 15 млн. долл. Республика Дагестан представила 44 инвестиционных проекта на сумму свыше 195 млрд. руб. (в их числе завершение строительства Гоцатлинской ГЭС, создание комплексного логистического центра, строительство завода по производству листового стекла и др.), Республика Ингушетия подписала 9 соглашений на сумму более 5 млрд. руб., Кабардино-Балкария 3 соглашения и т.д.6;
- 2) развитием Северного Кавказа как рекреационного региона общероссийского и мирового значения, в котором ключевыми активами выступают его уникальные природные и климатические условия и ресурсы. В объединенный туристический кластер Северного Кавказа, Краснодарского края и Адыгеи входят 8 крупных региональных курортно-туристических зон: 1) горно-лыжный Лагонаки (Адыгея, Краснодарский край), 2) Архыз (Карачаево-Черкесская Республика), 3) Эльбрус-Безенги (кабардино-Балкарская Республика), 4) Мамисон (Северная Осетия), 5) Матлас (Дагестан), 6) приморский кластер каспийского побережья (Дагестан), 7) Цори-Армхи (Ингушетия), 8) Ведучи (Чеченская Республика)

⁶ См.: Итоги инвестиционного форума в Сочи. (http://www.skfo.ru/news/formprint/1970/01/01/Itogi_XII_Mejdunarodnogo_Investicionnogo_Foruma_Sochi-2013/; http://government.ru/news/6214).

(Замахина, 2013. С. 3). В целом, в данном случае следует говорить о необходимости поддержания и капитализации экосистемной функции Северного Кавказа как одной из приоритетов социального развития и модернизации экономики региона (что, разумеется, возможно лишь в условиях снижения его конфликтогенности);

- 3) социализацией экономики т.е. институциональное приспособление экономики к особенностям социокультурной идентичности населения, развитие институтов и инфраструктуры «человеконцентрированных» видов хозяйственной экономической деятельности – общинного землепользования, потребительской кооперации, микрофинансирования, аутсорсинга, развитие видов предпринимательской деятельности, основанных на частном, семейном капитале, малых инновационных предприятий, ориентированных на местный спрос в услугах (отдых, охрана здоровья, туризм, развлечения и т.п.). то есть, развитие тех видов способствуют экономической активности, которые повышению уровня предпринимательского менеджмента, квалификации и высокого образовательного уровня молодежи, капитализации человеческого капитала и местных ресурсов (Кетова и Овчинников, 2014). Капитализации подлежат не только материальные и нематериальные ресурсы (основные фонды и рынок труда), но и социальные деловой климат, социальный капитал, социальные сети. Новая региональная политика должна строиться не на принципах компенсационных выплат за проблемы прошлых лет, а на принципах мобилизации недоиспользованных ресурсов, потенциала регионов;
- 4) стратегией капитализации территориальных ресурсов, включающей: развитие рынка недвижимости, корпоратизация госимущества, государственное регулирование политики включения крупных инорегиональных структур в региональную экономику, повышение эффективности нормативно-правовой защиты региональных ресурсов и регионального имущества от избыточного давления экстерриториального капитала. В состав ключевых акторов федеральной региональной политики должны быть включены новые игроки в пространстве региональных экономик, определяющие отныне процесс капитализации территории крупные корпоративные структуры («нерезиденты») и крупные сетевые бизнесструктуры (Юсупова, 2013);
- 5) стратегией модернизации институтов этноэкономики, оптимизацией форм организации хозяйственных укладов в регионе на базе технологий их корпоратизации, включения в сетевые хозяйственные взаимодействия и др. Особое значение имеют при этом меры по снятию институциональных дефицитов в развитии предпринимательства во всех секторах многоукладного хозяйства регионов, в том числе с помощью использования комплекса социальных технологий по преодолению этнических барьеров в межрегиональном бизнес-взаимодействии, а также создание более адекватного механизма перераспределения природной ренты в практике использования конкурентных локальных ресурсов, конвергенции разобщенных рынков Северного Кавказа на базе создания современной транспортнологистической инфраструктуры (Колесников, 2010).

Обеспечение стабильности региональных рынков и сложившихся внутри- и межрегиональных хозяйственных связей позволяет сохранить материальные активы и развивать производственный потенциал «традиционного» пространства (не перестроенного слепо под интересы глобального рынка), уменьшить внешнее давление на рынок труда, что дает возможность, кроме всего прочего, удерживать рабочую силу в более привычных условиях **«родных»** регионов, что особенно важно для таких регионов, как Юг России.

Таким образом, в начале второго десятилетия XXI века в государственной региональной экономической политике особенно в периферийных и полупериферийных регионах с многоукладной экономикой и традиционными формами социальной организации хозяйственных практик утверждается базовый принцип — управление пространственным развитием не должно лежать только в русле ориентации на экономическую эффективность, но должно также подчиняться

логике и законам социальной эффективности и социальной справедливости. Поиск эффективной в российских условиях модели региональной политики показал, что необходимо более полно учитывать специфику пространственной организации периферийных регионов России и аллокацию их ресурсов, особенности исторически сложившейся системы размещения производительных сил и хозяйственных практик, менталитет региональных и этнических элит. Специфика территорий, их ресурсы, проекты локального значения и местные традиции в части координации хозяйственных практик делают необходимой для регионов задачу по формированию стратегий развития на основе сотрудничества, координации, взаимодействия, а не индивидуальной выгоды и конкуренции, на чем базируются ультралиберальные модели региональной политики (Алешин, 2013). Современные экономические концепции (как зарубежные – Дж. Уильямсон, Р. Капелло, так и отечественные – Артаболевский С. С., Татаркин А. И., Новоселов А. С. и др.) показывают, что понимание, сохранение и развитие механизмов сотрудничества, способствуют воспроизводству социальных связей, должны рассматриваться как элементы экономической стратегии. В настоящее время в России в центре и на местах осуществляется переход от ультралиберальной региональной экономической политики к более сбалансированной ее модели с точки зрения пространственного развития и социальной ориентации ее основных приоритетов, прежде всего приоритета достижения сопряжения экономической эффективности и социальной справедливости в практике регионального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешин А. В. (2013). Стратегии и механизмы развития взаимодействия разномасштабных субъектов бизнеса в регионе. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ.

Алешин В. А., Овчинников В. Н. и Челышева Э. А. (2013). Бюджетный федерализм: проблемы и перспективы развития на современном этапе // Вопросы регулирования экономики, Т. 4, $N_{\rm D}$ 1.

Алтынбаева Э. Р. (2009). Проблемы повышения экономической эффективности и конкурентоспособности интеграции агропромышленной сферы. Казань: изд-во Казанского ГУ.

Арабкин В. В. (2013). Капитализация территорий // Школа по методологии «Капитализация и виды капиталов», 21 августа. (http://www/shkp.ru/lib/archive/metodologics/kapital/programma - Дата обращения: 10.04.2014).

Артоболевский С. С. (2001). Региональная политика, направленная на снижение территориальных экономических и социальных диспропорций в Российской Федерации: проект концепции // *Регион: экономика и социология*, № 1.

Атлас социально-экономического развития Юга России. М.: Вузовская книга, 2011.

 \mathcal{A} армилова Ж. Д. (2008). Оценка экономических ресурсов региона: концепция, методология, инструментарий. Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ.

Замахина Т. (2013). Сила тока // Российская газета, 19 декабря.

Итоги инвестиционного форума в Сочи. (http://www.skfo.ru/news/formprint/1970/01/01/Itogi_XII_Mejdunarodnogo_Investicionnogo_Foruma_Sochi-2013/; http://government.ru/news/6214 - Дата обращения: 02.05.2014).

 $\it Kemoвa~H.~\Pi.$ и $\it Oвчинников~B.~H.$ (2014). Институты развития в многоукладных экономиках периферийных регионов // $\it Проблемы$ прогнозирования, $\it N_{\rm 0}$ 2.

Колесников Ю. С. (2010). Региональная политика модернизации экономики российского Кавказа: проблемы и стратегии // Terra Economics, Т. 10, Ч. 3, № 3.

Колесников Ю. С. и Дармилова Ж. Д. (2009). Ресурсы модернизации многоукладной экономики Юга России // Проблемы прогнозирования, № 1.

Мельникова Л. В. (2014). «Пространственно-нейтральная» и «локально-адресная» региональная политика // *Регион: экономика и социология*, № 1.

Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры

научно-технической деятельности и региональных инновационных систем. (http://www.miiris.ru - Дата обращения: 23.03.2014).

Овчинников В. Н. и Колесников Ю. С. (2008). Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: изд-во ЮФУ.

Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования / Под ред. Г.Г. Фетисова. М.: СОПС. 2012.

Российская газета. 28 апреля 2014 г.

Российская газета. 19 мая 2014 г.

Селиверствов В. Е. (2013). Федерализм, региональное развитие и региональная наука в постсоветской России: модернизация или деградация? // Регион: экономика и социология, N_0 4.

 $\mathit{HOcynosa}$ А. T . (2013). Рыночная власть крупных корпораций: региональные особенности и различия // Peruon : экономика и социология, № 4.

REFERENCES

Aleshin A. V. (2013). Strategies and interaction development mechanisms of the different scale business in the region. Rostov-on-Don, Publ. House of SFU. (In Russian).

Aleshin V. A., Ovchinnikov V. and Chelysheva E. A. (2013). Fiscal federalism: problems and prospects of development at the modern stage. Journal of Economic Regulation, vol. 4, no. 1. (In Russian).

Altynbaeva E. R. (2009). Problems of economic efficiency increase and integration competitiveness in agro-industrial sphere. Kazan, Publ. House of Kazan State University. (In Russian).

Arabkin B. B. (2013). Capitalization of territories. The School on Methodology "Capitalization and Capital", 21 August. (http://www/shkp.ru/lib/archive/metodologics/kapital/programma - Access Date: 10.04.2014). (In Russian).

Artobolevsky S. (2001). Regional policy aimed at reducing of territorial economic and social imbalances in the Russian Federation: the Draft Concept. Region: Economy and Sociology, no. 1. (In Russian).

Atlas of social-economic development of the South of Russia. Moscow, Higher School Book Publ., 2011. (In Russian).

Darmilova J. D. (2008). Assessment of the economic resources of the region: the concept, methodology, tools. Rostov-on-Don, APSN SCNC HS SFU Publ. (In Russian).

Zamakhina T. (2013). Amperage. Rossiyskaya Gazeta, December 19. (In Russian).

The Results of the Investment Forum in Sochi. (http://www.skfo.ru/news/formprint/1970/01/01/Itogi_XII_Mejdunarodnogo_Investicionnogo_foruma_sochi-2013/; http://government.ru/news/6214 - Access Date: 02.05.2014). (In Russian).

Ketova N. P. and Ovchinnikov V. N. (2014). Development institutions in mixed economies of peripheral regions. Problems of Forecasting, no. 2. (In Russian).

Kolesnikov Y. S. (2010). Regional policy of economic modernization in the Russian Caucasus: problems and strategies. *Terra Economics*, vol. 10, part 3, no. 3. (In Russian).

Kolesnikov Y. S. and Darmilova J. D. (2009). Resources modernization of the mixed economy of the South of Russia. Problems of Forecasting, no. 1. (In Russian).

Melnikova L. V. (2014). "Spatial-neutral" and "local address" regional policy. *Region: Economy and Sociology*, no. 1. (In Russian).

National Center for Monitoring of Innovation Infrastructure of Scientific and Technical Activity and Regional Innovation Systems. (http://www.miiris.ru - Access Date: 23.03.2014). (In Russian).

 $Ovchinnikov\ V.\ N.$ and $Kolesnikov\ U.\ S.$ (2008). Silhouettes of regional economic policy in the South of Russia. Rostov-on-Don, Publ. House of SFU. (In Russian).

Issues of spatial development: methodology and practice of research / Ed. by G. G. Fetisov. Moscow, CSPF Publ., 2012. (In Russian).

Rossiyskaya Gazeta, 28 April, 2014. (In Russian).

JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ■ Том 5, №2. 2014

Rossiyskaya Gazeta, 19 May, 2014. (In Russian).

Seliverstov V. E. (2013). Federalism, regional development and regional science in post-Soviet Russia: modernization or degradation? Region: Economy and Sociology, no. 4. (In Russian).

 $Yusupov\ A.\ T.\ (2013).$ The market power of large corporations: regional peculiarities and differences. $Region: Economy\ and\ Sociology,\ no.\ 4.$ (In Russian).

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ КАК ЭЛЕМЕНТ АДАПТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

ПАЛАГИНА АННА НИКОЛАЕВНА.

кандидат философских наук, директор Департамента по защите малого и среднего бизнеса Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, руководитель аппарата общественного представителя Уполномоченного по защите малого и среднего бизнеса, профессор кафедры Антикризисного и корпоративного управления, Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, e-mail: anpalagina@gmail.com

Появление должности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в России в 2012 году определило новые возможности в поддержке предпринимательства и позволило усовершенствовать ее механизм на всех уровнях. В статье представлен анализ полномочий и специфики работы Уполномоченных по защите прав предпринимателей на федеральном и региональном уровнях, выявлены ключевые проблемы института на современном этапе.

Ключевые слова: консультационная поддержка бизнеса; уполномоченный по защите прав предпринимателей; малый и средний бизнес.

COMMISSIONER FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS AT FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

PALAGINA, ANNA, N.,

Candidate of Philosophical Sciences, Director of the Department for the Protection of Small and Medium Business of Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Chief of staff of the Public Representative of the Commissioner for the Protection of Small and Medium-Sized Businesses, Professor of the Economics and Venture Department, Rostov State University of Economy, Rostov-on-Don, e-mail: anpalagina@gmail.com

Appointment to the post of Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs in 2012, has created a powerful reserve in the organization of new forms of business support at all levels. The author analyzes the powers and the specifics of the Commissioner for the protection of entrepreneurs' rights at the federal and regional levels, identifies the key problems of the Institute at the present

Keywords: consulting support; Commissioner for the protection of businesses; small and medium business.

JEL: M21.

В послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 12.12.2013 г. базовым условием для решения задач социального развития определено возобновление устойчивого экономического роста. При всей сложности последствий глобального основными экономического кризиса

замедления важнейших экономических процессов названы внутренние, а не внешние причины. Необходимо задействовать новые факторы развития, которые, по мнению главы государства, хорошо известны¹. Наряду с новыми технологиями, высоким качеством профессионального образования и гибким рынком труда ключевым вопросом государственной политики на современном этапе становится необходимость создания благоприятного конкурентного инвестиционного климата. Выделим два, на наш взгляд, важнейших вектора, которые были заданы в России в этом направлении в последний период.

Во-первых, Правительством РФ проводится работа по созданию системы стратегического управления рисками изменений экономической ситуации и развитием, механизм которой формируется на основе государственных программ. Программы должны стать связующим элементом стратегического и бюджетного планирования.

Эффективность их реализации во многом будет определяться тем, насколько федеральные органы власти проводят в жизнь изменения, заметным образом корректирующие институциональную среду для деятельности малого и среднего предпринимательства (далее — МСП) и в тех сферах, к которым оно особенно чувствительно. Ведь необходимо не просто направить в бизнес-среду различные ресурсы, а обеспечить создание правовых и экономических условий для выживания, роста и развития сектора МСП в нынешних непростых условиях. Эти факторы предопределяют необходимость реализации специальных мер, направленных не только на поддержку малых и средних компаний, но и на создание условий для сокращения неформальной занятости населения.

Практическая реализация такого уровня задач видится через оперативное решение каждодневных проблем предпринимателей — нарушения их законных прав, бюрократического давления на бизнес, коррупции, административных барьеров. Поэтому в 2012-м году одним из ключевых событий в системе поддержки бизнеса стало появление должности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в качестве новой составляющей Президентской вертикали и становление института уполномоченных в Российской Федерации в целом.

Мы считаем методологически верным рассматривать появление и формирование этого нового для страны явления в качестве органичного элемента общего механизма инфраструктуры поддержки МСП, адаптирующей и малые компании, работающие в этом секторе, и самозанятых, и лиц, желающих организовать и вести свое дело, к непростым экономическим реалиям.

Представляет несомненный интерес методология становления и организации работы института уполномоченных на федеральном и региональном уровнях. В обозначенном выше контексте мы рассматриваем практику их деятельности в тесной взаимосвязи с общегосударственными подходами по совершенствованию предпринимательского климата:

- в первую очередь, использование уже имеющихся инструментария и возможностей в частности сформированной инфраструктуры поддержки;
- а также принципы государственно-частного партнерства в решении стратегических задач социально-экономического развития страны — опору на потенциал, опыт, возможности и практику деятельности общественных организаций бизнес-сообщества.

Нами уже обосновывался механизм использования в условиях формирования института Уполномоченного возможностей программы Минэкономразвития по поддержке МСП и функционирующей в ее рамках системы адаптивной инфраструктуры. Была разработана соответствующая методология, которая в настоящий момент апробируется (Палагина, 2013).

По мнению Президента страны «Смысл конституционной нормы о социальном государстве — именно во взаимной ответственности государства,

 $^{^{1}}$ См.: Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. (http://www.kremlin.ru/news/19825 - Дата обращения: 15.01.2014).

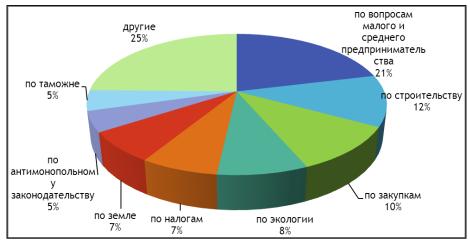
общества, бизнеса, каждого гражданина. Мы должны поддержать растущее стремление граждан, представителей общественных и профессиональных объединений, политических партий, предпринимательского класса участвовать в жизни страны»². Именно поэтому новый специальный инструмент по защите прав предпринимателей создается в прямом контакте с бизнесом и представляющими его интересы объединениями.

Этот элемент государственного управления уже зарекомендовал себя во зарубежных странах как эффективный инструмент бюрократических проблем, с которыми сталкиваются предприниматели в процессе осуществления хозяйственной деятельности. В большинстве стран институт основании национального омбудсмена действует на или регионального специального законодательства. Такой закон был принят и в нашей стране³.

Из основных положений закона следует выделить то, что Уполномоченный является государственным органом, обеспечивающим гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами государственной власти, местного самоуправления и должностными лицами. При этом он сохраняет свою независимость и подотчетен исключительно Президенту $P\Phi$.

Несмотря на то, что институт уполномоченного работает всего чуть более года, уже сейчас видна востребованность и действенность данного инструмента. Ежедневно к Уполномоченному поступает множество обращений из разных регионов России. Наибольшее количество жалоб на действия (бездействия) органов власти поступает, как и предполагалось, от представителей МСП (более 40 %).

По направлениям жалобы предпринимателей распределились в следующем порядке (см. рис. 1).

Puc. 1. Распределение обращений к региональным уполномоченным общественных объединений по направлениям (данные на 01.01.2013 г.)

Соотношение обращений отражает общую картину реального положения бизнеса в стране. Малый бизнес — это самая массовая и самая незащищенная часть российского предпринимательства. У него больше всего проблем, и к нему больше всего претензий со стороны контрольно-надзорных органов. В этой связи именно сектор $MC\Pi$ начал активнее других пользоваться новым для Poccuu инструментом.

Необходимо отметить в контексте рассматриваемого нами вопроса, что на независимую экспертизу жалобы направляются «отраслевым» общественным представителям федерального Уполномоченного, действующим одновременно как представители общественных объединений. Так, по состоянию на 01.01.2014 в

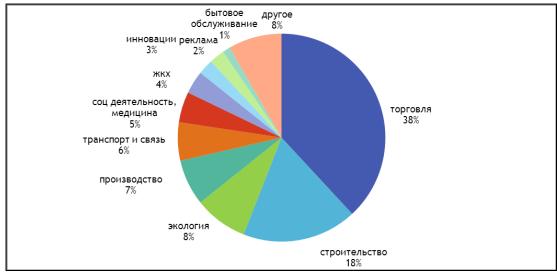
² См.: Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. (http://www.kremlin.ru/news/19825 - Дата обращения: 15.01.2014).

³ См.: Федеральный Закон 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 07.05.2013.

JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ■ Tom 5, №2. 2014

Департамент по защите малого и среднего бизнеса Торгово-промышленной платы $P\Phi$, которая взяла на себя часть работы по проблемам МСП поступило 225 обращений (из них 190 — по линии Уполномоченного и 35 — ТПП $P\Phi$).

По видам деятельности обращения распределились в следующем соотношении (см. рис. 2).

Puc. 2. Распределение обращений к «отраслевым» уполномоченным – представителям общественных объединений

Наибольшее количество жалоб из сферы торговли, которая лидирует в отраслевом разрезе, поступило на действия органов власти. На втором месте — жалобы на законодательство, законотворчество органов власти, нормативные акты, ухудшающие положение предпринимателей, и жалобы на аренду государственной (муниципальной) собственности. Достаточно часто встречаются также жалобы на нарушение конкуренции, взаимоотношения с государственными монополиями, банкротства, рейдерские захваты, в том числе с участием органов власти, проблемы доступа к государственному (муниципальному) заказу.

По итогам 2013 года можно отметить, что в 35% обращений нарушений прав предпринимателей экспертами не установлено (заявителю отказано, его обращение не поддержано), в 65% установлены факты нарушений конкретными органами власти (должностными лицами), либо диагностированы причины, приведшие к нарушениям — несовершенство нормативно-правовых актов, излишняя регламентация предпринимательства, необходимость доработки законодательства⁴.

Как показывает практика, подобная ситуация является наиболее актуальной именно для малых и средних бизнес-структур. Имея в распоряжении «скромные» финансовые ресурсов, они ограниченны возможности привлечения специалистов. Также квалифицированных достаточно предпринимателей, представляющих микро- и малый сегмент в кризисный и посткризисный периоды, - вынужденные предприниматели, не имеющие должного опыта и навыков предпринимательской деятельности, не подготовленные в сложных вопросах бухгалтерского учета, налогообложения, юридической защиты бизнеса. К сожалению, основной «бизнес – стратегией» такого рода предпринимателей является необходимость простого «выживания» в условиях меняющихся рынков, в том числе и рынка профессий. Этот тезис иллюстрирует тот факт, что часть жалоб к Уполномоченному является следствием несоблюдения норм и правил самими бизнес-субъектами, причина которого – недостаточный объеме знаний.

В таком контексте особенно актуальной представляется именно адаптивная

⁴ Постановление Президиума правления ТПП РФ «О предложениях ТПП РФ для включения в ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» № 109-35 от 19.12.2013 г.

составляющая этого элемента инфраструктуры. В чем она состоит и в чем ее особенности?

Как уже отмечалось выше, в 35% обращений Уполномоченный не выявляет фактов нарушения прав предпринимателей, а в соответствии с требованием закона направляет заявителю разъяснения норм действующего законодательства, «расшифровывает» позицию или решения органов власти, объясняет, в чем предприниматель ошибся, дает ему рекомендации по его будущим действиям и т.д. При этом Уполномоченный и его представители в регионах, взаимодействуя с заявителями, активно используют возможности консалтинговой инфраструктуры поддержки МСП, которая в большинстве случаев, оказывая такую помощь на безвозмездной для предпринимателя основе, имеет в качестве источника оплаты труда своих специалистов, средства, предусмотренные по отдельным направлениям федеральной либо региональных (муниципальных) программ поддержки МСП. В качестве примера можно привести организацию общественных приемных Уполномоченного на основе Приказа Минэкономразвития России № 220 от 24.04.2013⁵. Являясь его экспертно-аналитическим и консультационным центром, такая приемная создается для защиты прав и законных интересов МСП путем преодоления административных барьеров, ликвидации нарушений их прав, повышения правовой грамотности МСП, расширения информирования бизнеса о возможностях государственной поддержки.

Рассматривая принцип иерархичности, на котором основывается структура института бизнес-омбудстменства, следует отметить, что для нашей страны, в силу ее конституционного устройства, свойственна жесткая взаимосвязь федерального и регионального законодательства с тенденцией разделения полномочий по уровням власти. При этом обычной практикой стала своеобразная «обкатка» заявленных на федеральном уровне инициатив вначале в законодательстве и практике регионов. К примеру, до введения должности Уполномоченного по правам ребенка 01.09.2009 г. Указом Президента России должности уполномоченного по правам ребенка в несколькими субъектами РФ были учреждены самостоятельно (*Разногузов*, 2013. *С.* 90 (89-93)).

Подобная тенденция прослеживается и при формировании анализируемого нами элемента адаптивной инфраструктуры поддержки.

Так, еще до подписания Указа Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» № 596^6 , в соответствии с которым создавался институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей, и до назначения Бориса Титова на эту должность, омбудсмены появились в Ульяновской области (октябрь 2011 г.) и Башкортостане (март 2012 г. 7).

Ключевые характеристики уполномоченного на федеральном и региональном уровне представлены на рис. 3.

Согласно закону⁸, региональный уполномоченный может осуществлять свою деятельность исключительно в рамках территории соответствующего субъекта федерации.

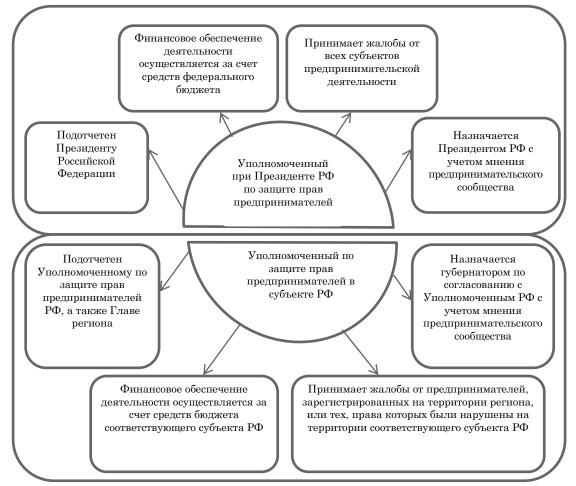
Несмотря на то, что сама возможность появления уполномоченного в субъекте $P\Phi$, а также его основные компетенции, права и обязанности регламентируются федеральным законом, правовое положение, основные зоны ответственности и компетенции представителя бизнеса в регионе могут корректироваться законами и нормативно-правовыми актами самого субъекта $P\Phi$. Так, существует ряд прецедентов организации деятельности омбудсмена на общественных началах и безвозмездной основе (Ростовская, Иркутская область).

⁵ См.: Приказ Минэкономразвития России № 220 от 24.04.2013 г. «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации».

⁶ См.: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 "О долгосрочной государственной экономической политике".

⁷ См.: Закон Ульяновской области «Об уполномоченном по правам предпринимателей в Ульяновской области» от 6 октября 2011 г. № 166-3О; Закон Республики Башкортостан «Об уполномоченном по правам предпринимателей в Республике Башкортостан» от 1 марта 2012 г. № 514-3.

⁸ См.: Федеральный Закон 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 07 05 2013

Puc. 3. Характеристики должности уполномоченного по защите прав предпринимателей на федеральном и региональном уровнях

Аналогично Уполномоченному при Президенте РФ, представитель интересов бизнеса в регионе не имеет права замещать государственные должности Российской Федерации или ее субъектов, а также должности государственной или муниципальной гражданской службы.

Так, уполномоченный в субъекте рассматривает жалобы бизнеса на решения или действия (бездействие) органов государственной власти, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, отмеченных с целью учета в органах государственной регистрации соответствующего субъекта, а также заявления предпринимателей, права и законные интересы которых были нарушены на территории соответствующего региона.

При этом процедура направления жалобы на региональном уровне строго ограничена по территориальному признаку. Запрещена подача заявления на рассмотрение одного и того же вопроса уполномоченным — представителям различных субъектов РФ (например, по месту регистрации предприятия и в регионе, где имело место нарушение.

Совокупность прав уполномоченного в субъекте РФ включает в себя:

- возможность получения необходимой информации, документов и материалов от органов государственной власти, местного самоуправления и иных должностных лиц;
- право обращаться в суд с требованием о признании недействительными отдельных ненормативных правовых актов и незаконными решений и действий органов государственной власти субъекта, в случае если оспариваемые решения и действия не соответствуют закону и нарушают права

и законные интересы субъектов предпринимательства, создают существенные препятствия для функционирования бизнеса;

- вносить мотивированные предложения в органы государственной власти о принятии нормативных правовых актов (либо внесении в них изменений), относящихся к вопросам регулирования предпринимательской деятельности в субъекте РФ;
- возможность принимать участие в выездных проверках, проводимых в отношении субъекта предпринимательской деятельности заявителя в рамках государственного контроля с его письменного согласия.

Должностные лица органов государственной власти субъектов РФ должны представить запрашиваемые документы и материалы в срок, не превышающий пятнадцати дней с момента поступления запроса.

По окончании каждого календарного года уполномоченный в субъекте представляет информацию об оценке результатов свой деятельности за отчетный период, а также анализ условий осуществления предпринимательской деятельности в регионе, включающий предложения по совершенствованию правового положения субъектов бизнеса уполномоченному $P\Phi$ и непосредственно лицу, возглавляющему территориальное образование.

Таким образом, несмотря на достаточно подробно описанный на законодательном уровне механизм работы относительно молодого для нашей страны института уполномоченного по защите прав предпринимательства, тем не менее, остается ряд спорных моментов, требующих скорейшего разрешения.

Введение в должности уполномоченного по защите прав предпринимательства в субъектах РФ позволяет существенным образом снять нагрузку с федерального уровня. Однако следует заметить, что в настоящее время только 57 субъектов Российской Федерации используют этот ресурс в качестве инструмента защиты интересов и прав бизнеса. Внедрение данной практики на всей территории страны позволит в значительной степени повысить эффективность и результативность данного ресурса.

Проблемным в целом также является процесс мониторинга поданных региональным уполномоченным жалоб от субъектов предпринимательства. Очевидно, что он требует создания единой базы и системы мониторинга заявлений для всех субъектов Российской Федерации, что в целом представляется достаточно сложным и дорогостоящим инструментом.

Еще одна процедура, реализация которой не нашла должного отражения в законе — процесс обжалования отказа в рассмотрении жалобы уполномоченным по защите прав предпринимательства. Официальные источники не предусматривают проведения данной процедуры, однако, нельзя полностью исключать возможность необходимости ее проведения. Наиболее очевидным решением данной проблемы представляется законодательное закрепление подобной функции за аппаратом уполномоченного $P\Phi$ как базового уровня иерархической структуры института омбудсмена.

Таким образом, создание самостоятельной, новой для нашей страны государственной структуры, обеспечивающей защиту прав и интересов предпринимательства, находится на стадии становления. И, тем не менее, появление Уполномоченного по защите прав предпринимателей и наделение его беспрецедентным кругом полномочий — ярко выраженная тенденция со знаком «плюс» для российского бизнеса.

Все это — элементы начатой два года назад вместе с бизнес-сообществом системной работы по улучшению делового климата в России. Результаты, прямо скажу, есть и хорошие. Может быть даже мало кто ожидал, что состоятся эти результаты, но они есть, повторяю. Нужно идти дальше. К 2015 году должна быть в основном сформирована нормативно-правовая база для благоприятного ведения бизнеса в стране⁹.

⁹ См.: Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. (http://www.kremlin.ru/news/19825 - Дата обращения: 15.01.2014).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Закон Республики Башкортостан «Об уполномоченном по правам предпринимателей в Республике Башкортостан» от 1 марта 2012 г. № 514-з. (http://upprb.bashkortostan.ru/documents/300/).

Закон Ульяновской области «Об уполномоченном по правам предпринимателей в Ульяновской области» от 6 октября 2011 г. № 166-3О. (http://law.ulgov.ru/news/6075.html).

Палагина А. Н. (2013) Использование программно-целевых методов регулирования МСП в становлении института уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ // Российское предпринимательство, № 24 (246), декабрь.

Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. (http://www.kremlin.ru/news/19825 - Дата обращения: 15.01.2014).

Постановление Президиума правления ТПП РФ «О предложениях ТПП РФ для включения в ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» № 109-35 от 19.12.2013 г.

Приказ Минэкономразвития России № 220 от 24.04.2013 г. «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации».

Разногузов К. Г. (2013). Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей и специализированные подразделения по защите прав предпринимателей в органах прокуратуры: вопросы организации и взаимодействия # Криминалист #5, № 1 (13), с. 90 (89-93).

Российская Газета от 14.01.2014 г., Примаков Е. М. (http://www.rg.ru/2014/01/13/primakov.html - Дата обращения: 16.01.2014).

Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 "О долгосрочной государственной экономической политике".

Федеральный Закон 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 07.05.2013.

REFERENCES

Law of the Republic of Bashkortostan "On the Ombudsman Entrepreneurs in the Republic of Bashkortostan" Dated March 1, 2012 N_0 514. (http://upprb.bashkortostan.ru/documents/300/). (In Russian).

Law of Ulyanovsk Oblast "On the Commissioner for Human Entrepreneurs in the Ulyanovsk Region" of October 6, 2011 № 166-LP. (http://law.ulgov.ru/news/6075.html). (In Russian).

Palagina A. N. (2013). The use of program-target methods of regulation of SMEs in the establishment of an ombudsman for the protection of the rights of entrepreneurs in the Russian Federation. Russian Entrepreneurship, No. 24 (246), December. (In Russian).

The Message of the President to the Federal Assembly on 12.12.2013. (http://www.kremlin.ru/news/19825 - Access Date: 15.01.2014). (In Russian).

Resolution of the Presidium of the Board of the RF CCI "Proposals RCCI for Inclusion in the Annual Report of the Commissioner of the President of the Russian Federation for the Protection of the Rights of Entrepreneurs" No 109-35 of 19.12.2013. (In Russian).

Order of the Ministry of Economic Development of Russia № 220 of 24.04.2013, «On the Organization of Competitive Selection of Subjects of the Russian Federation, Whose Budgets in 2013 Receive Subsidies from the Federal Budget for State Support of Small and Medium Business Entities of the Russian Federation». (In Russian).

Raznoguzov C. G. (2013). Institute Authorized to Protect the Rights of Entrepreneurs and Specialized Units to Protect the Rights of Entrepreneurs in the Prosecution: the Organization and Interaction. *Kriminalist*, no. 1 (13), pp. 90 (89-93). (In Russian).

The Russian Newspaper from 14.01.2014, Primakov E. M. (http://www.rg.ru/2014/01/13/primakov.html - Access Date: 16.01.2014). (In Russian).

Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2012 No 596 "On the Long-Term National Economic Policy". (In Russian).

Federal Law 78-FZ «On the Protection of Authorized Business in the Russian Federation» of 07.05.2013. (In Russian).

СПОСОБЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ПОЗДНЯКОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА,

кандидат географических наук, ассистент кафедры географии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан, e-mail: russland-54@mail.ru

статье описана методика оценки эффективности перспективных направлений региональной политики посредством использования метода ранговой корреляции социальноэкономических показателей. Проведена апробация этой методики на примере предлагаемого варианта корректировки административно-территориального устройства Азиатской части России.

Ключевые слова: региональная политика; метод ранговой корреляции; социальночасть России; административноэкономическая эффективность; Азиатская территориальное устройство; губерния.

METHODS OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PERSPECTIVE DIRECTIONS OF REGIONAL POLICY

POZDNYAKOVA TATYANA, M.,

Candidate of Geographical Sciences, Assistant of the Department "Geography", Priamursky State University nam. after Sholom-Aleichem, Birobidzhan, e-mail: russland-54@mail.ru

The author describes the assessing methodology of the perspective directions efficiency of regional policy through the use of the method rank correlation of social-economic indicators. The method is approved on the example of the proposed adjustments of the administrative-territorial device of the Asian part of Russia.

Keywords: regional policy; rank correlation method; social-economic efficiency; the Asian part of Russia; administrative-territorial arrangement; province.

JEL: R10, R58.

Одним из механизмов регулирования экономики регионов является корректировка административно-территориального устройства и определение перспективных направлений регионального развития. В этой связи особую актуальность приобретает проблема способов прогноза их эффективности в каждом конкретном случае.

Приведём вариант оценки эффективности перспективных направлений региональной политики на примере территорий Азиатской части России.

качестве теоретической основы эксперимента корректировки административно-территориального устройства Азиатской части России (см. рис. 1) на основе схемы историко-географического районирования

данной территории (Позднякова, 2011. С. 68-70).

Рис. 1. Вариант корректировки административно-территориального устройства Азиатской части России **Источник:** составлено автором.

Выделенные субъекты обладают определённым соотношением территориальных, демографических и экономических показателей (см. табл. 1).

 $\begin{tabular}{l} \label{table} $\it Taблицa~1$ \\ \begin{tabular}{l} \begin{tabular}{l}$

	Удельный вес в региональных показателях, %			
Территории АЧР	Площадь территории	Численность населения	ВРП	
Губернии Северной области	50,2	11,5	48,6	
05	10.0	7.0	41.0	
Обская	12,2	7,0	41,0	
Енисейская	14,0	1,5	4,1	
Ленская	24,0	3,0	3,5	
Губернии Южной области	25,5	68,4	35,1	
Южно-Сибирская	18,0	53,2	30,0	
Горный Юг	2,0	5,1	0,6	
Забайкальская	5,5	10,1	4,5	
Губернии Тихоокеанской области	24,4	19,1	16,3	
Северо-Восточная	14,3	3,5	3,5	
Юго-Восточная	10,1	17,6	12,8	

Источник: составлено автором.

На основе анализа имеющихся диспропорций развития субъектов, как представляется, могут быть сформулированы основные направления региональной политики.

Так, для Северной области основной задачей является достижение равновесия в соотношении уровня заселенности выделенных субъектов, площади занимаемой ими территории и экономического потенциала. В этой связи, для обширных, но относительно слабо освоенных территорий, разделенных на близкие к оптимальным формам квадрата, необходимо проводить мероприятия по повышению уровня их селитебной освоенности.

Обская губерния будет иметь высокий показатель экономической эффективности: ВРП в 4 раза превышает площадь занимаемой территории и в 6 раз – численность населения. За счет этого уровень жизни населения в его пределах выше, чем в других субъектах в составе региона. Основным направлением региональной политики для неё может быть поддержание демографического потенциала на существующем уровне (или меры по некоторому повышению естественного прироста) и создание дополнительных условий для закрепления предотвращения начавшегося миграционного оттока. представляется возможным при расширении спектра рабочих мест в связи с диверсификацией отраслевой структуры хозяйства (развитием производств по переработке углеводородов на базе ряда крупных городов), которое будет способствовать также ускорению инфраструктурной обустроенности и эволюции форм территориальной организации хозяйства от преимущественно очаговых до линейно-узловых (Романов, 2009).

Енисейская и Ленская губернии будут отличаться более глубоким дисбалансом анализируемых показателей. Главная задача региональной политики, как видится, — наполнение территорий селитебными и хозяйственными структурами. Помимо мер по поддержанию естественного и механического прироста, здесь необходимо более детально подойти к вопросам территориальной организации хозяйства и управления.

Важнейшей задачей для этих масштабных, но обладающих гораздо меньшими показателями демографическим и экономическим потенциалом субъектов, скорее всего, будет являться обеспечение связанности территорий за счет повышения их транспортной освоенности. Эта задача требует решения, как в самостоятельном качестве, так и в связи с необходимостью дополнительного обслуживания имеющихся производств. Так, новые транспортные пути могли бы способствовать оптимизации системы расселения и дать импульс развитию рынков сбыта продукции цветной металлургии, что, в свою очередь, позволяет более широко реализовывать экономический потенциал субъектов.

В пределах Енисейской губернии в качестве ключевого участка целесообразно выбрать Норильский промышленный район. Обеспечение транспортных сообщений этого района с территориями вне зоны его экономического влияния (к примеру, при прокладке дороги на Туру и далее на Мирный) позволило бы реализовать некоторые экономические проекты.

Подобные меры позволят также повысить уровень селитебной и хозяйственной освоенности, качество управления Ленской губернией, обладающей сбалансированными демографическими и экономическими показателями на фоне масштабности территории. На юге данного субъекта уже формируется линейно-узловой тип территориальной организации хозяйства (за счет Амуро-Якутской магистрали, железных дорог Якутск — Магадан, Якутск — Тында). Однако необходимо усилить транспортную взаимосвязь имеющихся магистралей с Транссибом (к примеру, обеспечить возможность сообщений через Ленск с Нижнеангарском), а также сформировать транспортный каркас северной части региона. Эта задача наиболее актуальна в контексте проектов роста функций Северного морского пути. В частности, представляется возможным увеличение пропускной способности имеющихся портов и обеспечение их взаимосвязи с Якутском.

Приоритетными в Южной области будут являться меры по увеличению объемов ВРП, приведение его в соответствие с демографическим потенциалом территории. В данном случае, предполагается также некоторое «перераспределение» населения между субъектами Северной и Южной областей в связи с развитием первой и росту масштабов миграции, причем не только трудовой (поскольку она может усилить диспропорции половозрастного состава, «старение населения» Южной области), но и с переселением на постоянное место жительства.

В пределах Южно-Сибирской губернии, основываясь на относительно

высокий уровень демографического и экономического развития, в частности, уровня образованности населения и научной сферы, проблему роста ВРП целесообразно решать посредством формирования технопарков, технико-внедренческих зон и научно-производственных объединений на базе предприятий и научно-исследовательских институтов в крупных городах и их агломерациях. Подобные структуры уже существуют в Новосибирске (Академгородок, НПО НЗХК), Барнауле (начато формирование технополиса). Подготовлен проект по созданию телепорта общегосударственного значения в Тобольске. Вместе с тем, следует отметить, что имеющиеся технические разработки, в силу ограниченного финансирования, довольно слабо внедряются в производство. Это является сдерживающим фактором для развития передовых технологий и повышения конкурентоспособности производимой продукции. Таким образом, необходимо создание дополнительных условий для реализации данных проектов на местном уровне, а также их выхода на международный рынок технологий.

Горный Юг будет иметь относительно сбалансированные показатели по площади и численности населения, но производить крайне малый объем ВРП. Это обусловлено как природными (преобладание труднодоступных горных территорий), так и социально-экономическими факторами (низкий уровень жизни населения, слабо развитая инфраструктура). Вместе с тем, особенности природы представляется возможным использовать в целях развития различных направлений туризма. Комплексообразующая способность этой отрасли создает условия для повышения уровня занятости населения, что актуально для региона в связи с довольно высокой обеспеченностью трудовыми ресурсами, а также существенно стимулирует экономическое развитие территории и повышение качества жизни населения.

Государственная политика в этом направлении выражается в проектах по формированию особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Так, на территории Горного Алтая образована особая экономическая зона «Бирюзовая Катунь», где реализуется рекреационный потенциал субъекта в сочетании с элементами этнотуризма. Подобные возможности имеют также Тыва, район озера Байкал. Таким формирование Территориально-производственных образом, эффективности комплексов основе повышения традиционного на природопользования коренных народов делает его конкурентоспособным и может стать эффективным «инструментом» сохранения этногенетического потенциала и развития экономики данной территории.

Вместе с тем, необходимо обеспечить более масштабное инвестирование проектов с целью ускорения развития, поскольку их функционирование во взаимодействии с повышением качества инфраструктурного комплекса (транспорта, связи, бытового обслуживания) способно дать весомый экономический эффект для этой территории.

Забайкалье также имеет сбалансированные показатели площади и численности населения. Рост ВРП для этой территории можно обеспечить посредством повышения качества функционирования имеющихся производств, а также диверсификации отраслевой структуры хозяйства.

К примеру, представляется возможным укрупнение агломерационных систем Улан-Удэ и Читы с развитием обрабатывающих производств и агропромышленного комплекса, которые будут направлены на комплексную переработку сельскохозяйственного сырья и продукции добывающих отраслей. Это позволит сформировать довольно обширную рыночную зону в пределах региона, будет способствовать эволюции форм территориальной организации хозяйства от линейно-узловых до ареальных. Сформированная научная база Улан-Удэ, наличие вузов, исследовательских институтов СО РАН, предприятий, а также выгодное экономико-географическое положение (на Транссибе) создает возможности для создания технико-внедренческих формаций в сфере авиации и приборостроения.

В перспективе мощным стимулом развития экономики и оптимизации системы расселения может явиться также разработка крупнейшего Удоканского

медного месторождения, расположенного на трассе БАМа.

Тихоокеанская область занимает 24,4 % площади АЧР, концентрирует 19,1% населения, но производит лишь 16,3% объема ВРП. Эта территория существенно удалена от других регионов РФ и имеет с ними довольно слабые экономические связи. В то же время, ее актуальность в качестве форпоста страны на Тихом океане в современных условиях лишь усилилась. В этой связи первоочередными направлениями, с учетом существующего уровня освоенности и заселенности, должны стать формирование транспортного каркаса, обеспечивающего более активный выход России к Тихому океану, сопредельным странам Азиатско-Тихоокеанского региона, стратегически важным ресурсам, сети высокоэффективных энергетических объектов, а также формирование хозяйственных структур, обеспечивающих более высокий уровень жизни населения.

Основная задача для Северо-Восточной губернии будет заключаться в уменьшении дисбаланса занимаемой площади его демографическому и экономическому потенциалу. Следует отметить, что, поскольку данная территория, как и другие регионы Севера, имеет крайне суровые природные условия, устранить данную диспропорцию на современном этапе освоения невозможно. Однако, развитие обрабатывающих отраслей хозяйства и инфраструктурного комплекса (к примеру, прокладка железной дороги сообщением Уэлен — Магадан — Якутск - Нерюнгри) позволило бы обеспечить перераспределение населения внутри полосы, в частности, его приток с территорий Юго-Восточной губернии, и тем самым оптимизировать систему расселения, эволюцию форм территориальной организации хозяйства от очаговых к линейно-узловым. Это будет способствовать также повышению качества управления данной территорией.

Юго-Восточная губерния, которая будет иметь главный дисбаланс в связи с относительно высокой концентрацией населения, также получит преимущества, касающиеся более рационального селитебного освоения при условии развития Северо-Восточной губернии. Вместе с тем, с учетом имеющихся тенденций развития демографического потенциала данной области, необходимы определенные направления демографической политики, направленные на его оптимизацию, особенно по вопросам регулирования миграции.

Кроме того, данная территория в силу особенностей географического положения, довольно высокого уровня социально-экономического развития, наличия крупных экономических центров (Хабаровск, Владивосток) имеет возможности формирования научно-производственных объединений, особых экономических зон различного типа (производственных, туристско-рекреационных). Важнейшим направлением в современных условиях является также развитие портовых комплексов на Тихоокеанском побережье (Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Владивостока и других).

Далее приведём оценку прогнозируемой результативности предлагаемых направлений региональной политики для рекомендуемых субъектов посредством применения метода ранговой корреляции социально-экономических показателей.

Он основан на корреляционной зависимости между численностью населения и производимым ВРП, и прямой пропорциональности величины роста этих показателей прогнозируемой экономической эффективности объекта, рассчитанной на определенный временной период. Исходя из этого, корреляционную зависимость динамики демографического и производственного потенциала можно выразить посредством системы уравнений:

$$t \to n \begin{cases} Ai \to Aj = A[j-i] \to \alpha A; \\ Bk \to [\alpha A - k] \to \alpha B \end{cases},$$
при

где:

A — численность населения (A(i) — исходная, aA — прогнозируемый прирост численности населения);

B — валовый региональный продукт (B(k) — исходный, aB — прогнозируемый прирост ВРП);

t – долгосрочность прогноза, n – количество лет;

i — ранговый показатель исходной численности населения;

j — ранговый показатель планируемого объекта производственной инфраструктуры;

k – ранговый показатель исходного ВРП.

* - при совпадении индексов модульное выражение приравнивается к единице, а в качестве aA во втором выражении системы принимается Ai.

Ранговые показатели i, k выведены в соответствии с исходными величинами численности населения и ВРП для конкретных территорий; ранговый показатель j соответствует прогнозируемой экономической эффективности объекта на определенный временной промежуток n.

На этой основе:

Составлен рейтинг губерний по численности населения, ВРП и прогнозируемой эффективности объектов производственной инфраструктуры в среднем на 10 лет. Ранговые показатели приведены в табл. 2.

Taблица~2 Ранговые показатели рекомендуемых губерний по численности населения, ВРП и прогнозируемой эффективности объектов производственной инфраструктуры

Губернии	Ранговые показатели*		
	i	j	k
Обская	3	3	4
Енисейская	1	3	2
Ленская	1	2,5	2
Южно-Сибирская	4	2	4
Горный Юг	1	4	1
Забайкальская	2	1,5	2
Северо-Восточная	1	3	2
Юго-Восточная	3	3,5	3

^{*} Ранговые значения определены в соответствии с критериями, представленными в табл. 3.

Таблица 3

	i	j		k	
индекс	численность населения, млн. чел.	индекс	средняя экономическая эффективность планируемого объекта	индекс	доля в ВРП региона, %
1	до 1	1	модернизация существующих объектов/ перерабатывающее предприятие	1	менее 2
2	1-2	2	инновационно-технический объект	2	2-4
3	3-10	3	объект транспортной инфраструктуры, в т.ч. порт	3	4-10
4	более 10	4	особая экономическая зона	4	более 10

Критерии для определения ранговых показателей рекомендуемых губерний *Источник:* составлено автором.

Примечание: для большей объективности ранговых показателей необходимо учитывать также предельную ёмкость окружающей среды и специфику

демографических процессов.

На основе произведённых расчётов составлена сводная таблица, отражающая прогнозируемые изменения демографических и экономических характеристик предлагаемых субъектов при условии реализации разработанных направлений региональной политики (см. табл. 4).

Таблица 4 Іпогнозируємые результаты реализации перспективных направлений

Территории АЧР	Прогнозируемые изменения, %		
	Численность	ВРП	
Губернии Северной области			
	+45	+35	
Обская	+10	+10	
Енисейская	+20	+20	
Ленская	+15	+5	
Губернии Южной области			
	+45	+55	
Южно -Сибирская	+10	+20	
Горный Юг	+30	+20	
Забайкальская	+5	+15	
Губернии Тихоокеанской области			
	+25	+35	
Северо-Восточная	+20	+10	
Юго-Восточная	+5	+25	

региональной политики для территорий Азиатской части России *Источник:* составлено автором.

Таким образом, метод ранговой корреляции социально-экономических показателей может быть применён для оценки перспективных направлений региональной политики для конкретных территорий и показывает их эффективность на примере варианта корректировки административно-территориального устройства Азиатской части России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Позднякова Т. М. (2011). Историко-географическое районирование крупных территорий на примере Азиатской России / Историческая география Азиатской России: материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск: Издательство Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН.

Романов М. Т. (2009). Территориальная организация хозяйства слабоосвоенных регионов России. Владивосток: Дальнаука.

REFERENCES

Pozdnyakova T. (2011). Historical-geographical zoning of large territories on the example of the Asian part of Russia / Historical Geography of the Asian Part of Russia: Materials of All-Russian Scientific Conference. Irkutsk, Publ. House of the Institute of Geography Named After V. B. Sochava SO RAN. (In Russian).

Romanov M. (2009). Territorial Ooganization of the economy under-developed regions of Russia. Vladivostok, Dalnauka Publ. (In Russian).

www.hjournal.ru

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАХОВАНИЯ СЕЛЬХОЗТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЗАРУБЕЖНЫХ МОДЕЛЕЙ

АРШБА МАНУЭЛЛА ВАЛЕРИЕВНА.

ассистент кафедры отраслевой и мировой экономики, Донской государственный аграрный университет, Ростовская область, пос. Персиановский, e-mail: many88.88@mail.ru

В статье проанализированы различные модели сельхозстрахования зарубежных стран. Выделены две основные системы агрострахования в мире: страхование без государственной поддержки и с государственной поддержкой. Проведены анализ и обобщение зарубежного и российского опыта. Оценено состояние системы страхования сельского хозяйства в России в настоящее время и выявлены имеющиеся недостатки. Выработаны рекомендации и возможные пути развития системы отечественного сельскохозяйственного страхования.

Ключевые слова: агрострахование; риски; сельхозтоваропроизводители; анализ; зарубежный опыт; страхование с государственной поддержкой.

REPRODUCTION AND ECONOMIC REFERENCE POINTS OF INSURANCE OF AGRICULTURAL PRODUCERS ON THE BASIS OF THE FOREIGN MODELS ANALYSIS

ARSHBA MANUELLA, V.,

Assistant of the Department «Industrial and World Economy», Don State Agrarian University, Rostov Region, Persianovskiy, e-mail: many88.88@mail.ru

In the paper various models of agricultural insurance of foreign countries are analysed. Two main systems of agroinsurance in the world are allocated: insurance without the state support and with the state support. The analysis and synthesis of foreign and Russian experience are carried out. The current condition of insurance system of agriculture in Russia is estimated and available shortcomings are revealed. Recommendations and possible development ways of system of domestic agricultural insurance are offered.

Keywords: agroinsurance; risks; agricultural producers; analysis; foreign experience; insurance with the state support.

JEL: G22, Q10.

Страхование является одним из ведущих способов управления внешними рисками, которые обусловлены экстернальным отрицательным воздействием окружающей среды и форсмажорными обстоятельствами, которые не зависят от человека. Особенностью страхования в сельском хозяйстве является сравнительно высокий уровень рисков потерь урожая от стихийных бедствий. В связи с вероятностью крупных потерь И невозможностью сельхозтоваропроизводителями и отдельными страховыми компаниями в сельском хозяйстве используется система государственной поддержки страхования урожая сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Для большинства стран, вступивших в период постиндустриального развития — США, Канада, страны ЕС, — система государственной поддержки сельскохозяйственного страхования является частью государственной аграрной политики. Исследования зарубежного опыта организации сельскохозяйственного страхования позволяют подразделить его на две основные группы.

Первую группу представляет сельскохозяйственное страхование без государственной поддержки (или с незначительным участием государства) — Германия, Норвегия, Бельгия и др. Такая организация сельскохозяйственного страхования присуща странам с низкорисковым характером ведения аграрного производства, где возмещение причиненного ущерба сельхозпредприятиям может быть полностью выполнено через систему коммерческого страхования. Тем не менее, для покрытия ущербов от природных катастроф правительствами этих стран создаются специальные фонды, например: Фонд каламите в Бельгии, Государственный фонд покрытия природных катастроф в Норвегии и т. п. За счет средств таких фондов возмещаются только убытки, непринятые на страхование, или же имеющие недостаточный уровень страхового покрытия по договору коммерческого страхования.

Вторая группа – сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой – США, Канада, Испания и др. В странах, имеющих большую протяженность территории, в результате наступления стихийных бедствий ущерб терпит сразу большое число сельскохозяйственных производителей, что влечет крупные выплаты и объясняет высокую стоимость страховых услуг. Ввиду этого, сельскохозяйственное страхование в этих странах характеризуется участием государства в страховых сельскохозяйственных программах. В Российской Федерации, характеризующейся значительной территориальной протяженностью, большой долей земель в зонах рискованного земледелия, также реализуется программа государственной поддержки сельскохозяйственного страхования. В этой связи, обобщение зарубежного опыта представляется и актуальным, и важным для планирования перспектив и возможных путей развития системы отечественного сельскохозяйственного страхования. Он демонстрирует, что значительное количество стран, которые имеют более благоприятный климат, чем Россия, постоянно поддерживают и развивают сельхозстрахование, не забывая, при этом, и весь имеющийся набор методов обеспечения устойчивости сельскохозяйственного производства.

В частности, Германия, которая имеет очень развитый институт агрострахования, использует методы прямого государственного возмещения потерь сельскохозяйственным предприятиям. Благодаря государственным средствам компенсируются убытки, которые вызваны градом, бурей, наводнением и прочими погодными аномалиями. Обычно экономическая помощь составляет не более одной трети от размера совокупного ущерба.

Французским правительством сформирован особый государственный фонд, компенсирующий потери, нанесенные растениеводству природными катаклизмами, исключая бурю и град. Самым важным требованием для возмещения ущерба является наличие у фермера договора страхования хозяйства от пожара. В этом случае государство компенсирует в среднем примерно 45% общего объема ущерба.

Самой развитой в Европе является испанская система государственной поддержки агрострахования. Государство предоставляет субсидии, фактически, по всем видам сельскохозяйственных рисков (заморозки, засуха, пожар, буря, град, болезни и паразиты, наводнение), но при этом страхуются только бобовые, озимые культуры, лук и виноград. Остальные сельхозкультуры имеют значительно более узкое страховое покрытие. Объем компенсационных выплат рассчитывается на основе разницы стоимости между уровнем гарантированного урожая (65% от возможных сборов) и реально полученным объемом собранной продукции (*Шинкаренко*).

Программа страховой защиты сельскохозяйственных культур в США предлагает страховое покрытие по каждой отдельной культуре. Покрытие по программе страхования разработано для более, чем 100 культур. В США существует большое количество страховых продуктов (более 370), которые позволяют полностью застраховать сельскохозяйственное предприятие: страхование урожая или дохода; страхование по региональным показателям или по данным хозяйства; страхование капитальных активов (например, фруктовых деревьев или питомников); страхование всего хозяйства.

Уровни покрытия включают: катастрофическое (CAT) покрытие на уровне 50% урожайности и 55% цены (50x55) — всего 27,5%; дополнительное покрытие покупается на уровне выше катастрофического (от 50/60 до 85/100) (*Калан*).

Покрытие основывается на данных урожайности за прошлые годы. Стоимость продукции определяется по прогнозным ценам или по фьючерсным котировкам. Для этого используются данные товарных бирж. Мультирисковое страхование является основой системы сельскохозяйственного страхования и управления рисками, которая субсидируется правительством США. Ставки премии рассчитываются по уровням покрытия и рискам (природные риски, которые вызывают потерю урожая). Выплаты осуществляются при снижении урожайности или дохода ниже гарантированного уровня. Ежегодно примерно 700 000 сельхозпроизводителей приобретают различные продукты страхового покрытия.

Повышая уровни субсидирования премий, правительство увеличивает уровень участия производителей в программе сельскохозяйственного страхования. Программы страхования предлагаются через частные страховые компании, однако правительство предоставляет им административные и операционные субсидии, а также перестраховочную поддержку.

Особый интерес, с точки зрения поиска оптимальных форм участия государства в агростраховании, представляет опыт развития сельскохозяйственного страхования в Италии. Он показывает целесообразность применения погодных деривативов для целей управления сельскохозяйственными рисками на сельскохозяйственных предприятиях. На основании сочетания подробных местных метеорологических данных и данных по урожаям, полученным в хозяйствах, выведены различные возможные погодные индексы. Проведенное итальянскими специалистами имитационное моделирование показывает, что учет погодных деривативов может оказаться эффективным средством для защиты стабильности доходов сельскохозяйственных предприятий. При этом, стоимость такой защиты может оказаться намного ниже цен, обусловленных существующей системой субсидируемого страхования урожая и компенсации по факту наступления страхового события.

Преимущества такого подхода по сравнению с существующей системой субсидированного страхования сельскохозяйственных культур и компенсацией по факту таковы.

Во-первых, исчезают проблемы, связанные с асимметрией информации по фактическому размеру ущерба. Если договор страхования составлен правильно, если компенсация основывается на правильной корреляции «погода — урожай» и значении индекса, а не на фактически измеренных потерях фермерского хозяйства, которые произошли, в том числе и по причине бесхозяйственности, в таком случае ни антивыбор, ни моральный риск не повредят такому виду страхования. Ни один фермер не сможет повлиять на значение сводного погодного индекса, и нет необходимости в дорогостоящей процедуре уточнения ущерба.

Во-вторых, общедоступность метеорологической информации может стимулировать конкуренцию между поставщиками инструментов управления рисками, вследствие чего снижается острота проблемы сбора данных, с которой так часто сталкивается индустрия страхования.

В-третьих, управление риском потери урожая при помощи данных, основанных на индексах погодных деривативов, может дополнить управление

другими значительными рисками, например, ценовым риском, которым по некоторым товарам также можно управлять при помощи финансовых инструментов.

В-четвертых, разработка такой системы не потребует крупного реформирования существующей законодательной базы в той части, что страховая защита на базе индексов включается в число возможных контрактов, предлагаемых страховыми компаниями фермерам (и вначале также подлежит государственной поддержке согласно рекомендациям Европейского союза по государственной помощи) или в число предлагаемых всем инструментов управления риском (например, посредством привязки компенсации по факту в данной зоне к сводному индексу, а не к сложному и политически уязвимому механизму объявления бедствия).

Главной проблемой здесь является выявление самых подходящих параметров использования погодного индекса. Индекс должен в высокой степени коррелироваться с объемом продукции, которую необходимо защищать, и он должен быть очень точным для конкретной однородной области, которую необходимо обеспечить страховой защитой. Результаты, полученные итальянскими исследователями при сравнении временных массивов метеорологических данных, собранных для одной итальянской провинции, с показателями урожайности основных культур для той же самой провинции, могут стать основой формирования индекса и использования его для определения условий страхования. Конечно, наличие разветвленной сети метеорологических станций сделало эту проблему гораздо более «решаемой», нежели это возможно, например, в России.

Опыт Австрии в области оказания помощи сельхозпредприятиям совпадает с российским (50% страхового взноса по полису выплачивает аграрное хозяйство, а 50% премий страховщику выплачивает государство на основе заявления сельхозтоваропроизводителя): имеется особый фонд, компенсирующий 25% страховых взносов страхователям, местные бюджеты также оплачивают 25%, оставшуюся сумму сельхозпроизводитель выплачивает самостоятельно. Субсидии предоставляются в случае таких рисков, как град (все культуры) и заморозки (полевые культуры и виноград).

В настоящее время страхование в агропромышленном комплексе России только начинает становиться важным механизмом защиты сельскохозяйственных предприятий. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» определил основные принципы российского агрострахования с государственной поддержкой.

В постановлении правительства Российской Федерации № 758 от 1 ноября 2011 года «О государственной поддержке страхования в сфере агропромышленного производства» указан перечень правил субсидирования из средств государственного бюджета на компенсирование части затрат сельхозтоваропроизводителей на страхование урожая сельхозкультур. Субсидии предоставляются сельскохозяйственным товаропроизводителям для финансирования 50% страховых взносов по договорам страхования, которые заключены между ними и страховыми учреждениями, которые имеют лицензию на проведение агрострахования урожая сельхозкультур в следующих случаях:

- а) урожай сельхозкультур подлежит страхованию при наличии риска его уничтожения (гибели) и повреждения сельхозкультур по причине заморозка, вымерзания, недостатка тепла, засухи, излишнего увлажнения, выпревания, ливня, града, урагана, наводнения, бури, селя, безводья в источниках орошения, нападения вредителей растений, болезней по совокупности событий;
- б) заключение договора страхования урожая сельхозкультур производится до окончания посадки (сева) сельхозкультур (или их групп) на основе учета размеров площади посадки (общей посевной площади);
- в) определение страховой стоимости урожая сельхозкультур осуществляется на основе таких показателей, как: размер площади посадки, средняя урожайность сельхозкультур, фиксировавшаяся в течение 5 лет до заключения договора

агрострахования, и предполагаемых цен на рынке;

- г) объем выплачиваемых страховых сумм по договору агрострахования рассчитывается в размере 70% от страховой стоимости урожая сельхозкультур;
- д) по договору страхования сельхозтоваропроизводители выплачивают сумму, не превышающую 50% страхового взноса;
- е) на основе ставок для расчета субсидий рассчитывается размер страхового взноса, который подлежит субсидированию.

В июле 2011 года Госдумой был принят закон «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования» и о внесении изменений в федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». Документ предусматривает страхование аграрных хозяйств от катастрофических рисков, в том числе, полной гибели урожая, значительного вынужденного убоя скота и других рисков. Согласно положениям закона, 50% страхового взноса по полису будет выплачивать аграрное хозяйство, а 50% премий страховщику будет выплачивать государство на основе заявления сельхозтоваропроизводителя. На государственную поддержку могут рассчитывать не только аграрные предприятия, специализирующиеся на посевах зерновых, но и производители многолетних культур и животноводы. Страховая сумма в договоре должна составлять не менее 80% стоимости урожая или животных. Объем бюджетных субсидий на страхование урожая стратегических культур будет рассчитываться на основании разработанных хозяйствами планов, которые утверждаются ежегодно не позднее 30 апреля. План направляется в уполномоченные органы субъектов РФ не позднее 1 августа предшествующего года и размещается на официальном сайте этого органа власти в Интернете. На основе предложений субъектов и объединения страховщиков формируется общий план сельхозстрахования. Не менее 5% в структуре тарифа предполагается направить на формирование гарантийных фондов, которые будут создаваться в рамках Национального объединения аграрных страховщиков. Страховые возмещения производителям сельхозкультур могут выплачиваться при недоборе урожая на 30% и более. Поправками в закон о развитии сельского хозяйства прописывается норма о том, что одним из условий предоставления субсидий бюджетам субъектов РФ по отдельным направлениям в сфере производства сельхозпродукции может устанавливаться наличие договора сельхозстрахования. Это положение не распространяется на сельскохозяйственные потребкооперативы. Документ вступил в силу 1 января 2012 года. Положения о господдержке по договорам страхования в отношении животных начали применяться с 1 января 2013 года. Нормы об осуществлении объединением страховщиков компенсационных выплат вступят в силу с 1 января 2014 года.

Тем не менее, наметившаяся в последнее время положительная тенденция в развитии сельхозстрахования с государственной поддержкой в России за последние пять лет, достигнутая за этот период степень его сформированности все еще не предоставляет возможности оценивать его как инструмент эффективно функционирующего института управления сельскохозяйственной сферой с перечнем возможностей, задействованных в зарубежной системе агрострахования.

Сельхозстрахование с государственной поддержкой является незначительным как в масштабах сельскохозяйственной сферы, так и всей страны в целом. Незначительный охват сельскохозяйственных товаропроизводителей говорит о том, что комплексная система страховой защиты сельскохозяйственных товаропроизводителей, фактически, отсутствует в рамках всей сферы аграрного производства и на территории России. Причин у сложившегося положения множество.

Во-первых, в настоящее время сельскохозяйственное страхование охватывает только растениеводческую область и, фактически, не затрагивает животноводство, аквакультуру, не распространено на имущество сельскохозяйственных товаропроизводителей, составляющее основные средства производства, и, тем самым, не обладает комплексностью в защите от всевозможных рисков в сельскохозпроизводстве.

Во-вторых, зачастую прямые и косвеные издержки сельскохозяйственных товаропроизводителей на агрострахование становятся для многих из них неподъемными, несмотря на предоставляемые суммы господдержки.

В-третьих, в настоящее время отсутствуют единые схемы и правила оценки нанесенного ущерба и расчета произведенных убытков на основе проведения экспертизы с участием профессиональных независимых оценщиков, что приводит к возникновению множества «серых» схем в системе агрострахования и демотивирует потенциальных клиентов.

В-четвертых, очень часто возникают проблемы с дублированием источников компенсации ущерба от катастрофических рисков сельскохозяйственным товаропроизводителям, что приводит к неэффективному использованию системы агрострахования как главного финансово-экономического института, компенсирующего ущерб от катастрофических рисков.

В-пятых, в настоящий момент отсутствуют общегосударственные подходы к осуществлению агрострахования с господдержкой и комплексная система сельскохозяйственного перестрахования, что влечет за собой региональную кумуляцию убытков и рисков и, в результате, приводит к значительной дифференциации тарифов страхования на различных территориях страны, являющейся одной из определяющих причин, тормозящих как развитие всей системы страхования, в целом, так и выполнение региональной политики поддержания сельскохозяйственного сектора и его отдельных подотраслей. Высокая концентрация рынка страхования в руках у небольшого количества страховых компаний, сочетающаяся с незначительной степенью конкуренции между ними, еще больше усложняет данную проблему.

В-шестых, крайне низкий уровень знаний сельскохозяйственных товаропроизводителей о преимуществах агрострахования и незначительная степень информационной поддержки агрострахования со стороны государства также ограничивают возможность более широкого распространения сельхозстрахования с государственной поддержкой.

Вследствие этого, в настоящее время агрострахование в России продолжает оставаться второстепенным сегментом рынка, тогда как в Европе и США финансовый оборот любой из ведущих страховых компаний равен обороту всего рынка страхования в России, а в области страхования занято до 10% трудоспособного населения. В России же застраховано не более 10% возможных рисков (Adamuyk и IOndamues, 2011).

Таким образом, основными перспективными задачами дальнейшего развития страхования в отрасли АПК являются:

- определение законом системы сельхозстрахования и его основных условий, которые должны быть зафиксированы на длительную перспективу. Законом должны определяться объемы бюджетных обязательств государства в отношении субсидирования сельскохозяйственного страхования, они должны безусловно исполняться в полном объеме и в установленные законом сроки с учетом сезонной специфики сельскохозяйственного производства;
- дифференциация размеров страховых тарифов, набора сельхозкультур, принимаемых на страхование, с учетом зональных условий сельхозпроизводства;
- комплексное и системное субсидирование из бюджета страхования урожая для обеспечения надежной страховой защиты сельских товаропроизводителей, то есть страхованию должен подлежать урожай всех сельскохозяйственных культур на всей площади посева как единый объект страхования;
- создание федеральных и межрегиональных фондов страховых резервов, для обеспечения страховых выплат в годы с аномальными погодными условиями, использование которых должно осуществляться целевым назначением по установленным законом правилам;
- осуществление поддержки сельхозстрахования по принципу разделения

затрат (например, федерация — 50%, регион — 25-30%, страхователь 20-25%). Доля ответственности страховщика не должна превышать 70-80% от страховой стоимости урожая, а остальная часть ответственности должна лежать непосредственно на сельскохозяйственном товаропроизводителе.

разработка новых программ, в том числе, комплексного (пакетного) характера. Комплексное страхование объединяет риски, которые возникают в процессе материально-технического обеспечения хозяйств, их производственной и маркетинговой деятельности, банковского кредитования и позволяет максимально эффективно ими управлять. Кроме того, это приводит к снижению общих затрат на агрострахование и, в совокупности, способствует синхронизации финансово-экономического механизма управления агропромышленным производством.

Спрос на страховые услуги является главной причиной, которая тормозит развитие российского рынка страхования, что тесно связано со спецификой функционирования отечественной экономики, которая негативно влияет на уровень платежеспособности агрострахователей.

По сей день не определено положение, функции и место государства и страховщиков в отечественной экономике, нет ясной концепции развития системы российского агрострахования.

Именно поэтому главной целью госрегулирования в страховой сфере должно быть формирование надежных и равноправных взаимоотношений между поставщиками и потребителями страховых услуг, способных обеспечивать взаимовыгодное сотрудничество между ними.

Необходимо полностью изменить институты и процедуры взаимодействия между участниками страхового рынка и условия их практического применения. При этом государство должно выступать в качестве основного института, который формировал бы приемлемые условия функционирования агрострахового рынка и создавал основные стимулы к этому, а страховые компании выступали бы в качестве основного субъекта воспроизводства страховых отношений.

Таким образом, только в случае серьезной модернизации рынка страхования можно создать выгодные условия для создания принципиально новой системы страховых взаимоотношений в России, которые будут ориентированы, прежде всего, на расширение объемов добровольного страхования. Однако увеличение объемов добровольного страхования не должно быть следствием преобразования системы обязательного страхования и должно быть основано на решении собственных задач, имеющих четкое научное обоснование.

Стержнем качественной трансформации всей российской системы страхования должна быть глубокая научная разработка и последовательная реализация целого комплекса мер, которые были бы направлены на повышение активности сельхозтоваропроизводителей в сфере страхования путем модернизации всей системы страхового рынка, в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aдамчук Н. Г. и IОлдашев Р. Т. (2011). Обзор страховых рынков ведущих стран мира. М.: Анкил.

Государственная поддержка фермеров в развитых странах. (http://www.iimp.kz).

Калан Дж. Система сельскохозяйственного страхования в США: презентация на международной конференции по сельскохозяйственному страхованию в Мадриде. (http://www.agroinsurance.com).

Субсидии по сельскохозяйственному страхованию в EC. (http://www.agroinsurance.com).

Федеральный закон от 25 июля 2011 года № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страховании и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства».

Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Российская газета. № 6245. 11 января 2006.

Шинкаренко Р. Международная практика государственного регулирования и лицензирования рынка агрострахования. (http://www.agroinsurance.com).

REFERENCES

Adamchuk N. G. and *Yuldashev R. T.* (2011). Review of the insurance markets of the leading countries of the world. Moscow, Ankil Publ. (In Russian).

The State Support of Farmers in the Developed Countries. (http://www.iimp.kz). (In Russian).

Kalan Dzh. System of agricultural insurance in the USA: Presentation at the International Conference on Agricultural Insurance in Madrid. (http://www.agroinsurance.com). (In Russian).

Subsidies on Agricultural Insurance in EU. (http://www.agroinsurance.com). (In Russian).

The Federal Law of July 25, 2011 no. 260-FZ "About the State Support in the Sphere Agricultural Insurance and about Modification of the Federal Law "About Agriculture Development". (In Russian).

The Federal Law of December 29, 2006 no. 264-FZ "About Agriculture Development". *Russian Newspaper*, no. 6245. January 11, 2006. (In Russian).

Shinkarenko R. International practice of state regulation and licensing of the agroinsurance market. (http://www.agroinsurance.com). (In Russian).

www.hjournal.ru

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ - ИМПЕРАТИВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОВЧИННИКОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ovn@aaanet.ru

КЕТОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ovn@aaanet.ru

ЛЫСОЧЕНКО АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА,

доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: alla44@yandex.ru

В статье обеспечение продовольственной безопасности России и её регионов (на примере Ростовской области) рассматривается с позиции экологического императива – рационального природопользования в аграрной сфере как условия производства валеологически безопасных продуктов питания и обеспечения благоприятной среды жизнедеятельности людей.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; рациональное природопользование; экологизация; население; доступность; достаточность и безопасность продовольствия; агропродовольственный комплекс.

ECOLOGIZATION OF AGRICULTURAL NATURE MANAGEMENT AS THE FOOD SECURITY IMPERATIVE

OVCHINNIKOV VIKTOR, N.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: ovn@aaanet.ru

KETOVA NATALYA, P.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: ovn@aaanet.ru

LYSOCHENKO ALLA, A.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: alla44@yandex.ru Food security in Russia and its regions (on the example of the Rostov region) is considered in the paper from the position of environmental imperative - rational nature management in the agrarian sector as a condition for production of valeologically safe food and providing an environment which is conducive to human livelihood.

Keywords: food security; rational nature management ecologization; population; accessibility; sufficiency and safety of food; agriculture.

JEL: Q50.

Обеспечение продовольственной безопасности является важнейшим звеном в цепи мер гарантированно-нормального существования социума и многоаспектной макроэкономической проблемой. Эта многоплановость связана с эффективностью общественного производства, уровнем и дифференциацией доходов населения, сохранением экологически чистой природной среды как условия валеологической безопасности продуктов питания и благоприятности ноосферы жизнедеятельности людей.

Продовольственная безопасность включает три аспекта: количественный (степень реализации текущей потребности в продуктах сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности), качественный (удовлетворение потребности в качественных и безопасных для здоровья продуктах питания), социально-экономический (рост доходов населения, обеспечивающий доступ всех уровне населения продовольствию воспроизводственного к на жизнеобеспечения). Первый аспект проектируется на сферу воспроизводства материальных ценностей, второй – на сферу воспроизводства природных ресурсов и экологических благ, а третий – на сферу воспроизводства экономических отношений, гарантирующих реальную доступность экологически чистых и валеологически безопасных продуктов питания как категорического воспроизводственного императива жизнеобеспечения человека.

Рассматривая сферу воспроизводства материальных ценностей, необходимо отметить, что на обеспечение населения страны продуктами питания ориентировано решение практически всех проблем функционирования её агропромышленного комплекса. Агропромышленный комплекс является основным производителем жизненно важных продуктов, в своем большинстве невоспроизводимых в других отраслях, и использует для этой цели такие специфические средства производства, как землю, культурные растения и продуктивных животных.

Экономические связи в системе АПК, в связи с этим, можно рассматривать отношения по поводу природно-ресурсного обеспечения производства сельскохозяйственной продукции, её переработки и реализации. В этой связи становится актуальным вопрос обеспечения продовольственной безопасности в условиях рационального управления природопользованием, т.е. в принятии наиболее целесообразных решений в использовании природных ресурсов экосистем на основе единства экологического и экономического подходов для обеспечения потребности населения В валеологически безопасных продуктах безопасной сельскохозяйственного производства экологически и среде жизнедеятельности.

Основная угроза обеспечению продовольственной безопасности в сфере воспроизводства материальных ценностей — снижение производства сельскохозяйственной продукции в связи с рисками высокой вероятности неблагоприятных погодных условий и недостаточно эффективной проводимой агроэкономической политикой в регионах.

Существенный ущерб от природно-метеорологических аномалий в сфере агропромышленного комплекса отрицательно влияет на результаты экономической деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и снижает инвестиционную привлекательность аграрной сферы. Необходимо отметить, что

экономические экстерналии природных бедствий не сводятся только к ущербу от них, больших затрат требуют создание государственных, муниципальных, корпоративных систем противодействия бедствиям, обеспечение функционирования этих систем, в том числе их оснащение и оплата труда работников, меры по предотвращению бедствий и снижению возможного ущерба.

К управлению и развитию агропромышленного комплекса целесообразно применять воспроизводственный подход, ориентированный на удовлетворение текущей и перспективной потребности населения в безопасных для здоровья, качественных продуктах питания сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности, а в его формате рассматривать обеспечение безопасности социума в сфере воспроизводства экологических благ.

Здесь необходимо отметить, что в сфере АПК имеют место экологические риски - фактором загрязнения окружающей среды все больше становится ситуация с утилизацией твердых производственных и бытовых отходов, вывоз строительного мусора из городов на сельскохозяйственные угодья, овраги и неиспользуемые земли. В результате происходит возгорание мусора с выделением ядовитых газов. Продукты разложения твердых отходов смываются осадками, неочищенные сточные воды от канализационных стоков сбрасываются в открытые водоемы, тем самым увеличивая загрязнение атмосферы, воды и почвы, что наносит значительный экологический ущерб природохозяйственной системы.

По мере усложнения экономической и экологической обстановки в России качество сельскохозяйственного сырья и продуктов питания за последние годы по многим показателям ухудшилось. Так, в ряде регионов страны остро стоит проблема загрязненности пищевых продуктов микотоксинами, уровень которых достигает 18%. Известны случаи отравлений, связанные с появлением большого количества особо опасных канцерогенных микотоксинов в недоброкачественных продуктах переработки зерновых, арахиса, подсолнечника, в плодоовощной продукции.

Главная причина снижения качества зерна — вынужденный отказ товаропроизводителей от основных элементов интенсивной технологии возделывания пшеницы; несоблюдение сроков выполнения агротехнических приемов, что приводит к ухудшению фитосанитарного состояния посевов; отсутствие предварительной оценки качества зерна и формирования семенного фонда повышенного качества.

Что касается плодоовощной продукции, то за последние годы ассортимент и виды овощных и плодовых культур существенно обновились, но их питательные, пищевкусовые и технологические свойства улучшились незначительно, а в ряде случаев — ухудшились. В плодоовощном сырье стало заметно меньше витаминов и других биологически активных веществ.

Наряду с ухудшением технологических свойств и снижением питательной ценности, понижается экологическая безопасность продуктов питания. Нарушение регламентов применения пестицидов и использование устаревших технологий приводят к тому, что в ряде территорий при исследовании проб пищевых продуктов все чаще отмечается повышенное содержание пестицидов. Также в последние годы продовольственное сырье и продукты питания не отвечают гигиеническим нормативам по содержанию тяжелых металлов.

Уровень загрязнения продуктов питания резко возрастает в зонах с неблагоприятной экологической обстановкой. Особенно неблагополучная ситуация складывается в зонах с высоким промышленным загрязнением.

несоблюдение Важнейшими причинами такой ситуации являются экологических (санитарно-эпидемиологических) норм И несовершенство базы стандартизации, которая существующей не отвечает современным требованиям с позиции гарантии безопасности продукции, защиты интересов потребителя. В условиях нерегулируемого рынка значительная часть продукции проходит мимо контроля. Существующая система санитарно-гигиенического мониторинга не охватывает всего комплекса «производство-переработка – хранение продажа». При анализе готовой продукции не учитывается, в каких условиях она произведена, какими пестицидами обработана.

В России отсутствует действенная система материального стимулирования производства экологичных продуктов питания (субсидий, льготных кредитов, налоговых льгот).

Главная конечная цель сельскохозяйственного производства - снабжение перерабатывающей и пищевой промышленности высококачественным сырьем, а населения - валеологически безопасной продукцией, употребляемой в натуральном виде.

Основное назначение пищевой и перерабатывающей промышленности заключается в выработке безопасных для здоровья продуктов питания в требуемых количествах и в достаточном ассортименте, обеспечивающем все основные группы населения с учетом национального, возрастного и полового состава, состояния здоровья, регионального размещения и условий труда.

В последние годы на предприятия перерабатывающих отраслей промышленности поступает сырье, не отвечающее современным требованиям. Так, на переработку направляется большое количество низкокачественного зерна с пониженным со-держанием белка и клейковины и низким ее качеством. В 60-100% объема производимого в отдельных зонах зерна содержатся микотоксины. В овощах и фруктах уменьшается содержание сухих и полезных минеральных веществ, сокращается доля крахмала в картофеле, сахара в сахарной свекле.

Аналогичная картина наблюдается в производстве сырья животного происхождения. Из животноводческих комплексов на мясокомбинаты поступают поголовья свиней и молодняка крупного рогатого скота, мясо которых имеет дефекты, соответственно, из него нельзя получить высококачественные мясные продукты. Нередко на переработку поставляют больной и тощий скот, низкокачественное молоко, содержащее недопустимое количество микроорганизмов, в том числе, болезнетворных. Из года в год в выработанном молоке уменьшается содержание белка и жира.

Неудовлетворительные условия хранения сырья и его транспортировки являются причиной больших его потерь (например, потери зерна составляют 25-30%, картофеля — 30-50%). Кроме того, в сырье значительно уменьшается содержание полезных компонентов.

Важной проблемой для агропромышленного комплекса является проблема ввоза и использования в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности генетически модифицированных организмов. Доказательством масштабов опасности их применения служат затраты 15% ВВП на здравоохранение в США, где значительная часть этих средств направляется на борьбу с последствиями массового ожирения от усиленного потребления пищи, в которой содержатся аминокислоты, производимые генетически модифицированными организмами. В Российской Федерации затраты на здравоохранение составляют около 5% ВВП, однако использование генетически модифицированных организмов может ухудшить состояние здоровья населения страны.

Экологичное природопользование способствует сохранению природоресурсного потенциала и здоровья человека, экономному использованию природных ресурсов и обеспечению эффективного режима их воспроизводства. Однако современные производственные технологии не дают возможности полного сохранения природоресурсного потенциала, лишь приближаются в отдельных случаях к этому оптимуму.

Основные задачи Доктрины продовольственной безопасности России в области производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия направлены на повышение почвенного плодородия и урожайности, расширение посевов сельскохозяйственных культур за счет неиспользуемых пахотных земель, реконструкцию и строительство мелиоративных систем; ускоренное развитие животноводства; расширение и более интенсивное

использование потенциала водных биологических ресурсов и новых технологий их индустриального выращивания; создание новых технологий глубокой и комплексной переработки продовольственного сырья, методов хранения и транспортировки сельскохозяйственной и рыбной продукции; увеличение темпов структурно-технологической модернизации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, воспроизводства природно-экологического потенциала и др. Т.е. задачи Доктрины обеспечения продовольственной безопасности составлены с учетом экологичного природопользования.

Что касается достижения показателей, установленных Доктриной продовольственной безопасности России, то в 2013 году доля собственного производства зерна составила 98,5% (превышение порогового значения Доктрины на 3,5 процентных пункта), картофеля — 97,6% (превышение порогового значения Доктрины на 2,6 процентных пункта), сахара — 85,6% (превышение порогового значения Доктрины на 5,6 процентных пункта), растительного масла — 81,5% (превышение порогового значения Доктрины на 1,5 процентных пункта), молока - 77,1% (на 12,9 процентных пункта ниже порогового значения Доктрины), мяса - 77,4% (на 7,6 процентных пункта ниже порогового значения Доктрины).

С учетом императива локализации ресурсообеспечения, производства и сбыта агропродовольственной продукции на региональном уровне оценим обеспечение продовольственной безопасности в условиях экологичного природопользования на примере Ростовской области.

Ростовская область относится к группе субъектов Российской Федерации с развитыми индустриальным и агропромышленным комплексами.

Доля АПК Ростовской области — 4,3% в валовой продукции сельского хозяйства страны. В 2013 году валовой региональный продукт составил 913,9 млрд. рублей, по сравнению с предыдущим годом вырос на 3,5%.

Результат работы донского аграрного сектора - это практически 19% в общем объёме валового регионального продукта. В общероссийском объеме производства зерна удельный вес Ростовской области в 2013 году составил 7% (3 место в России), подсолнечника – 8% (5 место), овощей – 4% (5 место).

В сфере животноводства область находится в десятке ведущих регионов страны. По производству яиц область занимает 2-е место в Российской Федерации и 1-е в Южном федеральном округе, молока - 5-е место в Российской Федерации и 2-е в Южном федеральном округе, мяса — 8-е в Российской Федерации и 2-е в Южном федеральном округе.

Предприятия донского региона выпускают разнообразную товарную номенклатуру пищевой продукции, занимая по отдельным видам весомые позиции как в Южном Федеральном округе, так и в целом по России. Среди субъектов Южного Федерального округа область находится на втором месте по производству хлеба и хлебобулочных изделий, растительного масла, мяса, колбасных изделий, на третьем месте по выпуску цельномолочной продукции.

Ростовская область имеет значительные преимущества по сравнению с другими регионами:

- индекс уровня обеспеченности земельными ресурсами составляет 2,28. В России на одного жителя приходится 1,44 га сельскохозяйственных угодий и 0,87 пахотных земель, что почти в 1,5 раза меньше, чем в Ростовской области;
- производство валовой сельхозпродукции на 1 га пашни в области в 2013 году составило 29,5 тыс. руб.;
- за 2013 год уровень самообеспечения достигнут по зерну, подсолнечнику, картофелю, овощам. Коэффициент самообеспечения яйцами составил 96,2%, мясом 66,0%, молоком 82,2%. Таким образом, показатели обеспеченности животноводческой продукцией в области ниже российских и установленных Доктриной продовольственной безопасности.

2013 год был трудным для аграриев Ростовской области. На результаты работы отрасли повлияли неблагоприятные агрометеорологические условия и

кризисная ситуация группы компаний «Оптифуд». В итоге индекс производства сельскохозяйственной продукции составил 98,4%. Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур составил 6,7 млн. тонн, что превышает уровень 2012 года более, чем на 413 тыс. тонн. Намолочено семян подсолнечника 814,2 тыс. тонн (100,8% к уровню 2012 года). По сравнению с 2012 годом собрано на 10% меньше овощей открытого грунта (605,1 тыс. тонн) и картофеля (360,6 тыс. тонн). Тем не менее, собранный объем урожая позволяет Ростовской области обеспечить жителей в полном объеме и реализовывать продукцию за пределы области.

Однако замедляются темпы развития животноводства. За 2013 год производство молока составило 1078,6 тыс. тонн (т.е. на уровне 2012 года), яиц получено 1889,4 млн. шт., что на 6% больше уровня 2012 года, производство мяса составило 300,2 тыс. тонн, или 84,8% к уровню 2012 года.

В пищевой и перерабатывающей промышленности по отношению к 2012 году снижено производство мяса птицы (на 47,6%), плодоовощных консервов (на 29,1%), цельномолочной продукции (на 2,3%). Увеличено производство муки (на 12,5%), крупы (на 30,7%), масла сливочного (на 85,9%), колбасных изделий (3,8%), масла подсолнечного нерафинированного (1,9%).

В современной экономике темпы развития агробизнеса и меры обеспечения продовольственной безопасности обусловлены государственным регулированием и осуществляются в рамках основных мероприятий Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. Кроме того, государственная поддержка предприятий аграрной сферы области осуществлялась в рамках программных мероприятий Областной долгосрочной целевой программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Ростовской области на 2010-2014 годы и продолжена в формате государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», предусматривающая период реализации 2014-2020 годы.

На реализацию всех направлений Государственной программы в области в рамках существующей системы господдержки в 2013 году направлено сельхозтоваропроизводителям 8,7 млрд. руб. (в т.ч. из федерального бюджета -6.5 млрд. руб., из областного -2.2 млрд. руб.). Из них, на развитие животноводства -0.9 млрд. руб., растениеводства -2.5 млрд. руб., на возмещение процентных ставок по кредитам -3.6 млрд. руб., на социальное развитие села -1 млрд. руб.

Государственная поддержка предоставлена 9354 сельскохозяйственным товаропроизводителям по 61 направлению. На рубль затрат сельхозтоваропроизводителей господдержка составила 8,4 копейки.

Из общего объема средств, предусмотренных на поддержку растениеводства, 72% направлено на оказание несвязанной поддержки в области растениеводства. Мероприятие направлено на возмещение части затрат на проведение комплекса агротехнологических работ, повышение уровня экологической безопасности сельскохозяйственного производства, повышение плодородия и качества почв в расчете на 1 гектар посевной площади сельскохозяйственных культур. Данные средства сельхозтоваропроизводители направляли на выполнение агротехнологических работ: приобретение минеральных удобрений, горючесмазочных материалов, средств защиты растений. В среднем на 1 га по Ростовской области выплачено 615 рублей, по России - 500,9 рублей. Однако, затраты на 1 га пашни, в целом, при производстве растениеводческой продукции составили 12 тыс. рублей, в том числе, на подготовку и сев 1 га пашни — 2,1 тыс. рублей.

В области проводилась стимулирующая политика по развитию молочного скотоводства. На приобретение племенного скота молочного направления за счет средств областного бюджета направлено 96,2 млн. рублей. Сельскохозяйственными организациями приобретено 1627 голов племенного скота. В результате, к концу года область получит прибавку в производстве молока в размере 7,5 тыс. тонн.

Создано 20 семейных животноводческих ферм, получили поддержку на развитие 93 начинающих фермера.

В целом, в 2013 году обеспечено потребление населением области в расчете на душу населения мяса на уровне 70,9 кг (норма - 70 кг), яиц - 322,4 шт. (норма - 260 шт.). Потребление молочной продукции на душу населения пока ниже нормы - 279,4 кг (норма - 320 кг).

Обследование потребительского рынка в 2013 году показало представленность донских производителей на прилавках: крупы -60-86%; муки -61%; мяса -43%; масла подсолнечного -47%; молока -19%. Это свидетельствует о конкурентоспособности донских производителей.

В 2013 году в целях повышения мотивации областных товаропроизводителей, особенно предприятий АПК, к повышению качества и конкурентоспособности производимых товаров, в Ростовской области внедрена Система добровольной сертификации «Сделано на Дону», зарегистрированная Росстандартом России и внесенная в Единый реестр зарегистрированных систем добровольной сертификации Российской Федерации.

В январе 2014 года в г. Берлине на международной выставке «Зеленая неделя-2014» тринадцать донских предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности приняли участие в дегустационном конкурсе «Безопасность и качество сельскохозяйственной продукции и продовольствия». В результате продовольственная продукция Ростовской области была отмечена 23 золотыми медалями, одной серебряной и одной бронзовой наградой.

Однако необходимо отметить, что предприятия области перерабатывают только 25% молока, 57% мяса, 14% зерновых культур, 100% подсолнечника, 15% плодоовощной продукции, произведенных донскими аграриями. Чтобы выигрывать в условиях работы по правилам Всемирной торговой организации, необходимо производить ещё более конкурентоспособную продукцию. Для этого необходимо проводить техническую и технологическую модернизацию агропромышленного комплекса области.

Только внедряя новые сорта, ресурсо- и энергосберегающие технологии, передовые научные разработки, можно решать задачи по повышению конкурентоспособности производимой сельхозпродукции, отвечать на вызовы возросшего дефицита продовольствия на мировом рынке. Все это, безусловно, требует обеспечения отраслей сельского хозяйства высококвалифицированным кадровым составом.

Результаты социального мониторинга в виде анкетирования руководителей сельскохозяйственных организаций и предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности Ростовской области по выявлению проблемных ситуаций в связи с присоединением России к ВТО показал, что основными проблемами в АПК являются:

- повышение цен на энергоносители, удобрения, семена, ГСМ;
- снижение закупочных цен на производимую продукцию;
- исключение из государственной поддержки субсидий на приобретение минеральных удобрений и льготное топливо.

Ограничивают конкурентоспособность отечественной продукции на российском рынке:

- высокая закредитованность сельхозтоваропроизводителей;
- низкий уровень используемых технологий при производстве сельскохозяйственной продукции;
- недостаток навыков современной продажи и маркетинга сельскохозяйственных товаров;
- высокие транспортные издержки и недостаточно развитая сеть реализации сельхозпродукции.

Также предприятия в числе данных факторов указали высокие процентные ставки по кредитам в Российской Федерации, не позволяющие конкурировать с

иностранными производителями, проблематичность реализации продукции через крупные розничные сети, отсутствие гарантированной, устойчивой сырьевой базы, отсутствие квалифицированных кадров.

При этом в основном все сельхозтоваропроизводители оценили уровень государственной поддержки в условиях ВТО как низкий.

Причинами ограничения конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке, по мнению субъектов АПК, являются: недостаточная эффективность государственных механизмов поддержки сельскохозяйственного экспорта, высокие транспортные издержки, недостаток перерабатывающих мощностей, высокие заградительные пошлины на внешних рынках, недостаток навыков современной продажи и маркетинга сельскохозяйственных товаров, недостаточная информация O рынках, слабо развитая инфраструктура экспорта сельхозпродукции, неспособность соответствовать строгим санитарным и фитосанитарным нормам в импортируемых странах, недостаточно развитая транспортная инфраструктура экспорта сельскохозяйственной продукции, низкое качество продукции, дефицит аккредитованных сертификационных центров и лабораторий в Российской Федерации.

Из 56 опрошенных предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности Ростовской области только 4 организации занимаются внешнеэкономической деятельностью. Экспортируются кондитерские изделия, замороженное мясо, подсолнечное масло рафинированное дезодорированное, а также лимонады и питьевая вода.

Из 380 опрошенных сельскохозяйственных организаций Ростовской области внешнеэкономической деятельностью занимаются только 10 предприятий. Экспортируемые товары: пшеница продовольственная, ячмень, кукуруза, лен, ядохимикаты.

Большинство организаций отметили, что они не получили никаких преимуществ от присоединения России к ВТО.

К вопросам в области государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства, требующим дополнительного изучения, они отнесли: снижение стоимости сельскохозяйственной техники, ГСМ, минеральных удобрений для сельхозпроизводителей, а также процентной ставки по кредитам.

Действительно, очень важной проблемой для адаптации сельхозорганизаций остается низкая прибыльность сельхозтоваропроизводителей. Так, за 2013 год сельхозтоваропроизводители получили 1,8 млрд. рублей прибыли или 39% к уровню 2012 года. Доля убыточных организаций увеличилась до 21,6% (в 2012 год доля составляла 13,5%). Это влечет рост задолженности по кредитам.

В целом по России объем просроченных кредитов в сельском хозяйстве составляет 145 млрд. рублей, в Ростовской области — 3 млрд. руб. По итогам 2013 года задолженность сельхозтоваропроизводителей по заемным средствам составляет 80 млрд. рублей. Рост задолженности к уровню 2012 года составил около 14%. Из общей суммы задолженности краткосрочные кредиты и займы составляют 40%, сумма процентов по заемным средствам, уплачиваемых ежегодно, составляет свыше 10-12% от годовой выручки. Особо четко данная тенденция прослеживается в предприятиях, входящих в холдинги, а также реализующих инвестиционные проекты в животноводстве. До момента выхода на полную производственную мощность они испытывают недостаток оборотных средств, что приводит к нестабильной финансовой ситуации.

В целях повышения финансовой устойчивости сельхозтоваропроизводителей необходимо принятие нового федерального нормативного акта для проведения реструктуризации задолженности сельхозтоваропроизводителей перед кредитными учреждениями — в части предоставления отсрочки или рассрочки возврата кредитов на 15 лет.

Для повышения конкурентоспособности отечественной продукции и выравнивания условий деятельности с другими странами-участницами ВТО

необходима поддержка хозяйствующих субъектов со стороны государства в следующем:

- вести переговорные процессы, направленные на создание режима благоприятствования для экспортируемых товаров;
- проработать вопрос снижения процентных ставок по кредитам (средняя ставка по кредитам в России 12-15%, в странах других участников BTO 3 4%).

Учитывая ряд ограничений по объемам и применяемым механизмам государственной поддержки сельхозпроизводства, необходима корректировка мер государственной поддержки по направлениям с целью их адаптации к условиям отнесения к «зеленой корзине».

Однако, анализируя обеспеченность продовольственной безопасности области в сфере материального обеспечения, можно отметить, что производственно-экономический потенциал области обеспечивает достаточный объем продовольствия. Основные проблемы остаются в сфере воспроизводства экологических благ.

Экологическая ситуация в Ростовской области, как и в Российской Федерации, характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности.

В Ростовской области более 1,5 млн. жителей проживают в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха. Объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенных, остается высоким. Сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота. Опустыниванием в той или иной мере охвачены восточные районы Ростовской области. Количество отходов, которые не вовлекаются во вторичный хозяйственный оборот, а направляются на размещение, возрастает. При этом условия хранения и захоронения отходов не соответствуют требованиям экологической безопасности.

В Ростовской области разработана стратегия сохранения окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области на период до 2020 г., она является документом, определяющим основные направления, приоритетные задачи государственной политики Ростовской области в целях улучшения состояния окружающей среды.

Проблема продовольственной безопасности на рынке тесно связана с технологиями производства продовольствия и наличием информации о безопасности продукта. С точки зрения экономической теории благосостояния, проблема безопасности и качества продовольствия относится к числу специфических черт функционирования аграрного рынка, обусловливающих его равновесие в Паретонеэффективном состоянии. Это, в свою очередь, является экономической основой необходимости государственной политики поддержки аграрной сферы и возможности перераспределения финансовых ресурсов общества на ее развитие.

Таким образом, для обеспечения продовольственной безопасности необходима поддержка в сфере обеспечения качества и безопасности продуктов питания, включающая:

- развитие фундаментальных и прикладных научных исследований в области биотехнологических способов получения и медико-биологической оценки качества и безопасности новых видов источника пищи и ингредиентов;
- широкое внедрение образовательных программ по проблемам здорового питания с привлечением средств массовой информации;
- финансовую поддержку производства экологичных продуктов питания (субсидии, льготные кредиты);
- установление налоговых льгот для предприятий, выпускающих экологические безопасные продукты питания и вкладывающих свои средства в техническое переоснащение производства на основе внедрения инновационных технологий, обеспечивающих выпуск экологически чистой продукции;

 введение штрафов за экологически «опасную» продукцию, налоги на экологически небезопасные технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

 ${\it Лысоченко}$ А. А. (2008). Продовольственная безопасность региона: воспроизводственная концепция. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ.

Лысоченко А. А. (2013). Риск-менеджмент в агропромышленном комплексе: Монография. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век».

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области. (http://www.don-agro.ru – Дата обращения: 17.05.2014).

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. (http://www.mcx.ru – Дата обращения: 17.05.2014).

Овчинников В. Н. и Лысоченко А. А. (2013). Позиционирование южнороссийских регионов в формате глобализационых императивов присоединения России к ВТО: обеспечение продовольственной безопасности // *Terra Economicus*, Т. 11, № 1, Ч. 2, с. 113-118.

Официальный портал Правительства Ростовской области. (http://www.donland.ru – Дата обращения: 10.05.2014).

Постановление Правительства PO от 25.09.2013 № 592 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». (http://www.consultant.ru — Дата обращения: 04.05.2014).

Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (http://www.consultant.ru – Дата обращения: 04.05.2014).

REFERENCES

Lysochenko A. A. (2008). Food security in the region: reproductive concept. Rostov-on-Don, Publ. House of SFU. (In Russian).

Lysochenko A. A. (2013). Risk management in the agricultural sector: Monograph. Rostov-on-Don, Publ. House "Assistance - XXI Century". (In Russian).

Ministry of Agriculture and Food of the Rostov Region. (http://www.don-agro.ru - Access Date: 17.05.2014). (In Russian).

Ministry of Agriculture of the Russian Federation. (http://www.mcx.ru - Access Date: 17.05.2014). (In Russian).

Ovchinnikov V. N. and Lysochenko A. A. (2013). Positioning southern Russian regions in the format of globalization imperatives of Russian accession to the WTO: ensuring food security. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 1, part 2, pp. 113-118. (In Russian).

Government of the Rostov Region. (http://www.donland.ru - Access Date: 10.05.2014). (In Russian).

Resolution of the Government of the Rostov Region of 25.09.2013 № 592 "On Approval of the State Program of Rostov Region "Development of Agriculture and Regulation of Markets for Agricultural Products, Raw Materials and Food". (http://www.consultant.ru - Access Date: 04.05.2014). (In Russian).

Presidential Decree of 30.01.2010 № 120 "On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation» (http://www.consultant.ru - Access Date: 04.05.2014). (In Russian).

www.hjournal.ru

СИСТЕМНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ПРОИЗВОДСТВА МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ И ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ

ХОЛОДЕНКО АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и кибернетики, Одесский национальный морской университет, г. Одесса, Украина, e-mail: anathol@te.net.ua

СТЕПАНОК НИНА ЮРЬЕВНА,

младший научный сотрудник, Одесский национальный морской университет, г. Одесса, Украина, e-mail: gluk_@ukr.net

В работе построены и проанализированы экономико-математические модели системной оптимизации инвестиций в развитие сферы производства материальных благ и транспортной отрасли. Найдено оптимальное значение инвестиций в развитие сферы производства материальных благ в случае достаточного уровня развития транспортной отрасли и оптимальные значения инвестиций в развитие сферы производства материальных благ и транспортной отрасли в случае необходимости их системного развития. Выяснено, что в случае необходимости инвестирования в транспортную отрасль оптимальные инвестиции в развитие сферы производства материальных благ и оптимальный объем производства снижаются по сравнению с ситуацией, когда транспортные мощности были бы достаточно высокие с самого начала.

Установлено, что когда эффективность инвестиций в развитие сферы производства материальных благ выше, чем в транспортную отрасль, то при ее дальнейшем увеличении инвестиции в развитие сферы производства материальных благ снижаются. В случае же, когда эффективность инвестиций в транспортную отрасль выше, чем в развитие сферы производства материальных благ, то при ее дальнейшем увеличении инвестиции в транспортную отрасль снижаются.

Выяснено, что оптимальный объем инвестиций в развитие сферы производства материальных благ при повышении эффективности инвестиций в транспортную отрасль увеличивается всегда, что подтверждает стимулирующее действие роста транспортной отрасли на развитие сферы производства материальных благ национальной экономики.

Ключевые слова: инвестиции; транспортная отрасль; сфера производства материальных благ; оптимизация; экономико-математическая модель.

SYSTEM OPTIMIZATION OF INVESTMENTS INTO THE SPHERE OF MATERIAL GOODS PRODUCTION AND THE TRANSPORT BRANCH

KHOLODENKO ANATOLY, M.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory and Cybernetics», Odessa National Maritime University, Odessa, Ukraine, e-mail: anathol@te.net.ua

STEPANOK NINA, YU.,

Junior Research Scientist, Odessa National Maritime University, Odessa, Ukraine, e-mail: gluk_@ukr.net

In the paper the economic and mathematical models of system optimization of investments into the sphere of material goods production and the transport branch are built and analyzed. The optimal volume of investments in the development of the sphere of material goods production in the event of a sufficient level of development of the transport branch and the optimal volume of investments in the development of the sphere of material goods production and transport branch in case of necessity of their systematic development are found. In the case of need for investment in the transport branch, the optimal investment in the development of the sphere of material goods production and the optimal output are reduced compared to the situation when the transport capacity would be high enough from the beginning.

It is established that when the efficiency of investment in the development of the sphere of production of material goods is higher than in the transport branch, then while its further increase investment in the development of the sphere of material goods production are reduced. In the case when the efficiency of investment in the transport branch is higher than in the development of the sphere of material goods production, then while its further increase investment in the transport branch are reduced.

It is found that the optimal investment in the development of the sphere of material goods production while increasing the efficiency of investment in the transport branch always increases, which confirms the growth stimulatory effect of the transport branch at the development of material production of the national economy.

Keywords: investments; transport branch; sphere of material goods production; optimization; the economic and mathematical model.

JEL: C61, E27, R42.

Современная рыночная экономика не означает «абсолютной свободы» экономических сил, которые направляются «невидимой рукой» совершенной конкуренции, все чаще в каждой сфере экономики применяются механизмы государственного регулирования, которые помогают устранить противоречия и дисбалансы экономических процессов, решить проблемы макроэкономического характера, построить долгосрочные планы развития национальной экономики и разработать основные стратегии экономической политики.

Необходимым условием развития современной экономики является инвестирование. Следует отметить, что инвестиционная деятельность приводит к структурным сдвигам в экономике в результате изменения объемов спроса и предложения, поэтому нерациональные инвестиционные проекты могут привести к дисбалансам в национальной экономике. А значит, чем больше объемы инвестиционных вложений, тем выше цена ошибки, с одной стороны, и выше сложность нахождения оптимальных решений, с другой стороны.

Поэтому для разработки целесообразной политики государственного регулирования актуальной является проблема определения объемов и направлений инвестирования в национальную экономику, в частности, с выделением ее отдельных секторов.

Инвестиции исследуют в различных аспектах, на разных уровнях экономического абстрагирования (*Шарп*, 2001). На микроэкономическом уровне на первый план выходят индивидуальные решения и результаты деятельности отдельных экономических единиц, состояние национальной экономики для них

является внешним фактором, влияющим на них экзогенно (*Фабоцци*, 2000). На макроэкономическом же уровне роль индивидуальных решений нивелируется, значение имеет общий результат совокупных действий определенного количества экономических единиц и их влияние на национальную экономику, однако часто при таком агрегировании теряются важные особенности функционирования отдельных элементов экономики.

Так, неоправданно, на наш взгляд, во многих макроэкономических моделях не рассматривается транспортный фактор, в то время как транспортная отрасль имеет стратегическое значение для национальной экономики, обслуживая все ее сектора. Тесная связь функционирования транспорта со всеми отраслями экономики и социальной сферы, необходимость эффективного транспортного обеспечения экстренных ситуаций, специфическая роль транспорта в системе обороны страны, которая во всех случаях контролируется государством, обуславливают необходимость государственного регулирования транспортного сектора.

Несовершенная транспортная отрасль может быть тем тормозом, который приостанавливает развитие других отраслей экономики, ведь в случае невозможности или нерациональности доставки товаров к потребителю теряется целесообразность их производства. Развитая же транспортная отрасль, наоборот, выступает акселератором, ускорителем экономического роста благодаря наличию открытых рынков, возможности выбора среди различных видов и условий доставки, транспортных тарифов.

Так, согласно интегральному логистическому рейтингу стран мира от Worldbank¹, на первых местах находятся наиболее экономически развитые страны — Сингапур, Германия, Нидерланды и др., в то время как Украина и Россия занимают 66 и 95 места соответственно, что указывает на необходимость особого внимания транспортной отрасли в наших странах.

Анализ, проведенный В. И. Якуниным (Якунин, Макаров, Бахтизин и Сулакшин, 2007), показывает, что вложение средств в транспортную инфраструктуру приводит к уменьшению инфляции, росту потребительского спроса и валового внутреннего продукта.

Таким образом, транспортная отрасль может быть как ограничением, сдерживающим рост инвестиций в другие отрасли, так и рычагом, способствующим их развитию. Следовательно, от состояния транспортной отрасли зависит целесообразность инвестирования в те или иные направления национальной экономики.

Масштабность и сложность рассматриваемой проблематики требует постановки задачи системной оптимизации инвестиций в сферу производства материальных благ и транспортную отрасль, решение которой возможно только в рамках соответствующих экономико-математических моделей.

Итак, целью данной статьи является построение и анализ экономикоматематических моделей системной оптимизации инвестиций в развитие сферы производства материальных благ и транспортную отрасль.

Рассмотрим сначала случай инвестирования в сферу производства продукции в предположении достаточного уровня развития транспортной отрасли (т.е. инвестиции в транспортную отрасль отсутствуют). Тогда модель оптимизации инвестиций в развитие сферы производства продукции будет иметь вид:

$$F = \sum_{t=0}^{T} \frac{d \cdot Q_1}{(1+R)^t} - I_1 \to \max_{I_1 \ge 0},$$
(1)

где F – чистая приведенная стоимость инвестиционного проекта развития сферы производства продукции; d – чистый доход от единицы изготовленных, доставленных и реализованных материальных благ; Q_1 – объем материальных благ;

¹ См.: Интегральный логистический рейтинг стран мира от Worldbank. (http://siteresources.worldbank.org/TRADE/ Resources/239070- 1336654966193/LPI 2012 rankings.pdf).

R — ставка дисконта; T — горизонт планирования; I_1 — величина инвестиций в сферу производства материальных благ.

С привлечением инвестиций объем производства будет расти, но все медленнее, поскольку эффективность дополнительных вложений постепенно снижается в силу действия закона убывающей производительности. Следовательно, функция будет монотонно возрастающей и выпуклой вверх; простейшей функцией, которая соответствует данным условиям, является (см. рис. 1):

$$Q_1 = Q_1^0 + c_1 \sqrt{I_1}, (2)$$

где c_1 — показатель эффективности инвестиций в развитие сферы производства материальных благ; Q_1^0 — базовое значение объема производства материальных благ в национальной экономике.

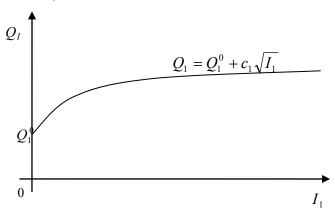

Рис. 1. Зависимость объема производства Q_1 от инвестиций в сферу производства материальных благ I_1 **Источник:** составлено авторами.

Обозначим дисконтирующий множитель как

$$\beta = \beta(R, T) = \sum_{t=0}^{T} \frac{1}{(1+R)^{t}}.$$
(3)

Для инвесторов ставка дисконта R представляет собой степень предпочтения ценности нынешних денег относительно будущих, чем она больше, тем меньше дисконтирующий множитель β , тем большее предпочтение отдается ценности нынешних денег по сравнению с будущими. С увеличением горизонта планирования инвестиционного проекта T дисконтирующий множитель $\beta(R,T)$ растет, но все медленнее, поскольку каждый следующий год будет иметь все меньшее значение с точки зрения текущего момента.

Таким образом, запишем (1), применяя все введенные зависимости:

$$F = \beta \cdot d \cdot Q_1 - I_1 = \beta \cdot d \left(Q_1^0 + c_1 \sqrt{I_1} \right) - I_1 \to \max_{I_1 \ge 0}.$$
(4)

Приравняв к нулю первую производную от (4), найдем оптимальное значение инвестиций в сферу производства материальных благ при условии достаточного уровня развития транспортной отрасли:

$$I_1^* = \left(\frac{\beta \cdot d \cdot c_1}{2}\right)^2. \tag{5}$$

Подставим (5) в (2) и найдем оптимальный объем производства материальных благ в национальной экономике:

$$Q_1^* = Q_1^0 + \frac{\beta \cdot d \cdot c_1^2}{2}.$$
 (6)

Анализируя (5), делаем вывод, что оптимальное значение инвестиций в сферу производства материальных благ возрастает с повышением показателя эффективности инвестиций c_1 , чистого дохода d и дисконтирующего множителя β , причем все быстрее, пропорционально квадрату этих величин. Из (6) видим, что прирост объема производства материальных благ в национальной экономики также пропорционален квадрату показателя эффективности инвестиций c_1 , но по чистому доходу d и дисконтирующему множителю β растет уже линейно.

Если $Q_1^* \leq Q_2^0$, где Q_2^0 – базовое значение состояния транспортной отрасли, то задача решена.

Рассмотрим теперь ситуацию, когда сфера производства материальных благ имеет потенциал к развитию, но несоответствующее состояние транспортной отрасли, недостаточность ее пропускной способности сдерживает это развитие, ограничивает его, а значит необходимо совместное инвестирование и в развитие сферы производства материальных благ, и в расширение пропускной способности транспортной отрасли.

В результате привлечения инвестиций в транспортную отрасль ее пропускная способность Q_2 будет расти, но все медленнее, поскольку возможности улучшения состояния транспортной отрасли будут постепенно исчерпываться, поэтому функция Q_2 будет монотонно возрастающей и выпуклой вверх (см. рис. 2):

$$Q_2 = Q_2^0 + c_2 \sqrt{I_2}, (7)$$

где c_2 — показатель эффективности инвестиций в транспортную отрасль.

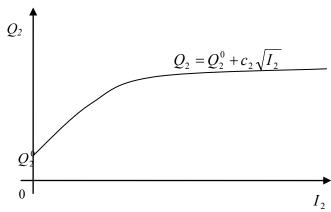

Рис. 2. Зависимость пропускной способности транспортной отрясли Q_2 от инвестиций в ее развитие I_2

Источник: составлено авторами.

Отметим, что транспорт выполняет одновременно две функции, с одной стороны, обеспечивает доставку продукции на рынок, без чего она бы вообще не была реализована, а, с другой стороны, не увеличивает количество продукции, но повышает ее стоимость на рынке (т.е. включается в d) и увеличивает валовой внутренний продукт национальной экономики.

Таким образом, рассмотрим модель системной оптимизации инвестирования, как в развитие сферы производства материальных благ, так и в расширение пропускной способности транспортной отрасли:

$$F = \beta \cdot d \cdot Q_1 - I_1 - I_2 \longrightarrow \max_{I_1, I_2 \ge 0}$$
(8)

$$Q_1 \leq Q_2$$

где I_2 – инвестиции в транспортную отрасль.

Для нахождения оптимального решения задачи (8) построим функцию Лагранжа

$$F(I_1, I_2, \lambda) = \beta \cdot d \cdot Q_1 - I_1 - I_2 + \lambda (Q_2 - Q_1) \longrightarrow \max_{I_1, I_2, \lambda \ge 0}.$$
(9)

Подставим (2) и (7) в (9) и запишем функцию Лагранжа в развернутом виде:

$$F(I_{1}, I_{2}, \lambda) = \beta \cdot d \cdot \left(Q_{1}^{0} + c_{1}\sqrt{I_{1}}\right) - I_{1} - I_{2} + \lambda \left(Q_{2}^{0} + c_{2}\sqrt{I_{2}} - Q_{1}^{0} - c_{1}\sqrt{I_{1}}\right) \rightarrow \max_{I_{1}I_{2}, \lambda \geq 0}.$$

Приравняем к нулю все три ее частные производные

$$F'_{I_1} = \frac{\beta \cdot d \cdot c_1}{2\sqrt{I_1}} - 1 - \frac{\lambda c_1}{2\sqrt{I_1}} = 0,$$
(10)

$$F'_{I_2} = -1 + \frac{\lambda c_2}{2\sqrt{I_2}} = 0, \tag{11}$$

$$F_{\lambda}' = Q_2^0 + c_2 \sqrt{I_2} - Q_1^0 - c_1 \sqrt{I_1} = 0.$$
 (12)

Решим эту систему с тремя неизвестными $I_1,\,I_2,\,\lambda$: из (10) получаем

$$\sqrt{I_1} = \frac{(\beta d - \lambda)c_1}{2} \tag{13}$$

из (11) имеем

$$\sqrt{I_2} = \frac{\lambda c_2}{2} \tag{14}$$

подставим теперь (13) и (14) в (12):

$$F_{\lambda}' = Q_2^0 + \frac{\lambda c_2^2}{2} - Q_1^0 - \frac{(\beta d - \lambda)_1^2}{2} = 0,$$
(15)

отсюда

$$\lambda = \frac{\beta dc_1^2 + 2(Q_1^0 - Q_2^0)}{c_1^2 + c_2^2},\tag{16}$$

подставляем (16) в (13) и (14), получаем

$$\sqrt{I_{1}} = \frac{\left(\beta d - \frac{\beta dc_{1}^{2} + 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)}{c_{1}^{2} + c_{2}^{2}}\right)c_{1}}{2} = \frac{\left(\beta dc_{2}^{2} - 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)\right)c_{1}}{2\left(c_{1}^{2} + c_{2}^{2}\right)}, \tag{17}$$

$$\sqrt{I_2} = \frac{\left(\beta dc_1^2 + 2\left(Q_1^0 - Q_2^0\right)\right)_2}{2\left(c_1^2 + c_2^2\right)}$$
(18)

и находим оптимальные значения инвестиций

$$I_{1}^{*} = \left(\frac{\left(\beta dc_{2}^{2} - 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)\right)_{1}}{2\left(c_{1}^{2} + c_{2}^{2}\right)}\right)^{2},\tag{19}$$

$$I_{2}^{*} = \left(\frac{\left(\beta dc_{1}^{2} + 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)\right)_{2}}{2\left(c_{1}^{2} + c_{2}^{2}\right)}\right)^{2}.$$
(20)

Интересно, что на полученные оптимальные значения инвестиций в развитие сферы производства материальных благ и в транспортную отрасль влияют оба коэффициента эффективности инвестиций в соответствующие направления. Выясним, как именно они воздействуют на инвестирование. Для этого рассмотрим сначала производную от выражения оптимальной величины инвестиций в развитие сферы производства материальных благ (19) по коэффициенту эффективности инвестиций с1.

$$\begin{pmatrix}
\mathbf{I}_{1}^{*} \mathbf{j}_{c_{1}} = \left(\frac{2c_{1} \left(\beta dc_{2}^{2} - 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)\right)}{2\left(c_{1}^{2} + c_{2}^{2}\right)}\right) \cdot \left(\frac{\left(\beta dc_{2}^{2} - 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)\right) 2\left(c_{1}^{2} + c_{2}^{2}\right) - 4c_{1}^{2} \left(\beta dc_{2}^{2} - 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)\right)}{4\left(c_{1}^{2} + c_{2}^{2}\right)}\right) = \frac{c_{1} \left(\beta dc_{2}^{2} - 2\left(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}\right)\right) \cdot \left(c_{2}^{2} - c_{1}^{2}\right)}{2\left(c_{1}^{2} + c_{2}^{2}\right)},$$
(21)

Видим, что отрицательность или положительность (21) зависит от соотношения коэффициентов эффективности инвестиций, а именно

$$\begin{pmatrix} I_1^* \\ I_2^* \end{pmatrix}_{c_1} = \frac{c_1 \left(\beta d c_2^2 - 2 \left(Q_1^0 - Q_2^0 \right) \right) \cdot \left(c_2^2 - c_1^2 \right)}{2 \left(c_1^2 + c_2^2 \right)} > 0$$
 при $c_2 > c_1$, тогда I_1^* возрастает по c_1 ,
$$\begin{pmatrix} I_1^* \\ I_2^* \end{pmatrix}_{c_1} = \frac{c_1 \left(\beta d c_2^2 - 2 \left(Q_1^0 - Q_2^0 \right) \right) \cdot \left(c_2^2 - c_1^2 \right)}{2 \left(c_1^2 + c_2^2 \right)} < 0$$

Таким образом, если эффективность инвестиций в развитие сферы производства материальных благ c_1 выше, чем в транспортную отрасль c_2 , то при ее (c_1) дальнейшем увеличении инвестиций в развитие сферы производства материальных благ снижаются, а если ниже - то растут.

при $c_2 < c_1$, тогда I_1^* убывает по c_1 .

Определим и влияние показателя эффективности инвестиций в транспортную отрасль c_2 на оптимальный объем инвестиций в развитие сферы производства материальных благ, для этого возьмем соответствующую частную производную:

$$(I_1^*) c_2 = \frac{c_1^2 c_2 (\beta d c_1^2 + 2 (Q_1^0 - Q_2^0)) (\beta d c_2^2 - 2 (Q_1^0 - Q_2^0))}{4 (c_1^2 + c_2^2)} = \frac{c_1 \sqrt{I_2} \sqrt{I_1}}{c_1^2 + c_2^2} > 0$$
(22)

Тем самым, оптимальный объем инвестиций в развитие сферы производства материальных благ при повышении эффективности инвестиций в транспортную отрасль c_2 увеличивается всегда, что подтверждает стимулирующее воздействие роста транспортной отрасли на развитие сферы производства материальных благ.

Рассмотрим теперь воздействие показателя эффективности инвестиций в транспортную отрасль c_2 на оптимальный объем инвестиций в соответствующее направление, для чего возьмем производную от выражения оптимальной величины инвестиций в транспортную отрасль (20) по коэффициенту эффективности инвестиций c_2 :

$$(c_2^*)_{c_2} = \frac{c_2 (\beta dc_1^2 + 2(Q_1^0 - Q_2^0)) \cdot (c_1^2 - c_2^2)}{2(c_1^2 + c_2^2)}.$$
(23)

Отрицательность или положительность (23) зависит от соотношения коэффициентов эффективности инвестиций, а именно

Таким образом, если эффективность инвестиций в транспортную отрасль c_2 выше, чем в развитие сферы производства материальных благ c_1 , то при ее (c_2) дальнейшем увеличении инвестиции в транспортную отрасль снижаются, а если ниже — то растут.

Определим теперь влияние показателя эффективности инвестиций в развитие сферы производства материальных благ c_1 на оптимальный объем инвестиций в транспортную отрасль, для этого возьмем соответствующую частную производную:

$$(I_2^*)_{c_1} = \frac{c_2^2 c_1 (\beta d c_1^2 + 2 (Q_1^0 - Q_2^0)) (\beta d c_2^2 - 2 (Q_1^0 - Q_2^0))}{4 (c_1^2 + c_2^2)} = \frac{c_2 \sqrt{I_2} \sqrt{I_1}}{c_1^2 + c_2^2} > 0$$
(24)

Следовательно, развитие сферы производства материальных благ в условиях $\overline{Q}_1^* > Q_2^0$, где \overline{Q}_1^* — оптимальный объем производства материальных благ в национальной экономике, требует соответствующего роста пропускной способности транспортной отрасли.

Подставим теперь (19) и (20) в (2) и найдем оптимальный объем производства материальных благ в национальной экономике:

$$\overline{Q}_{1}^{*} = Q_{1}^{0} + \frac{(\beta dc_{2}^{2} - 2(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0}))_{1}^{2}}{2(c_{1}^{2} + c_{2}^{2})} = \frac{\beta dc_{2}^{2} + 2c_{1}^{2}Q_{2}^{0} + 2c_{2}^{2}Q_{1}^{0}}{(c_{1}^{2} + c_{2}^{2})},$$
(25)

сравним (25) с оптимальным объемом производства материальных благ в национальной экономике при отсутствии инвестиций в транспортную отрасль (6):

$$Q_{1}^{*} - \overline{Q}_{1}^{*} = \frac{1}{2} \cdot \left(\beta dc_{1}^{2} - \frac{c_{1}^{2}}{c_{1}^{2} + c_{2}^{2}} (\beta dc_{2}^{2} - 2(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0})) \right) =$$

$$= \frac{c_{1}^{2}}{2(c_{1}^{2} + c_{2}^{2})} (\beta dc_{1}^{2} + 2(Q_{1}^{0} - Q_{2}^{0})) > 0,$$
(26)

при $I_2>0$. Следовательно, в случае необходимости инвестирования в транспортную отрасль оптимальные инвестиции в развитие сферы производства материальных благ и оптимальный объем производства снижаются по сравнению с ситуацией, когда транспортные мощности были бы достаточно высоки изначально.

Таким образом, построены экономико-математические модели системной оптимизации инвестиций в развитие сферы производства материальных благ и транспортную отрасль, которые позволяют находить оптимальные величины соответствующих инвестиций и производства материальных благ, а также установить влияние соотношения показателей эффективности инвестиций по направлениям на сравнительную статику оптимальных величин инвестиций. Полученные результаты дают возможность рационально строить стратегии государственного регулирования инвестиционной деятельности с учетом уровня развития национальной экономики.

В дальнейших исследованиях предполагается выделение в транспортной отрасли двух составляющих — транспортной инфраструктуры и подвижного состава, с последующей оптимизацией инвестиций уже по трем взаимосвязанным направлениям.

JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики) ● Tom 5, №2. 2014

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Интегральный логистический рейтинг стран мира от Worldbank. (http://siteresources.worldbank.org/TRADE/Resources/239070-1336654966193/LPI_2012_rankings.pdf - Дата обращения: 24.02.2014).

Фабоцци Ф. (2000). Управление инвестициями. М.: Инфра-М.

Шарп У., Александер Г. и Бэйли Дж. (2001). Инвестиции. М.: Инфра-М.

Якунин В. И., Макаров В. Л., Бахтизин А. Р. и Сулакшин С. С. (2007). Государственная инвестиционная политика на транспорте и ее последствия # Вестник Российской Академии Наук, № 6, с. 483-497.

REFERENCES

Integrated Logistics Ranking of Countries from the WorldBank. (http://siteresources.worldbank.org/TRADE/Resources/239070-1336654966193/LPI_2012_rankings.pdf - Access Date: 24.02.2014). (In Russian).

 $Fabozzi\ F.$ (2000). Investment management. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian). $Sharpe\ W.$, $Alexander\ G.$ and $Bailey\ J.$ (2001). Investments. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian).

Yakunin V., Makarov V., Bakhtizin A. and Sulakshin S. (2007). Public investment policy in transport and its implications. Herald of the Russian Academy of Sciences, no. 6, pp. 483-497. (In Russian).

www.hjournal.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВО-МОНЕТАРНОЙ ТРАНСМИССИИ

АЛИМПИЕВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Университет экономики и права «KPOK», г. Киев, e-mail: ealimp@gmail.com

В статье предложена методика расчета месячных значений показателя ВВП Украины, которые необходимы для анализа финансово-монетарной трансмиссии, но в последние годы не предоставляются официальной статистикой. Получение показателя ВВП в месячном разрезе дает возможность увеличить количество статистических наблюдений макроэкономических показателей.

Ключевые слова: финансово-монетарная трансмиссия; модели векторной авторегрессии (ВАР); объем розничного товарооборота; объем реализованной промышленной продукции.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF MODELING THE FINANCIAL AND MONETARY TRANSMISSION

ALIMPIEV EUGENE, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory», University of Economics and Law "KROK", Kiev, e-mail: ealimp@gmail.com

The author proposes a calculating method of monthly values of the GDP of Ukraine. They are necessary for the analysis of financial-monetary transmission, but have not been provided by official statistics in recent years. Getting GDP values on a monthly basis allows to increase the number of statistical observations of macroeconomic indicators.

Keywords: financial and monetary transmission; vector autoregression models (VAR); retail sales; volume of industrial output.

JEL: C35, E63.

В последнее время исследования экономистов-специалистов в сфере финансово-монетарного регулирования сосредоточенны на углубленном изучении трансмиссионных механизмов, благодаря которым экономика страны реагирует на определенные инструменты экономической политики. Поэтому особенно актуально изучение сложных многошаговых процессов, в результате которых влияние отдельных финансовых и монетарных инструментов передается показателям реального сектора экономики, в частности, выпуску, темпу инфляции, уровню потребления, реальной заработной плате и т.п. Изучение механизма финансовомонетарной трансмиссии дает возможность объяснить реакцию экономики на меры государственного регулирования даже тогда, когда эта реакция является противоречивой.

Основным инструментом экономико-математического анализа финансовомонетарной трансмиссии выступают эконометрические модели векторной

авторегрессии — VAR-модели (Комков, 2011). В моделях этого типа, исходя из теоретических предположений относительно природы экономических процессов, задается только набор переменных, тогда как конечная спецификация модели определяется эмпирически и на ее основе устанавливаются эмпирические связи относительно реакции макроэкономических переменных на шоки экономической политики.

Применению моделей векторной авторегрессии в анализе финансовомонетарной трансмиссии и, в частности, вопросам получения и подготовки статистических данных для использования в VAR-моделях уделено значительное внимание в работах российских экономистов: С. Дробишевского, К. Корищенко, Г. Кузьмичева, С. Синельникова-Мурылева, Э. Синельниковой, П. Трунина и других.

Существующий опыт моделирования финансово-монетарной трансмиссии в российской экономике подтверждает наличие потребности в месячных наблюдениях показателя ВВП. Так, российский экономист К. Корищенко отмечает, что, в отличие от моделирования трансмиссионного механизма по макроэкономическим данным развитых стран, в России приходится пользоваться месячными показателями через недостаточное количество квартальных наблюдений. При этом, показатель ВВП в месячном выражении российской статистикой не предоставляется. В работе Корищенко используется переход от квартальных наблюдений к месячным на основе технологии восстановления данных (Корищенко, 2006). К сожалению, методика восстановления данных не приводится, тем не менее понятно, что основой выступают имеющиеся квартальные значения ВВП.

В работе группы ученых С. Дробишевского, С. Синельникова-Мурылева, Г. Кузьмичева и других при подготовке данных для моделирования трансмиссионного механизма в российской экономике предложен подход использования показателя-заменителя ВВП. Наилучшими из показателей-заменителей с доступной месячной статистикой были определены индекс промышленного производства и показатель располагаемых реальных доходов населения. Динамика этих показателей значительно коррелирует с динамикой показателя ВВП — коэффициент корреляции составляет 0,9 (Дробышевский, 2010). В моделировании был использован индекс промышленного производства. Индекс промышленного производства используется как показатель-заменитель ВВП и в других работах российских ученых (Дробышевский, Трунин и Каменских, 2008).

Построение модели векторной авторегрессии предусматривает включение в нее широкого круга переменных, по крайней мере, на первых шагах моделирования. При этом, количество переменных, что могут быть включены в модель без потери качества моделирования должно подчиняться общему правилу: чем больше переменных в модели, тем больше должно быть наблюдений или длиннее временные ряды данных.

Особенно актуальной проблема недостаточного количества наблюдений является для "молодых" экономик, к которым принадлежит Украина. Так, максимальное количество годовых наблюдений макроэкономических показателей, начиная с 1992-го года — года обретения независимости ограничивается 20-тью значениями. Максимальное количество квартальных наблюдений — 80-тью значениями. Кроме того, через многочисленные изменения в методиках статистических расчетов, денежные реформы, которые предусматривали изменение национальной валюты и т.п., максимальное количество наблюдений по большинству макроэкономических показателей является недоступным. Поэтому для обеспечения приемлемого количества переменных целесообразным видится использование месячных данных макроэкономической статистики.

Цель работы состоит в получении методики расчета месячных значений показателя ВВП с высоким уровнем достоверности, достаточным для использования в моделях типа векторной авторегрессии (VAR-моделях), которые используются при изучении финансово-монетарной трансмиссии в Украине.

Данные статистики, которые используются при исследовании финансово-

монетарной трансмиссии с помощью VAR-моделей, можно поделить на три группы:

- показатели монетарной политики;
- показатели финансовой политики;
- показатели реального сектора.

Основным показателем, который характеризует экономическую деятельность в реальном секторе, является показатель ВВП. Тем не менее, как официальными, так и независимыми источниками статистики в Украине, месячные значения ВВП не публикуются, начиная с 2009 года.

Для самостоятельного получения месячных значений показателя ВВП может быть применено два принципиально разных подхода в зависимости от исходных данных, которые используются. Первый подход состоит в использовании имеющихся значений ВВП — месячных и квартальных для восстановления отсутствующих месячных наблюдений. Второй подход предусматривает использование показателей-заменителей ВВП.

Первый подход основывается на использовании имеющихся значений показателя ВВП Украины, который можно найти в открытом доступе за разные временные периоды и в разных форматах (см. табл. 1).

Таблица 1 Доступные форматы показателя ВВП Украины за период 1990-2012 гг.

Период	ВВП номинальный, грн.		ВВП реальный, грн.		Изменение номинального ВВП, %		Изменение реального ВВП, %		Дефлятор ВВП						
	MM*	кк	гг	мм	кк	ГГ	MM	кк	гг	MM	кк	гг	MM	кк	ГГ
1990-1992			+												
1992-1994		+	+		+	+			+			+		+	+
1994-1996	+	+	+		+	+			+			+		+	+
1996-1998	+	+	+		+	+			+	+	+	+		+	+
1998-2000	+	+	+		+	+			+	+	+	+		+	+
2000-2002	+	+	+	+	+	+				+	+	+	+	+	+
2002-2004	+	+	+							+	+	+		+	+
2004-2006	+	+	+							+	+	+		+	+
2006-2008	+	+	+							+	+	+	+	+	+
2008-2010	+/-	+	+								+	+		+	+
2010-2012		+	+								+	+		+	+

^{*} мм — месячные, кк — квартальные, гг — годовые показатели.

Источник: составлено автором на основе: (http://www.bank.gov.ua; http://www.ukrstat.gov.ua; http://www.imf.org).

Как видно из таблицы, месячные значения ВВП, начиная с 2009 года, не предоставляются статистикой ни в одном формате, т.е. номинальный ВВП не может быть вычислен самостоятельно, исходя из данных об изменении реального ВВП и значений дефлятора ВВП.

Получение временного ряда месячных значений ВВП возможно на основе имеющихся месячных и квартальных наблюдений двумя методами.

Метод 1 — простейший метод получения месячных значений ВВП. Он состоит в экстраполяции (продолжении ряда) имеющихся месячных значений ВВП за период 1996-2009 гг. Т.е. для получения значений каждого месяца будет использовано 14 наблюдений за предыдущие годы, что является достаточным.

Недостатком этого метода является сильная зависимость качества экстраполированных значений от горизонта экстраполяции. Показатели приемлемого качества можно получить лишь за несколько месяцев первого

прогнозного года. Далее, качество экстраполяции существенно ухудшается.

Тестирование этого метода на известных данных доказывает, что месячные значения ВВП, полученные путем помесячной экстраполяции, существенно отличаются от фактических: коэффициент вариации составляет более 10%.

Построение уравнения авторегрессии на основе месячных данных ВВП за известный период 1996-2009 гг. с дальнейшим расчетом прогнозных значений с помощью регрессоров является методом, подобным экстраполяции. Этот вариант также не дает возможности получить качественные результаты.

Метод 2 предусматривает выделение долей, которые представляют месячные значения в квартальных или годовых показателях.

Результаты расчетов указывают, что доля среднего (второго) месяца в каждом квартале за период 1996-2008 гг. (всего 56 наблюдений) составляла 0,32 с доверительным интервалом 0,0053 на 95% уровне значимости. Высокая стабильность доли среднего месяца в квартальных значениях ВВП дает возможность уменьшить количество неизвестных, приняв долю каждого второго месяца равной 0,32. Тогда среди неизвестных остаются значения долей первого и третьего месяцев квартала. Связь между этими долями можно определить с помощью уравнения парной регрессии по методу наименьших квадратов:

$$D1 = -1.1105 \times D3 + 0.7109$$
 $(R^2 = 0.93),$ (1)

где D1, D3 — доли 1-го и 3-го месяцев в кварталах.

Появляется возможность составить и решить систему двух уравнений с двумя неизвестными:

$$\begin{cases}
D1 + 0.32 + D3 = 1 \\
D1 = -1.1105 \times D3 + 0.7109
\end{cases}$$
(2)

Практическая ценность этого метода получения месячных значений ВВП оказалась низкой через значительные колебания долей 1-го и 3-го месяцев (см. рис. 1).

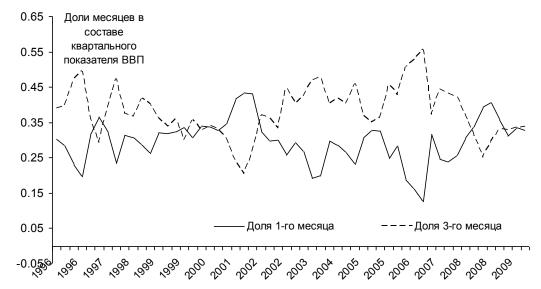

Рис. 1. Колебание долей 1-го и 3-го месяцев в составе квартальных показателей ВВП за период 1996-2009 гг.

Источник: составлено автором.

Второй подход, как отмечалось, основан на использовании показателейзаменителей ВВП. В широком толковании показателем-заменителем ВВП может быть любой показатель, который удовлетворяет таким условиям:

- 1) статистика показателя доступна в месячном разрезе в период 1996-2012 гг.;
- 2) методика расчета показателя была неизменной на протяжении всего исследуемого периода, по крайней мере, изменения методики не приводили к

разрыву или несовместимости данных временного ряда;

3) заменитель имеет сильную связь с показателем ВВП, что подтверждается высоким значением корреляции и высоким качеством уравнения регрессии. При этом связь показателя-заменителя с ВВП имеет экономическое обоснование.

Отечественная статистика предоставляет следующие показатели, которые характеризуют определенные составляющие ВВП в месячном разрезе:

- объем реализованной промышленной продукции;
- объем продукции сельского хозяйства;
- объем розничного товарооборота.

Значения парных корреляций указанных показателей с показателем ВВП на выборке месячных данных за период 2006-2009 гг. свидетельствуют, что наилучшая корреляция наблюдается между показателем ВВП и объемом розничного товарооборота, составляющая 0,82.

Таблица 2 Значения парных корреляций потенциальных показателей-заменителей ВВП с показателем ВВП на месячных данных за период 2006-2009 гг.

	ВВП номинальный, млн. грн.	Объем реализованной промышленной продукции, млн. грн.	Объем продукции сельского хозяйства, млн. грн.	Объем розничного товарооборота, млн. грн.
ВВП номинальный, млн. грн.	1.00	0.48	0.43	0.82
Объем реализованной промышленной продукции, млн. грн.	0.48	1.00	0.16	0.65
Объем продукции сельского хозяйства, млн. грн.	0.43	0.16	1.00	0.42
Объем розничного товарооборота, млн. грн.	0.82	0.65	0.42	1.00

Источник: рассчитано автором.

В табл. 3 приведено соответствие показателей трем выдвинутым условиям использования в качестве показателя-заменителя ВВП.

Таблица 3 Соответствие показателей условиям использования в качестве показателя-заменителя ВВП

Показатель	Соответствие условиям использования в качестве показателя-заменителя ВВП				
	условие 1	условие 2	условие 3		
Объем реализованной промышленной продукции, млн. грн.	+				
Объем продукции сельского хозяйства, млн. грн.	+	+			
Объем розничного товарооборота, млн. грн.	+	+	+		

Источник: рассчитано автором.

Как свидетельствуют данные таблицы, наилучшим показателемзаменителем ВВП может быть показатель объема розничного товарооборота.

В случае Украины мы не можем применить показатель объема реализованной промышленной продукции, по аналогии с российским опытом, поскольку значение корреляции данного показателя с ВВП слишком низко. Кроме того, методика расчета показателя объема реализованной промышленной продукции была существенно изменена в 2004 году, что привело к несовместимости данных до и после 2004 г. Это существенным образом сократило временной ряд показателя и снизило возможности верификации расчетов на его основе.

Применение метода наименьших квадратов дает возможность получить регрессионную зависимость месячного показателя ВВП от объема розничного товарооборота для периода 1996-2009 гг. за 168-ю наблюдениями:

$$BB\Pi = 4603 + 3.73*Товарооборот (R2=0,92)$$
 (3)

Несколько лучшую характеристику качества уравнения — ${\rm R}^2$ имеет степенная регрессионная зависимость:

$$BB\Pi = 13.96*Товарооборот 0.87$$
 (R²=0,94) (4)

Коэффициент детерминации R^2 указывает, что дисперсия значений показателя ВВП на 94% может быть объяснена дисперсией показателя розничного товарооборота.

В пользу зависимости ВВП от объема розничного товарооборота, а не наоборот, свидетельствует тест Грейнджера (см. табл. 4).

Таблица 4 Оценка причинно-следственной связи между ВВП и показателем объема розничного товарооборота с помощью теста Грейнджера

Исходная гипотеза (Н 0-гипотеза)	Количество наблюдений	F- статистика	Вероятность	
Объема розничного товарообороту не влияет на ВВП	166	50,9882	0,0000	
ВВП не влияет на объем розничного товарообороту	166	2,44137	0,0903	

Источник: рассчитано автором.

Результаты теста Грейнджера указывают на то, что объем розничного товарооборота не влияет на ВВП с нулевой вероятностью. Таким образом, может быть принята гипотеза, что объем розничного товарооборота может влиять на показатель ВВП.

Экономическое содержание установленной зависимости между ВВП и показателем объема розничного товарооборота может быть раскрыто при рассмотрении статистических методик расчета этих показателей.

По определению, розничный товарооборот является показателем, который характеризует объем товарной массы, которая перешла из сферы товарного обращения в сферу личного потребления. Иными словами, показатель товарооборота включает продажу товаров массового потребления и предоставление платных торговых услуг населению для удовлетворения личных нужд в обмен на его денежные доходы, или другим предприятиям — для дальнейшей переработки или продажи. Таким образом, значительная часть розничного товарооборота, за исключением экспорта, входит в состав показателя ВВП, что может быть причиной статистической связи между показателями и дает возможность использовать показатель розничного товарооборота для расчета заменителя месячных данных ВВП.

Для построения VAR-модели финансово-монетарной трансмиссии в экономике Украине за период 2006-2012 гг. были использованы такие данные в месячном формате:

 Y_t — объем ВВП за период, млн. грн. Месячные данные показателя ВВП в 2010-2012 гг. получены путем расчета по уравнению (4) с использованием показателя розничного товарооборота;

 P_{l} — Индекс изменения потребительских цен, % к соответствующему месяцу;

 $M0_t$ — денежный агрегат M0, остатки средств на конец периода, млн. грн.;

 $M3_t$ — денежный агрегат M3, остатки средств на конец периода, млн. грн.;

Средневзвешенные процентные ставки в национальной валюте, в годовом исчислении, %:

 CR_H_t — процентная ставка по кредитам домашним хозяйствам;

 CR_P_t — процентная ставка по кредитам нефинансовым корпорациям;

DR_H_t — процентная ставка по депозитам домашних хозяйств;

CR_P_t — процентная ставка по депозитам нефинансовых корпораций;

 E_t — официальный обменный курс гривны к доллару США, грн.;

 G_t — расходы консолидированного бюджета за период, млн. грн.;

 T_t — доходы консолидированного бюджета за период, млн. грн.

В матричном виде модель представлена уравнением:

$$\begin{pmatrix} Y_{t} \\ P_{t} \\ M0_{t} \\ M3_{t} \\ CR_H_{t} \\ DR_H_{t} \\ DR_P_{t} \\ G_{t} \\ T_{t} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} a_{10} \\ a_{20} \\ a_{30} \\ a_{40} \\ a_{50} \\ a_{60} \\ a_{70} \\ a_{80} \\ a_{100} \\ a_{110} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} a_{1p}(L) \\ a_{2p}(L) \\ a_{2p}(L) \\ a_{3p}(L) \\ a_{3p}(L) \\ a_{3p}(L) \\ a_{3p}(L) \\ a_{5p}(L) \\ a_{6p}(L) \\ a_{6p}(L) \\ a_{7p}(L) \\ a_{8p}(L) \\ a_{9p}(L) \\ a_{10p}(L) \\ a_{11p}(L) \end{pmatrix} \times \begin{pmatrix} Y_{t-p} \\ P_{t-p} \\ M0_{t-p} \\ M3_{t-p} \\ CR_H_{t-p} \\ CR_H_{t-p} \\ CR_P_{t-p} \\ DR_H_{t-p} \\ DR_P_{t-p} \\ E_{t-p} \\ G_{t-p} \\ E_{t-p} \\ G_{t-p} \\ T_{t-p} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} \varepsilon_{1t} \\ \varepsilon_{2t} \\ \varepsilon_{3t} \\ \varepsilon_{2t} \\ \varepsilon_{3t} \\ \varepsilon_{2t} \\ \varepsilon_{3t} \\ \varepsilon_{4t} \\ \varepsilon_{5t} \\ \varepsilon_{4t} \\ \varepsilon_{5t} \\ \varepsilon_{4t} \\ \varepsilon_{5t} \\ \varepsilon_{7t} \\ \varepsilon_{8t} \\ \varepsilon_{9t} \\ \varepsilon_{10t} \\ \varepsilon_{11t} \end{pmatrix}$$

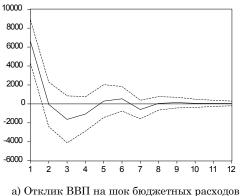
где $a_{ip}(L)$ — полином лагового оператора, где $j=1,\,2,\,\ldots\,,\,p$ — порядок модели; ε_{it} — вектор случайных величин.

Порядок модели (количество лагов) был выбран с помощью информационных критериев Акайка и Шварца и составляет 4 периода.

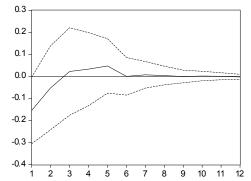
В результате моделирования финансово-монетарной трансмиссии получены функции импульсного отклика целевого показателя трансмиссии — ВВП на финансовые и монетарные шоки, в качестве которых выступают единичные среднеквадратичные отклонения инструментов финансовой и монетарной политики с полосой вариации шириной в две стандартных ошибки, что соответствует 95%-му доверительному интервалу.

На рис. 2 представлены функции импульсного отклика показателя ВВП и изменения уровня цен в ответ на шок бюджетных расходов.

График на рис. 2a) иллюстрирует резкое увеличение уровня выпуска по показателю ВВП в ответ на импульс государственных расходов. Тем не менее, низкая эффективность бюджетных расходов и, одновременно, вытеснение частных инвестиций дает непродолжительный позитивный эффект, который исчезает через два периода.

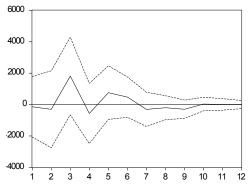
(5)

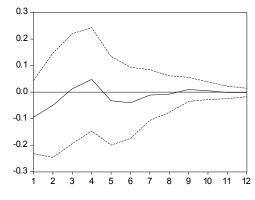
б) Отклик уровня цен на шок бюджетных расходов

Рис. 2. Функции импульсного отклика целевых показателей на шок расходов бюджета **Источник:** составлено автором.

Отклик уровня цен на шок государственных расходов (рис. 26) значительно меньше по амплитуде и продолжительности сравнительно с импульсным откликом ВВП: после начального снижения уровень цен постепенно возрастает. Рост общего уровня цен происходит с постепенным уменьшением скорости роста. Эффект расходов бюджета почти полностью исчезает через полгода.

На рис. 3 представлены функции импульсного отклика ВВП и уровня цен в ответ на шок монетарной политики.

- а) Отклик ВВП на шок агрегата M0
- б) Отклик уровня цен на шок агрегата M0

Рис. 3. Функции импульсного отклика целевых показателей на шок денежного агрегата M0 **Источник:** составлено автором.

Согласно функции импульсного отклика ВВП на шок денежной базы M0 (см. рис. 3а), положительный эффект монетарного импульса проявляется с лагом в два периода. Задержка отклика связана с тем, что сначала монетарный импульс распространяется в финансовом секторе и, лишь спустя время, передается в реальный сектор.

Как свидетельствует функция импульсного отклика уровня цен (рис. 36), в результате монетарного шока уровень цен несущественно уменьшается с дальнейшим ростом. Эффект монетарного шока длится восемь периодов и характеризуется общей тенденцией роста.

В результате проведенной работы была разработана и апробирована методика расчета месячных значений показателя номинального ВВП на основе показателя объема розничного товарооборота с коэффициентом детерминации 94%. По данной методике рассчитаны месячные значения показателя номинального ВВП за период 2010-2012 гг. С использованием последних была построена VAR-модель финансово-монетарной трансмиссии в Украине.

При построении VAR-моделей финансово-монетарной трансмиссии, использование месячного формата показателей открывает следующие возможности.

Во-первых, использование месячных данных дает возможность учесть краткосрочные колебания макроэкономических параметров, что является важным для относительно нестабильных экономик в состоянии трансформации, во-вторых, использование месячных данных дает возможность увеличить количество наблюдений, которые используются в расчетах, что само по себе повышает качественные характеристики эконометрических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Комков В. и Абакумова Ю. (2011). Трансформация механизма денежной трансмиссии в экономике Республики Беларусь // Банковский вестник, № 16, с. 14-20.

Корищенко К. Н. (2006). Денежная трансмиссия в России // Экономические науки, № 3 (16), с. 7-19.

 $Дробышевский С. М. (2010). Моделирование спроса на деньги в российской экономике в 1999–2008 гг. М.: ИЭПП, <math>144 \, \mathrm{c}.$

Дробышевский С. М., Трунин П. В. и Каменских М. В. (2008). Анализ трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики в российской экономике. М.: ИЭПП, 87 с.

(http://www.bank.gov.ua).

(http://www.ukrstat.gov.ua).

(http://www.imf.org).

REFERENCES

Komkov V. and Abakumova J. (2011). Transformation of the monetary transmission mechanism in the economy of the Republic of Belarus. Bank Bulletin, no. 16, pp. 14-20. (In Russian).

Korishchenko K. N. (2006). Monetary transmission in Russia. Economic Sciences, no. 3 (16), pp. 7-19. (In Russian).

Drobyshevsky S. M. (2010). Modeling the demand for money in the Russian economy in 1999-2008. Moscow, IET Publ., 144 p. (In Russian).

Drobyshevsky S. M., Trunin P. V. and *Kamenskih M. V.* (2008). Analysis of the transmission mechanisms of monetary policy in the Russian economy. Moscow, IET Publ., 87 p. (In Russian).

(http://www.bank.gov.ua).

(http://www.ukrstat.gov.ua).

(http://www.imf.org).

www.hjournal.ru

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА И РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: ОПТИМИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ¹

ОРЛОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА,

докторант, кандидат технических наук, доцент кафедры экономики предпринимательства. Уфимский государственный авиационный технический университет, г. Уфа, e-mail: ekorl@mail.ru

ИСМАГИЛОВА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА,

доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предпринимательства, Уфимский государственный авиационный технический университет, г. Уфа, e-mail: ismagilova_ugatu@mail.ru

Рассматривается проблема согласованного развития разноуровневых экономических систем: системы государства и реального сектора экономики. Предлагается инструментарий моделирования и управления налогообложением, позволяющим обеспечить наполняемость доходной части бюджета государства и способствующим экономическому росту и развитию субъектов налогообложения. Описана оптимизационная модель определения налоговых ставок для групп однородных предприятий реального сектора экономики и по видам налогов как основа формирования эффективной налоговой системы.

Ключевые слова: моделирование; согласованное управление; разноуровневые экономические системы; оптимизация налоговых ставок.

TAX SYSTEM AND REAL ECONOMIC SECTOR: INTERESTS **OPTIMIZATION**

ORLOVA EKATERINA, V.,

Candidate of Technical Sciences. Associate Professor of the Department "Economic of the Entrepreneurship", Ufa State Aviation Technical University, Ufa, e-mail: ekorl@mail.ru

ISMAGILOVA LARISA, A.,

Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department "Economic of the Entrepreneurship", Ufa State Aviation Technical University, Ufa, e-mail: ismagilova_ugatu@mail.ru

The problem of coordinated development of multilevel economic systems - tax system and real economy is considered in the paper. There is described the modeling and management tool that provide the states' budget revenues and contribute to economic growth and development of taxation subjects. A model for tax rates optimization by the taxation subjects groups as a basis for determine an efficient and competitive tax system of the economy is described.

 $^{^1}$ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-12-02000.

[©] Орлова Е. В., Исмагилова Л. А., 2014

Keywords: modeling; coordinated management; multilevel economic systems; optimization of tax rates.

JEL: C02, C61, H21.

Задачи моделирования и управления сложными, стохастическими, разноуровневыми экономическими системами — налоговой системы и реального сектора экономики, решение которых обеспечивает переход к системе обоснованного бюджетно-налогового планирования и прогнозирования, регулирования налоговой нагрузки предприятий с учетом изменений их экономических возможностей, являются актуальными и рассматриваются в данной работе.

1. Проблема согласованного развития налоговой системы и реального сектора экономики

Формирование эффективной налоговой системы должно базироваться на следующих принципах: системность, гибкость, социальная направленность. налогообложения обеспечивается Системность целостностью взаимообусловленностью функционирования всех структурных элементов налога. Системный подход к построению налоговой системы исключает также двойное обложение налогооблагаемых баз, нечеткость правовых механизмов распределения совокупной налоговой нагрузки по налогоплательщикам, видам деятельности, отраслям, регионам. Эластичность налоговой системы обеспечивается возможностью уточнять ставки налогов (например, ежегодно, но масштаб времени может быть изменен в зависимости от экономической ситуации) и проводить налоговую политику с учетом изменяющейся политической, экономической ситуации на основе законов, регулирующих экономические, финансовые, бюджетные, кредитные и другие формы отношений. Социальная направленность налоговой системы достигается созданием механизмов, регулирующих уровень региональных экономик и платежеспособность граждан.

Роль налоговой системы как инструмента экономической политики в последние годы в России возросла в связи с развитием негосударственного сектора экономики и сокращением прямого государственного регулирования (Антонова и Лившиц, 2013. С. 171). Темпы развития экономики государства в большой степени определяются существующим уровнем налоговых поступлений, на которые прямо влияет величина налоговой нагрузки и тот ее предельный уровень, который обеспечивается условиями действующих экономической, бюджетной и налоговой политик. Рост государственных расходов требует определенного увеличения доходов, а значит, и увеличения налоговой нагрузки на субъекты налогообложения. Однако такая тенденция не может быть бесконечной и существует предельный уровень, который объективно ограничивает рост налоговой нагрузки.

Налоговая система как инструмент государственного управления экономикой должна обеспечивать решение противоречивых и одновременно связанных между собой проблем. Это наполняемость государственного бюджета и обеспечение сбалансированности его доходной и расходной частей. Не менее существенная задача, стоящая перед налоговой системой, это рост эффективности производственно-экономической деятельности экономических субъектов, повышение качества жизни населения, создание условий для инновационного развития предприятий и роста инвестиционной привлекательности регионов (Исмагилова и Орлова, 2012. С. 310-311).

Перечисленные проблемы обуславливают необходимость создания системы управления налогообложением и регулирования налоговой нагрузки с учетом противоречивых интересов субъектов налогообложения (предприятий) и государства, позволяющей формировать обоснованные ставки налогов с учетом быстроизменяющихся, часто стохастических, факторов внешней и внутренней среды

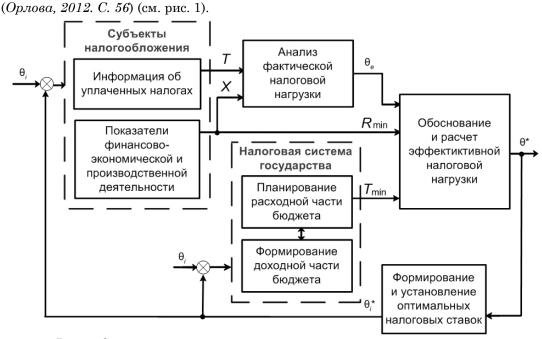

Рис. 1. Система управления налоговой нагрузкой и налоговыми ставками

Система управления, показанная на рис. 1, обеспечивает согласование экономических интересов предприятий как субъектов налогообложения, стремящихся уменьшить налоговое бремя, и налоговой системы государства, целями которой являются формирование в необходимом объеме налоговых доходов (фискальная функция) и стимулирование экономического роста и развития предприятий (стимулирующая функция). Методы и модели, встроенные в систему управления, должны обеспечить согласованное развитие этих двух подсистем, имеющих разнонаправленные цели. Для этого необходимо разработать оптимизационные механизмы, позволяющие выработать эффективные решения в области налоговой политики государства.

2. Анализ существующих моделей оптимального налогообложения

Анализ теоретических концепций и эмпирических исследований в области оптимального налогообложения показал следующие их особенности. Разработка механизмов оптимизации налогообложения на уровне экономик отдельных стран исходит из следующих предпосылок. Во-первых, такие механизмы должны обеспечить минимальный риск снижения макроэкономической эффективности в целом (темпов роста ВВП, индексов потребительских цен и др.). Во-вторых, должны быть установлены такие дифференцированные налоговые шкалы по конкретным объектам налогообложения, которые бы стимулировали развитие тех или иных производств. В-третьих, оптимальная налоговая систем должна удовлетворять противоречивым интересам представителей различных политических партий и течений.

В теории оптимального налогообложения формализация процедур принятия оптимальных решений предусматривает задание функции общественного благосостояния (Васин и Васина, 2002; Гольдберг и Юткина, 2000; Граборов, 2003). В определении понятия эффективности доминирующее положение занимает концепция Парето, в рамках которой желательными являются изменения, обеспечивающие рост благосостояния хотя бы одного экономического агента, одновременно не ухудшающие положение других агентов.

Идеи Парето-эффективности обусловили развитие научных исследований, в которых вопросы государственных финансов рассматриваются с позиции учета

функций полезности экономических агентов. Совместное рассмотрение таких функций полезности определяет набор точек многомерного пространства, общая размерность которого соответствует численности населения страны. Такие попытки применения концепции Парето-эффективности для формирования альтернативных вариантов решений в области налоговой политики порождают проблему многомерной (векторной) оптимизации. Высокая размерность и форма поверхности безразличия затрудняет реализацию вычислительных процедур по определению оптимальных налоговых решений.

При формировании такой функции безразличия рассматриваются два противоположных по своему содержанию и механизмам формирования оптимальных решений подхода (Орлова, 2012. С. 41-44). Первый подход бентамовский, или утилитарный, – восходит к принципам демократизма, когда оценка альтернативных решений в области налогообложения происходит с позиции членов общества. Экономические интересы всех граждан рассматриваются как равнозначные и представляются в виде полезности какого-то единственного представителя. В этом случае многомерная функция полезности может быть формализована в виде одномерной функции, поиск оптимальных решений по которой не представляет вычислительной сложности. В реальности же роли отдельных экономических агентов сильно отличаются в плане их значимости и участия в государственном управлении. В силу этих причин бентамовский подход не дает адекватных оценок в области планирования и реализации бюджетно-налоговой политики.

Второй подход — роулсианский, напротив, акцентирует внимание на превосходстве принципов социальной справедливости и равенства. Формирование оптимальных налоговых решений основано на максимизации благосостояния экономического агента, имеющего минимальные доходы. Решения в области бюджетно-налоговой политики принимаются исходя из выравнивания доходов экономических агентов, например, путем введения прогрессивных налоговых шкал по подоходному налогу, устанавливающему неравномерное изъятие части дохода, то есть богатые платят больше, чем бедные. Эмпирические модели нацелены в основном на решение отдельных налоговых проблем. Вопрос, насколько приведенные результаты соответствуют интересам большинства граждан, остается открытым.

Таким образом, использование концепции Парето-эффективности для решения проблем оптимального налогообложения является довольно спорным положением теории. Под сомнение ставится то, что индивидуумы будут согласны с сохранением своего благосостояния на каком-то определенном уровне при одновременном увеличении благосостояния других. Предполагается, что в условиях демократических выборов рациональный избиратель заинтересован в такой налоговой структуре, которая максимизирует его функцию полезности.

В модели, предложенной в (Граборов, 2003), в качестве критерия выступает мажоритарный критерий эффективности, наиболее полно соответствующий интересам большинства индивидуумов. Предлагается максимизировать суммарный доход всех работников предприятия при обеспечении наполнения бюджета заданной суммой налоговых поступлений. Однако эта модель имеет ряд ограничений по ее применению. Во-первых, в модели отсутствуют рыночные механизмы определения равновесной цены и соответствующих уровней спроса и предложения. Эти величины задаются экзогенно. Во-вторых, модель ограничена рассмотрением двух предприятий с однопродуктовым производством. Это также не позволяет использовать предлагаемые модели в условиях реальной экономики.

Существование множества альтернативных теорий и моделей оптимального налогообложения (Черхарова и Ованесян, 2013. С. 205) в значительной мере можно объяснить нерешенностью проблем совместного анализа процедур общественного выбора, критериев эффективности, моделей и методов макроэкономического регулирования.

Проведенный анализ показывает, что проблема оценки эффективности налоговых систем, а также разработки соответствующего инструментария поиска оптимальных решений в области бюджетно-налогового регулирования до сих пор остается не до конца разрешимой. Актуальность этой проблемы связана с необходимостью решать задачи налоговой оптимизации с позиций разных заинтересованных лиц — субъектов налогообложения как источника налоговых поступлений и государства как получателя налогов.

Необходимо заметить, что оценка эффективности системы налогообложения с точки зрения микроэкономических агентов — предприятий, организаций, физических лиц — не представляет научного интереса, так как, очевидно, что для них наилучшим налоговым решением является минимум всех сборов и обязательных платежей. Напротив, при оценке фискальной политики с позиции государства требуется поиск таких бюджетно-налоговых решений, которые обеспечат, с одной стороны, производственно-экономическую эффективность микроэкономических систем, а с другой, — требуемый уровень налоговых поступлений в бюджет. Здесь возникает явное противоречие интересов и критериев. Рост эффективности налоговой системы по одному критерию сопровождается снижением ее эффективности по второму критерию. Поэтому требуются новые механизмы поиска компромиссных решений.

современных теориях оптимального налогообложения Лаффера. Расчеты показателей эффективности распространена концепция решений базируются на рассмотрении функционала налоговых доходов государства в зависимости от налоговой нагрузки на экономику, который обычно представляет собой кривую второго порядка с характерным максимумом. Оценка эффективность налоговой системы осуществляется на основе построения точек Лаффера для конкретных видов налогов - налога на добавленную стоимость, налога на прибыль, единого социального налога, налога на имущество, подоходного налога и др. Вместе с тем концепция Лаффера аппелировала к понятиям совокупной налоговой нагрузки. При этом существенным недостатком расчетов применительно к агрегированным показателям является то, что заметно снижаются качественные различия между отдельными субъектами, а значит, оценки, полученные с помощью данных методов, не могут быть признаны удовлетворительными.

Разработанные нами модели используют логически непротиворечивую теорию Лаффера. Указанные выше недостатки мы попытались преодолеть с помощью моделирования и нахождения оптимальных оценок уровней налоговой нагрузки и ставок налогов применительно к однородным субъектам налогообложения.

3. Модель оптимизации налоговой системы

Предпосылки модели. Особенности задачи оптимизации налоговой нагрузки и ставок налогов заключается в том, что требуется рассматривать: 1) разнородные по производственно-экономическим, финансово-экономическим, организационным характеристикам предприятий реального сектора экономики (субъекты налогообложения); 2) различные условия функционирования схожих субъектов (предприятий одной отрасли); 3) субъекты, территориально находящиеся в разных регионах (муниципалитетах); 4) учитывать различные условия дифференциации налоговых отчислений.

Анализ эмпирических данных, описывающих динамику и структуру налоговых доходов, отраслевую принадлежность и общественную значимость ведущих предприятий регионального образования позволяет выявить проблемы, усложняющие решение указанной задачи. Таких проблем две: статистическая неоднородность данных и отсутствие сопоставимых данных за некоторый временной интервал. Обе эти проблемы имеют объективную природу и не могут игнорироваться при применении известных методов статистического анализа. Объективные сложности измерения социально-экономических показателей во времени

порождаются динамическими процессами развития систем, которые особенно заметны в переходный (посткризисный) период экономики. В условиях быстрых экономических и институциональных преобразований теряется статистическая однородность данных о деятельности экономических субъектов, становятся несопоставимыми условия получения данных и, как следствие, неточными оценки и прогнозы.

В связи с этим моделирование проводится в группах однородных предприятий (субъектов налогообложения), которые имеют схожую структуру налогооблагаемых баз, и находящиеся в примерно одинаковых условиях производственно-хозяйственной деятельности, а значит, имеющие похожие тенденции развития и финансово-экономический портрет.

Описание модели. В основе моделирования лежит предположение Лаффера о нелинейной связи объема производства X, отражаемого величиной валового выпуска продукции, с уровнем налоговой нагрузки θ . Для каждой группы однородных субъектов налогообложения строятся зависимости вида:

$$\theta = T/X \,, \tag{1}$$

где θ — налоговая нагрузка, T — величина налоговых поступлений; X — объем производимой продукции.

Будем полагать, что валовой выпуск продукции также нелинейно зависит от налоговой нагрузки (*Исмагилова* и *Орлова*, 2007. С. 115; *Орлова* и *Исмагилова*, 2013. С. 68). Эту зависимость будем называть производственной функцией, которую можно формализовать в виде полинома второй степени:

$$X(\theta) = a\theta^2 + b\theta, \tag{2}$$

тогда налоговая функции в соответствии с (1) имеет вид:

$$T(\theta) = a\theta^3 + b\theta^2. \tag{3}$$

Идентификация функций (2) и (3) позволяет найти точки Лаффера первого и второго рода. Точкой Лаффера первого рода будем называть такое значение налоговой нагрузки θ^* , которое обеспечивает локальный максимум производственной функции $X=X(\theta)$. При этом выполняются условия: $dX(\theta^*)/d\theta=0$; $d^2X(\theta^*)/d\theta^2\leq 0$. Налоговая нагрузка θ^{**} , при которой функция $T=T(\theta)$ достигает своего локального максимума, т.е. выполняются условия: $dT(\theta^{**})/d\theta=0$; $d^2T(\theta^{**})/d\theta^2\leq 0$, называется точкой Лаффера второго рода.

Содержательно точка Лаффера первого рода определяет тот предел совокупной налоговой нагрузки, при которой производственно-экономическая система не переходит в режим снижения производственно-экономической активности и спада объемов производства. Точка Лаффера второго рода показывает предел налоговой нагрузки, выше которого рост налоговых поступлений невозможен по объективным причинам, так как субъекты налогообложения не выдерживают настолько высокой налоговой нагрузки и переходят в режим уклонения от налогов.

Особенности исследуемых процессов состоят в том, что: во-первых, точки Лаффера, а также уровень фактической налоговой нагрузки являются не статичными, а изменяющимися, динамическими величинами; во-вторых, отсутствуют достаточно длинные статистические временные ряды, по которым можно идентифицировать налоговую и производственную функции. Поэтому для определения искомых параметров этих функций применяется метод точечной аппроксимации, при котором для каждой отчетной точки строятся функции с соответствующими значениями входящих в них параметров. Так как число параметров функций больше одного, то для их однозначной идентификации можно использовать информацию о динамике (приростах) переменных. Для этого используется дифференциалы функций. Так, для производственной функции дифференциал равен:

$$dX/d\theta = 2a\theta + b. \tag{4}$$

Система уравнений (2), (4) достаточна для оценки параметров a и b

производственной функции. Уравнение (2) воспроизводит статические свойства производственно-экономической системы, а уравнение (4) — динамические. В этом случае величина налогов полностью обусловлена активностью предприятий и существующим уровнем налоговой нагрузки. Решение системы (2) и (4) и их точки экстремума можно представить в виде:

$$b = \frac{2X}{\theta} - \frac{\Delta X}{\Delta \theta}, \quad a = \frac{\Delta X}{\theta * \Delta \theta} - \frac{X}{\theta^2}$$

тогда точки θ^* и θ^{**} можно определить исходя из соотношений:

$$\theta^* = \frac{-b}{2a}, \quad \theta^{**} = \frac{-2b}{3a}$$

Максимум объема производства X^* определяется значением $X^*=-b^2/4a$. Экстремальное значение налоговых поступлений T^{**} равно $T^{**}=4b^3/27a^2$.

Качественный анализ системы налогообложения требует рассмотрения следующих характеристик, отражающих разные уровни налоговой нагрузки: θ , θ^* , θ^{**} . Можно выделить три типа отношений между этими величинами, отражающими три зоны в области определения производственной и налоговой функций (см. рис. 2).

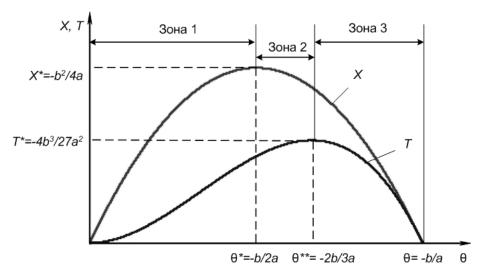

Рис. 2. Производственная и налоговая функции с точками экстремума

Зона $I-\theta<\theta^*<\theta^{**}$. Это соотношение соответствует тому, что налоговая система стимулирует экономический рост с одновременным удовлетворением фискальных интересов. Оптимально налоговая система должна быть построена так, чтобы фактическая налоговая нагрузка не превышала значение нагрузки в точке Лаффера первого рода, то есть $\theta<\theta^*$, поскольку рост налогового бремени, который снижает экономическую активность предприятий, неприемлем. Зона $II-\theta^*<\theta<\theta^{**}$. В этой области фактическая налоговая нагрузка не больше значения налоговой нагрузки в точке Лаффера второго рода, но больше налоговой нагрузки в точке Лаффера первого рода. Поэтому, с позиции фискальных интересов, имеет вполне допустимую величину, а в позиции предприятий такое налоговое бремя лишь стимулирует спад производства и в перспективе вступает в противоречие с долгосрочными стратегическими направлениями развития экономики страны. Зона $III-\theta>\theta^{**}>\theta^{*}$. Такое соотношение величин является индикатором возникновения серьезных и глубоких противоречий интересов предприятий и государства.

Для моделирования альтернативных решений, связанных с определением максимально возможной и допустимой в конкретных условиях функционирования

предприятий налоговой нагрузки, необходимо ввести дополнительные условия. Первое условие накладывает ограничение на величину минимальных налоговых поступлений в бюджет T_{min} , определенные в государственном бюджете. Второе условие определяет минимально допустимый с позиции экономической и финансовой устойчивости уровень финансовых ресурсов, остающихся у налогоплательщика после уплаты налогов R_{min} .

Исследуем функцию $R(\theta)=X(\theta)-T(\theta)$. Она определена на $(0,\theta)$, возрастает на отрезке $(0,\widetilde{\theta})$ и убывает на $(\widetilde{\theta},\theta)$, имеет максимум в точке $\widetilde{\theta}$, где

 $\widetilde{\theta} < \theta^*$. Таким образом, максимальное значение R на графике функций X и T находится несколько правее точки максимума X. Следовательно, область допустимых значений налоговой нагрузки находится внутри интервала $(0,\theta^{**})$. Значение R_{min} — это такой уровень дохода налогоплательщика (предприятия), который обеспечивает минимальный уровень его финансово-экономической устойчивости. Финансово-экономическая устойчивость предприятия определяется состоянием, распределением и использование его финансовых ресурсов, что обеспечивает развитие предприятия на основе роста прибыли и капитала при сохранении платежеспособности и кредитоспособности в условиях допустимого уровня риска. То есть, R_{min} должно соответствовать такому состоянию, которое характеризуется способностью предприятия развиваться в условиях изменяющейся внешней и внутренней среды.

На рис. З показана область допустимых значений налоговой нагрузки с учетом новых ограничений на значения величин T_{min} и R_{min} , названная областью оптимума.

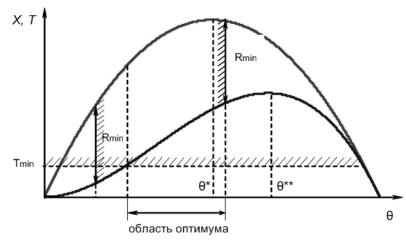

Рис. 3. Область допустимых значений налоговой нагрузки

В общем виде оценить финансовое состояние предприятия можно системой показателей: финансовой устойчивости, платежеспособности, деловой активности, рентабельности. Для расчета этих показателей используются в том числе величины налогооблагаемых баз различных налогов. Поэтому изменение значений налогооблагаемых баз непосредственно влияет на изменение показателей финансового состояния предприятия. Кроме того, изменение ставки какого-то налога меняет его налогооблагаемую базу, что в свою очередь влияет на изменение налогооблагаемых баз других налогов. В определенной таким образом области допустимых значений налоговой нагрузки в дальнейшем ведется поиск оптимальных решений.

Для каждой однородной группы предприятий, то есть предприятий, которые имеют одинаковые структуры уплаченных налогов, отдельно формируются зависимости производственной и налоговой функций от совокупной налоговой нагрузки (Орлова, 2012. С. 107-118). Показатель выручки выступает в качестве

характеристики, отражающей производственно-экономические возможности предприятий, то есть лежит в основе идентификации производственной функции. Каждая группа исследуемых предприятий имеет свои особенности и отличия в структуре налогооблагаемых баз, налоговых отчислениях, поэтому и уровень эффективной налоговой нагрузки для предприятий из разных групп должен отличаться.

Процедуру определения оценок оптимальных ставок налогов в группах однородных предприятий можно формализовать в виде оптимизационной модели. Целевая функция максимизации производственных функций вида $X_{ij}(\theta) = a_{ij}\theta^2 + b_{ij}\theta$ объектов каждой группы i в разрезе всех видов налогов j представлена как

$$\sum_{i=1}^{k} \sum_{j=1}^{n} X_{ij} (\Theta) \rightarrow \max$$
(5)

обеспечивает максимальное значение суммарной налогооблагаемой базы по разным налогам в условиях ограничений на минимум налоговых поступлений как суммы $T_{ij}(\theta) = a_{ij}\theta^3 + b_{ij}\theta$ по всем налогам — T_{min} (первое ограничение модели):

$$\sum_{i=1}^{k} \sum_{j=1}^{n} T_{ij} \left(\Theta \right) \geq T_{\min}$$
(6)

а также минимально необходимую сумму посленалоговых средств $R_{min(i)}$, которые остаются у налогоплательщиков после погашения выплат по всем видам налогов и сборов (второе ограничение модели):

$$\sum_{j=1}^{n} \left[X_{ij} \left(\Theta \right) - T_{ij} \left(\Theta \right) \right] \ge R_{\min(i)} \quad R_{\min(i)} = \sum_{s} R_{\min s} \quad , \tag{7}$$

 $a_{ij},\,b_{ij}$ – параметры оптимизационной модели.

Реализация численных экспериментов на примере предприятий г. Уфы показана в (*Орлова*, 2012. С. 119-122; Исмагилова и *Орлова*, 2007. С. 116-117), а также доказана адекватность и эффективность применения разработанной модели.

Заключение

обеспечения Показано, что для экономического роста необходимо согласовывать противоречивые критерии эффективности функционирования разноуровневых экономических систем. Предложена новая концепция управления налогообложением, отличием которой от существующих концепций являются следующие положения. Во-первых, обеспечивается формирование обоснованных с позиций теории Лаффера дифференцированных значений налоговой нагрузки и ставок различных налогов в относительно однородных группах предприятий реального сектора экономики. Во-вторых, разработанная система управления согласованным развитием разноуровневых систем – налоговой системы и реального сектора экономики – учитывает изменяющиеся факторы, влияющие на динамику производственных и бюджетно-налоговых показателей, и позволяет обосновать налоговые ставки, которые будут приемлемы по критериям эффективности обеих систем. Целью разработанной системы управления является обеспечение экономического роста предприятий реального сектора экономики, а также роста налоговых поступлений в бюджет. Модели управления налогообложением концепции зависимости производственных базируются на предприятий и уровня налоговых поступлений от величины совокупной налоговой ставки. Предложена модель идентификации совокупной налоговой нагрузки разных групп предприятий, схожих по финансово-экономическому портрету, достаточной для формирования бюджета, с одной стороны, а также стимулирования экономического роста предприятий, – с другой. На основе оптимизационной модели обосновано установление налоговых ставок по разным видам налогов и однородным

группам предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова З. Г. и Лившиц В. И. (2013). Взаимодействие государства и бизнеса – основа решения стратегических задач российской экономики // Вестник науки Сибири, № 1.

Балацкий Е. В. (2000). Эффективность налоговой политики государства ∥ *Проблемы теории и практики прогнозирования*, № 2.

Васин А. А. и Васина П. А. (2002). Оптимизация налоговой системы в условиях уклонения от налогов: роль ограничений на штраф. М.: EERC.

Гольдберг А. и *Юткина Т.* (2000). Модели налогового регулирования субъектов сфер «бюджет» и «бизнес» // *Налоги*, № 1.

Граборов С. В. (2003). Границы применимости современной бюджетноналоговой теории и мажоритарный подход // Экономика и математические методы, № 4.

Исмагилова Л. А. и *Орлова Е. В.* (2007). Моделирование эффективной налоговой нагрузки по группам субъектов налогообложения // *Известия РАН*. *Теория и системы управления*, № 1.

Исмагилова Л. А. и *Орлова Е. В.* (2012). Эффективное управление разноуровневыми экономическими системами. М: Машиностроение.

 $Oрлова\ E.\ B.\ (2012).$ Экономико-математический инструментарий управления экономической системой в условиях неопределенности. Уфа: УГАТУ.

Орлова Е. В. и Исмагилова Л. А. (2013). Управление налогообложением региональной системы на основе интеллектуальных методов и моделей // Нейрокомпьютеры: разработка и применение, № 3.

Черхарова Н. И. и Ованесян С. С. (2013). Оптимизационная модель налоговой нагрузки с внешними переменными управления // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского, № 1.

REFERENCES

Antonova Z. G. and Livshits V. I. (2013). The interaction of government and business - the basis of the strategic objectives of the Russian economy. Bulletin of Science in Siberia, no. 1. (In Russian).

Balatsky E. V. (2000). The effectiveness of tax policy. Problems of the Theory and Practice of Forecasting, no. 2. (In Russian).

Vasin A. A. and *Vasina P. A.* (2002). Tax system optimization under tax evasion: the role of penalty restrictions. Moscow, EERC Publ. (In Russian).

Goldberg A. and Yutkina T. (2000). Models of tax regulation of "Budget" and "Business" Subjects. Taxes, no. 1. (In Russian).

Graborov S. V. (2003). Modern Fiscal Theory: limits of applicability and majority approach. *Economics and Mathematical Methods*, no 4. (In Russian).

Ismagilova L. A. and Orlova E. V. (2007). Simulation of efficient tax load in groups of subjects of taxation. Journal of Computer and Systems Sciences International, no. 1. (In Russian).

Ismagilova L. A. and Orlova E. V. (2012). Efficient management in multilevel economic systems. Moscow, Mechanical Engineering Publ. (In Russian).

Orlova E. V. (2012). Economic-mathematical tools for management in economic system under uncertainty. Ufa, Publ. House of USATU. (In Russian).

Orlova E. V. and Ismagilova L. A. (2013). Management of regional Taxation system based on intelligent methods and models. Neurocomputers: Development and Application, no. 3. (In Russian).

Cherharova N. I. and Hovhannisyan S. S. (2013). An optimization model of the tax burden from external control variables. Questions of Modern Science and Practice. University Vernadsky V. I., no. 1. (In Russian).

ПОДПИСКА-2014

НА ИЮЛЬ-ДЕКАБРЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Institutional Studies

Журнал институциональных исследований

по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014», ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

Подписной индекс 82295

Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость) вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

ПОДПИСКА-2014

НА ИЮЛЬ-ДЕКАБРЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014»,
ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

Подписной индекс 42503

Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость) вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

Tom 5, № 2. 2014

Сдано в набор 17.06.2014 г. Подписано в печать 25.06.2014 г. Тираж: 500 экз. Заказ № 130